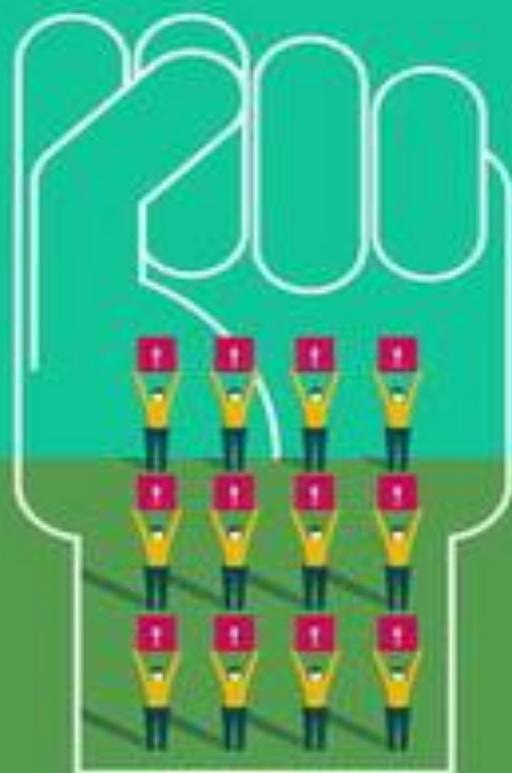

СИНЕРГИЯ

Научно-практический журнал

ISSN 2415-7708

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СИНЕРГИЯ»

Иголкин Сергей Леонидович, к.экон.н., профессор, ректор, Воронежский экономико-правовой институт – главный редактор;
Смолянинова Ирина Вячеславовна, к.экон.н., доцент, проректор по научно-исследовательской работе, Воронежский экономико-правовой институт – заместитель главного редактора;
Шталов Максим Александрович, к.экон.н., доцент, начальник научно-исследовательского отдела, Воронежский экономико-правовой институт – ответственный секретарь

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Алиев Назим Казым оглы, доктор юридических наук, доцент, Национальная авиационная академия, г. Баку, Азербайджан;
Атабеков Алмаз Каримович, к.экон.н., доцент, Ошский Технологический университет имени академика М. Адышева, г. Ош, Кыргызстан;
Ахмаджанов Мерлан Азаматович, к.экон.н., доцент, Аппарат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Буханова Наталья Валентиновна, к.мед.н., доцент, Университет Далхаузи, Галифакс, Канада;
Гыязов Айдарбек Токторович, к.экон.н., доцент, Кызыл-Кийский институт технологий, экономики и права, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Зайцев Игорь Станиславович, к.пед.н., доцент, Академия последипломного образования, г. Минск, Беларусь;
Зулпуев Абдиван Момунович, докт.тех.наук, профессор, ректор, Кызыл-Кийский институт технологий, экономики и права, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Клименко Ирина Сергеевна, д.техн.н., профессор, Костанайский государственный педагогический институт, г. Костанай, Казахстан;
Кулуева Чынара Раимкуловна, д.экон.н., профессор, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан;
Купуев Пирмат Купуевич, д.экон.н., профессор, член-корр. национальной академии наук КР, заслуженный экономист КР, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан;
Раимбаев Чаткалбай Кенейбаевич, к.экон.н., профессор, ректор, Кыргызско-Узбекский университет, г. Ош, Кыргызстан;
Ромасевич Юрий Александрович, д.техн.н., доцент, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, Украина
Сас Наталия Николаевна, д.пед.н., профессор, Полтавский национальный педагогический университет имени Владимира Галактионовича Короленко, г. Полтава, Украина;
Убайдуллаев Мирланбек Байдусенович, к.экон.н., доцент, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абдалина Лариса Васильевна, д.псих.н., профессор, Российский государственный социальный университет;
Бабеева Анна Владимировна, д.филос.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Баутин Василий Михайлович, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Безрукова Татьяна Львовна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный лесо-технический университет;
Богомолова Ирина Петровна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Брянцева Лариса Викторовна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет;
Гудименко Галина Валерьевна, д.экон.н., профессор, Орловский государственный университет экономики и торговли;
Кабанов Вадим Николаевич, д.экон.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Кургузкина Елена Борисовна, д.юрид.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет;
Лелеков Виктор Андреевич, д.юрид.н., профессор, Воронежский институт ФСИН России;
Липатов Вячеслав Александрович, д.мед.н., профессор, Курский государственный медицинский университет;
Максимчук Ольга Викторовна, д.экон.н., профессор, Волгоградский государственный технический университет;
Наумов Владимир Аркадьевич, д.техн.н., профессор, Калининградский государственный технический университет;
Пашута Ангелина Олеговна, д.экон.н., профессор, ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР РФ;
Саликов Юрий Александрович, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Станчин Иван Михайлович, д.экон.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Широбоков Владимир Григорьевич, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ахмедов Ахмед Эдуардович, к.экон.н., доцент Воронежский экономико-правовой институт;
Баулина Оксана Александровна, к.экон.н., доцент, Волгоградский государственный технический университет;
Батенёва Наталья Владимировна, к.биол.н., доцент, Новосибирский государственный аграрный университет;
Батищев Александр Витальевич, к.экон.н., доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;
Клюев Сергей Васильевич, к.техн.н., доцент Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова;
Кузьменко Наталья Ивановна, к.геог.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Гаврилов Сергей Тихонович, к.пед.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Горбунова Янна Павловна, к.юрид.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Жесткова Елена Александровна, к.филос.н., доцент, Арзамасский филиал ННГУ имени Н.И. Лобачевского;
Козачек Артемий Владимирович, к.пед.н., доцент, Тамбовский государственный технический университет;
Краснова Наталья Александровна, к.экон.н., доцент, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет;
Кустов Андрей Игоревич, к.ф.-м.н., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова;
Чемезов Сергей Александрович, к.мед.н., доцент Уральский государственный медицинский университет.

Содержание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

В.В. Воронов

Фундаментальные и прикладные исследования: от теории к
практике (вопросы методологии)..... 7

Е.А. Фролова

История политических и правовых учений: классификационная
и оценочная юридическая наука..... 13

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Э.Э. Ермакова

Высокотехнологичный сектор экономики Беларуси..... 19

А.Ш. Умуралиева, А.А. Кулин

Диагностика влияния международных банков развития на
экономику Кыргызской Республики..... 27

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

А.В. Озерова, А.А. Ларина

Трансформация агрессивного поведения в современном
обществе..... 36

И.В. Василенко

Благосостояние современного регионального населения в
фокусе социологического анализа (на примере Волгоградской
области)..... 42

**ОХРАНА ПРИРОДЫ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В
МЕДИЦИНЕ, БИОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ**

Р.Г. Мелкадзе

Клиническая апробация адаптивных свойств биоактивной
добавки "Grail" 50

И.Т. Ыдырысов, К.Б. Ырысов

Результаты нейрохирургического лечения при сочетанной
черепно-мозговой травме..... 59

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Л.В. Голоскоков

Предпосылки построения цифровой экономики и
минимизации экономических преступлений..... 67

В.В. Хилюта

Забытое имущество и его характеристика в контексте
установления признаков кражи и присвоения
найденного..... 74

НАУКА МОЛОДЫХ – МОСТ В БУДУЩЕЕ

А.С. Семенов

Некоторые подходы к формированию эффективного
транспортно-логистического менеджмента..... 85

Правила для авторов..... 92

Contents

MODERN PROBLEMS OF PROFESSIONAL EDUCATION

V.V. Voronov

Fundamental and applied research:
from theory to practice (questions of methodology)..... 7

E.A. Frolova

History of political and legal studies: classification and
evaluation..... 13

ECONOMIC THEORY AND NATIONAL ECONOMY

E.E. Yermakova

High-tech sector of the belarusian economy..... 19

A.Sh. Umuralieva, A.A. Kulin

Diagnostics of the influence of the international development banks
on the economy of the Kyrgyz Republic..... 27

SCIENTIFIC DISCUSSION

A.V. Ozerova, A.A. Larina

Transformation of aggressive behavior in the modern society..... 36

I.V. Vasilenko

The welfare of the contemporary regional population in the focus of
sociological analysis (on the example of the Volgograd region) 42

**PROTECTION OF NATURE AND HUMAN HEALTH: NEW
SOLUTIONS IN MEDICINE, BIOLOGY AND ECOLOGY**

R.G. Melkadze

Clinical approbation of the adaptive properties of the bioactive
additive "Grail" 50

I. T. Ydyrysov, K. B. Yrysov

Results of neurosurgical management in combined skull brain injury..... 59

LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

L.V. Goloskokov

Prerequisites of construction of the digital economy and minimization of economic crimes..... 67

V.V. Hilyuta

Forgotten property and its characteristics in the context of the installation of the signs of the circle and the assignment of the foundation..... 74

SCIENCE OF YOUNG PEOPLE - BRIDGE TO THE FUTURE

A.S. Semenov

Some approaches to the formation of effective transport and logistic management..... 85

Rules for authors 92

Современные проблемы профессионального образования

УДК 378.4

В.В. Воронов

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ)**

Даугавпилсский Университет

Аннотация: Современная социальная наука в её фундаментальной и прикладной формах находится под огромным влиянием англо-саксонского когнитивного пространства. Это обстоятельство лишает российскую социальную теорию и практику возможности создавать и реализовывать неискажённую картину мира, адекватную жизнеустройству и жизнедеятельности российского общества. В статье сделана попытка обоснования научной методологии перевода фундаментальных знаний на язык практики: социального прогнозирования, социального проектирования и нормирования, планирования и управления процессами развития российского общества.

Ключевые слова: теория, практика, методология, российское общество.

UDC 378.4

V.V. Voronov

**FUNDAMENTAL AND APPLIED RESEARCH:
FROM THEORY TO PRACTICE (QUESTIONS OF METHODOLOGY)**

Daugavpils University

Abstract: Modern social science in its fundamental and applied forms is under the enormous influence of Anglo-Saxon cognitive space. This fact deprives the Russian social theory and practice of the opportunity to create and implement an undisturbed picture of the world, adequate to the organization and functioning of the Russian society. The article attempts to substantiate the scientific methodology of translation of basic knowledge into the language of practice: social forecasting, social design and rationing, planning and management of the development of Russian society.

Key words: theory, practice, methodology, Russian society.

В условиях роста субъективного фактора в социальной деятельности, становится весьма актуальным вопрос о приведении фундаментальных положений социальной (в т.ч. экономической) теории в практически приложимую форму, для реализации этих положений на практике в неискаженном виде. Для его решения надо исследовать гносеологические и социальные стороны данного процесса в категориях диалектики общего и единичного, опосредствующих их связей. Переход от познания (теории) к практике – сложен и многоступенчат, детерминирован различными гносеологическими и социальными факторами. Поэтому необходим поиск, выявление условий, способов, средств и путей реализации социальной теории в практике в неискаженном виде.

Предметом теоретического познания выступает некоторое концептуально содержательное поле («теоретический мир»), внутри которого выявляются закономерности данной теории. Смысл принципа единства теории и практики заключается в том, чтобы: а) использовать теоретические положения фундаментальных социальных наук об изучаемом объекте в методологии социального исследования этого объекта; б) не отрывать теории социального познания от практики социального познания; в) не отрывать социальное познание от объективной действительности, от практической деятельности вне науки (например, социального управления и планирования), чтобы сделать социальную науку практически эффективной. Эта задача и решается в *прикладных социальных исследованиях*, ибо среди звеньев цепи, соединяющей теорию с практикой, именно эти исследования реализуют достижения теории.

Практика выступает объектом приложения теории, ибо практика всегда ограничена условиями времени и места и может приобретать всеобщее значение только тогда, когда осмыслена теорией. Научное, теоретическое осмысление фактов выдвигает, затем необходимость наметить конкретные пути их применения, посредством подготовки соответствующих программ, методик, планов, проектов конкретных решений при использовании их в практике. Здесь могут и должны применяться экспериментирование, моделирование, прогнозирование, социально-экономический анализ, экспертная оценка и другие методы прикладных социальных исследований.

При этом переход к практике осуществляется не от эмпирического уровня знания и познания, а от теории. От эмпирии совершается переход к абстрактному научному мышлению и лишь от него – к практике. Все научные абстракции отражают действительность глубже и вернее. Необходимо признание положений, например, фундаментальной экономической теории на уровне целого («общего») в качестве необходимой предпосылки и основания для научного анализа хозяйственной практики. При этом надо уметь и применять это «общее»: наиболее частыми ошибками в теоретическом исследовании являются: 1) механическое перенесение общего на частное или 2) непосредственное подведение конкретного под общее. Подобная гносеологическая ошибка возможна, если, например, комплексный хозяйственный план развития страны понимать как прямое сведение в совокупность соответствующих отраслевых планов. Сложный хозяйственный организм государства требует обратного: на основе общественно необходимых (и научно обоснованных) пропорций удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, через посредствующие планирующие звенья субъектов федерации, формировать сбалансированную пространственную организацию производительных сил страны, территориально-отраслевые пропорции производства для их удовлетворения.

Вопрос о применении социальной теории к практике предполагает использование законов науки, знаний об этих законах в практике. Люди всегда выступают исполнителями законов своих общественных действий, законов совершаемого ими дела, авторами которого они сами и являются. Поэтому они не могут игнорировать или нарушать законы самих своих действий. Речь может идти лишь о том, что одни действия подчиняются одним законам, другие – другим. Так, действия по извлечению большей прибыли неизбежно подчиняются

соответствующим стоимостным законам. При этом не закон подобно орудию используется на практике, а знание о нем. Люди, действуя, всегда подчиняются тем или иным законам, и в этом смысле их практическая деятельность совпадает не с использованием, а с действием социальных законов. То есть изменяют ли люди свои производственные или социальные технологии, они одинаково подпадают под действие объективных законов своей деятельности. Становится понятным, что для развития единственно адекватной российской цивилизации научной нерыночной экономической теории надо последовательно разрабатывать и применять в познании имманентные российскому жизнеустройству экономические законы и категории, необходимо вытекающие из его коллективистской сущности, а не привнесенные извне законы и категории функционирования рынка. При этом, заимствование терминологии «экономикса», исследующей хозяйственное бытие одного типа экономической системы (рыночной), экономической теорией, исследующих хозяйственное бытие другого типа экономической системы (нерыночной), это не просто подмена одних понятий другими, но и замена достоверных умозаключений ложными. Вопрос даже сложнее. Дело в том, что терминология в очень высокой степени контекстуальна, и заимствование понятий приводит к подмене метода, а затем (незаметно для исследователя) к подмене самого предмета данной науки. И, в конце концов, мы получаем «иррациональный текст», который затем пытаемся применить к действительности, к примеру, в практику экономических модернизаций и государственно-политических реформ. Это похоже на профессиональные рассуждения телемастера о достоинствах и недостатках модели телевизора, в то время как перед нами находится стиральная машина.

Другими словами, многие исследователи в объяснении российского прошлого, настоящего и будущего, перешли на язык понятий и категорий рынка, что противоречит всей нерыночной социально-экономической и социокультурной истории государства, и порождает искажённую картину мира жизнеустройства и жизнедеятельности российского общества.

Поэтому надо смелее, настойчивее и последовательнее искать действительные противоречия в наличных экономических представлениях о российской реальности и как способ их разрешения, «снятия», вводить новые категории, законы, отсутствующие не только в обыденном, но и в теоретическом экономическом мышлении. Это тем более необходимо сделать, что до сих пор еще не разработан всесторонне понятийный аппарат экономической теории на основе имманентных российскому жизнеустройству законов и категорий, не выделена однозначно исходная «клеточка» нерыночной экономической теории России, основной экономической закон движения нерыночной системы, её основное экономическое отношение и основное экономическое противоречие.

Разнообразие форм современной практической деятельности диктует задачу количественного увеличения описаний форм практики заменить на задачу о знании сущности того, что задействовано в нашей практике. Науке давно известно, что знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов, то есть владение одной правильной методологией исследования достаточно для объяснения разнообразных фактов действительности, которые могут противоречить друг другу на практике. Движение теоретической мысли от абстрактного к конкретному позволяет ставить вопрос об объективном критерии для оценки истинности взглядов, идей, выдвигаемых с позиции различных форм деятельности. Так, применительно к России развитие коллективистских форм экономической жизнедеятельности (соответствующих обществу труда, а не обществу капитала), распространение их на все сферы общественного труда и есть достаточно объективный критерий для сравнения и проверки на истинность экономических взглядов, идей и теорий, выдвигаемых с позиций различных конкретных форм материальной практической деятельности (т.е. позиций рабочего, служащего, крестьянина, предпринимателя, олигарха и т.д.). Здесь возникает гносеологическая трудность: каждый может утверждать, что именно он прав в постижении сущности экономических отношений и,

действительно, каждый будет прав, исходя из своих условий практической деятельности. Получается, что такой гносеологический критерий истины, как постижение (адекватное отражение) сущности экономических отношений теоретическим сознанием, невозможно однозначно аргументировать в пределах самого сознания. Истина находится вне духовного производства, но где? Ее можно обнаружить, если исходить из того, что сущность исторически определенных экономических отношений всегда есть адекватное отражение коренных интересов большинства народа страны. Эти интересы находят свою объективную основу в отношениях собственности [7]. Следовательно, если взгляды, идеи, теории науки отражают (выражают) данные интересы, то, соответственно, они верно «схватывают» сущность экономических процессов данных отношений и наоборот.

Однако раскрытие фундаментальной экономической теорией сущностного уровня экономических отношений – только одна сторона дела. Можно знать верное решение задачи совершенствования нерыночных экономических отношений на своей собственной основе, но не реализовывать на практике это знание. Причины могут быть как объективного, так и субъективного характера. Здесь правомерен такой вопрос: каковы необходимые и достаточные условия, чтобы положения экономической науки, адекватные российской социально-экономической системе, стали общественным практическим руководством, практической силой действия? Для этого необходим механизм реализации экономической теории в практике. Под таким механизмом мы понимаем: а) совокупность государственных, научных, хозяйственных, общественных учреждений и организаций, направляющих и организующих деятельность субъектов экономических отношений; б) средства внесения нерыночной экономической теории в практику; в) трудовые коллективы как материальные носители нерыночной формы инициативы, творчества и активности, где положения экономической теории находят свое подтверждение, корректировку или отрицание.

Одна из причин низкой практической отдачи фундаментальных и прикладных экономических исследований – отсутствие отлаженной, воспроизводимой системы государственных заказов с позиции углубления адекватных нерыночной социально-экономической системе решений научных проблем, заказов, которые бы предусматривали: а) состав участников, б) материальные, финансовые средства, в) сроки решения, г) опыт практической реализации. Нужны меры, предусматривающие широкое введение в практику долгосрочное планирование и организацию исследований на основе государственных социальных заказов потребителей научных и научно-прикладных разработок. Хотя надо отметить, что подобная практика существует давно, если иметь в виду систему хозяйственных договоров, например, между вузами и предприятиями, но их общий недостаток в преобладании работ с позиции рыночных отношений, а не с позиции нерыночных. Необходимы заказы федеральных министерств на разработку крупных проблем, решение которых связано с преобразованием социально-экономических отношений в России с рыночных на нерыночные. Отечественная социальная наука явно недооценивает суть противоречия между двумя ведущими мировыми цивилизациями: западной (англо-саксонской) и восточнославянской (русской). В чём эта суть? В том, что для Запада «окружающее пространство» выступает геополитическим способом производства общественной связи – расширением ресурсных территорий на основе «жизненных интересов» нации в горизонте калькуляции затрат и выгод с накоплением силового потенциала для достижения материальных целей (целерациональный подход). Для России «окружающее пространство» выступает хронографическим способом производства общественной связи – стратегией сборки и удержания (консолидации) этнических, культурных, экономических частей как единого целого (ценностный подход) [1; 2; 6]. Всё это выражает разные сущности разных цивилизаций, поэтому механическое заимствование ничего не даст российскому государству, кроме социальных химер типа «капитализма с человеческим лицом» (интегральное, конвергентное общество), «социализма с человеческим лицом» (общество рыночного социализма) [4; 8; 9].

Своеобразие и уникальность социально-экономического устройства России проявляется и в отличии структуры российского общества от структуры западного общества: многоукладность из-за широкой дифференциации условий хозяйствования, значительная роль государства в регулировании экономики, различающийся образ жизни и занятия населения из-за многонационального состава и большой территории страны. Например, если Советский Союз последовательно и успешно решал проблему «неосвоенных территорий» для развития страны, то после 1991 года, продажная и предательская власть крупного капитала, последовательно и успешно увеличивает площади городских, сельских «заброшенных территорий». Такая ситуация обусловлена пространственным мозаичным развитием капитализма в России, который демонстрирует значительные темпы в крупных городах страны, где концентрируются рабочая сила («производители») и население («потребители»). Эти условия способствуют привлечению дополнительной трудовой миграции в мегаполисы, но формируют социально-экономическую, социокультурную, демографическую деградацию периферийных, по отношению к ним, территорий страны. В результате развала на базе совхозов и колхозов сельскохозяйственных предприятий и потери материально-технической базы для обработки земель в сельской местности идёт «социальное опустынивание» (деградация и разрушение) прежде освоенного пространства, умирание сёл и деревень вплоть до полного уничтожения их инфраструктуры (то же – в отношении промышленного производства в средних и малых городах). Такое положение дел обусловлено непониманием того, что солидарно-трудовая матрица и социокультурный тип русского народа (самодостаточность, мастеровитость, коллективизм) воспроизводятся деревней, её бытом. Без деревни воспроизводство основных традиционных ценностей русского народа может быть утрачено. Нынешняя власть не учитывает важность положения о том, что сила институтов ещё не всё, не менее важна и их адекватность процессу общественного развития. С последним, особенно с российскими финансовыми институтами, можно наблюдать полную неадекватность интересам государства [3].

Долгие годы губительных реформ показали, что на экономической основе господства частной собственности, особенно в форме иностранного капитала, социально справедливого общества не построить. Конвергентное же общество, в лучшем случае, может быть лишь переходным, потому что дуализма одной и той же сущности не бывает (социализм и капитализм как противоположные сущности не могут быть одинаково истинными в одном и том же отношении). Поэтому со временем, рано или поздно, побеждает и господствует одна из них со всеми вытекающими последствиями.

Восстановление социально-экономических структур, имманентно присущих российской цивилизации: многоукладная экономика, централизация экономической жизни с ведущей организующей ролью государства, двухкомпонентная денежная система (ролевое обособление наличных и безналичных денежных потоков), обеспечивавшая служебную, а не товарную роль денег в экономике, коллективизм и плановые методы хозяйствования и другое, возможно лишь на основе отечественных оригинальных мыслей, концепций, адекватно представленных и на уровне здравого смысла. Это предполагает возрождение мобилизационного стиля жизни, включающего преобладание прорывных, а не фронтальных экономических технологий производства вещей и идей на основе пятого и шестого технологических укладов, технологий социальной деятельности, отвечающих ментальности народной жизни. По мнению отдельных экономистов, такая «формула опережения» включает в себя «человеческий фактор» (образование, наука, культура) + национальные традиции (коллективизм, социальное развитие) + природные ресурсы, используемые в интересах национальной экономики + активно работающее государство + плановые методы хозяйствования + внутренне ориентированный тип развития производства + экспортная специализация на производстве уникальной продукции [5: 3; 10].

Сделаем следующий вывод. Экономическая теория для применения в практике должна обрести свою особенную форму существования, выступить вместе со своими проявлениями. Прикладные исследования осуществляют перевод фундаментальных знаний на язык социального прогнозирования, социального проектирования и нормирования, планирования и управления. Для этого необходимо отладить четкое взаимодействие цикла: фундаментальные экономические исследования → прикладные исследования → методические разработки → управление экономикой → производство, как технологического цикла внедрения выводов научной нерыночной теории в адекватную ей экономическую практику социализма.

Список литературы

1. Воронов В.В. Академическая наука о междисциплинарном подходе к анализу и оценке пространственного развития. // Балтийский регион. 2014. № 4. С.137-144.
2. Воронов В.В. Экономическое сознание и ценностные ориентации выпускников вузов Латгалии. // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 64-68.
3. Дмитриев А. В., Воронов В. В. Россия в контексте пространственного развития: взгляд с периферии Ближнего Севера. // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 169–181.
4. Орленко Л.П. Альтернативная экономика. От криминального капитализма к планово-рыночному социализму. - М.: Алгоритм, 2007. – 544 с.
5. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.
6. Переслегин С.Б. Эффект «чужого поля»: российская наука в англо-саксонском когнитивном пространстве. // Экономические стратегии. 2017. № 8. С. 50-65.
7. Тарандо Е.Е. Собственность: основы трудовой теории. -СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2008. – 168 с.
8. Цаголов Г.Н. Тайны Малого Дракона. Куда идет Вьетнам? Чему у него поучиться? - М.: Экономика, 2013. – 67 с.
9. Schweickart D. After capitalism. Rowman & Littlefield Publishers (USA), Inc., 2002. – 247 p.
10. Voronov V., Petrova I., Račko E. Reģionālās ekonomikas konkurētspējas paaugstināšana un aktīvā adaptācija globalizācijas apstākļos. - Daugavpils: Daugavpils Universitātes izdevniecība “Saule”, 2006. – 120 p.

Информация об авторе:

Воронов Виктор Васильевич,
доктор социологических наук, профессор, Институт
гуманитарных и социальных исследований
Даугавпилсского университета,
г. Даугавпилс, Латвия

Information about author:

Voronov Viktor Vasilievich,
doctor of sociological sciences, professor, Institute
of Humanitarian and Social Studies of Daugavpils
University, Daugavpils, Latvia

УДК 340.12

Е.А. Фролова

**ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ:
КЛАССИФИКАЦИОННАЯ И ОЦЕНОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
НАУКА**

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы науки истории политических и правовых учений, показывается соотношение истории политических и правовых учений с теорией государства и права, философией и социологией права; предлагаются различные критерии оценок политико-правовых учений. Показывается, что история политических и правовых учений является одновременно и классификационной, и оценочной юридической наукой.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, философия права, теория государства и права, методология юридической науки.

UDC 340.12

E.A. Frolova

**HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL STUDIES: CLASSIFICATION
AND EVALUATION**

Moscow State University M.V. Lomonosov

Abstract: The article examines the methodological problems of the history of political and legal doctrines, shows the correlation of the history of political and legal doctrines with the theory of state and law, philosophy and sociology of law; various criteria for evaluating political and legal doctrines are proposed. It is shown that the history of political and legal doctrines is both a classification and an evaluation legal science.

Keywords: history of political and legal doctrines, philosophy of law, theory of state and of law, methodology of jurisprudence.

История политических и правовых учений относится к циклу историко-теоретических наук о государстве и праве. Одной из основных задач этой науки является обнаружение закономерностей развития политико-правовой идеологии, прежде всего, доктринального уровня [2, с. 7-10]. Значимость истории политических и правовых учений определяется рядом причин. Прежде всего, она создает модели теоретического познания государства и права и потому выступает как школа альтернативного мышления.

Проблемы понимания и соотношения права и государства, права и морали, политики и морали, личности и государства, реформ и революций, обеспечения прав и свобод человека и др. всегда волновали человечество, горячо обсуждались в обществах. В результате дискуссий и споров по этим вопросам складывались системы аргументов в защиту того или иного решения политико-правовой проблемы. Наука истории политических и правовых учений, в рамках которой накоплен огромный фактический материал, предоставляет возможность соотносить с учетом многовековых споров разные теории, направления, течения политико-правовой мысли. С середины 90-х годов XX века в нашей юридической литературе в качестве особенностей этого времени назывались становление идеологического плюрализма, признание различных вариантов мышления, в том числе, юридического. Справедливо отмечалось, что соревнование идейных течений, обмен доводами «дают возможность изжить узость и одномерность идеологически деформированного сознания, строго ориентированного на господствующее официальное мировоззрение» [6, с.4; 1, с.99-101].

Содержание и формы политико-правовых учений различны (философские письма, научные трактаты, политические памфлеты и др.), однако каждая политико-правовая доктрина (учение, концепция, теория), а не случайно высказанная, даже оригинальная, мысль (суждение, настроение, взгляд) предполагает определенную структуру, включающую философско-теоретическую основу /методологию/, содержательную часть, предметно раскрывающую вопросы государства и права и предлагающую для решения этих вопросов ряд мер, содержащихся в программной части учения.

Составные элементы доктрины не всегда очевидны в творчестве мыслителя, но в том или ином объеме обязательно присутствуют. Так, например, при явном приоритете философско-методологической составляющей философия права И. Канта содержит конкретную антифеодальную политико-правовую программу преобразования государственно-правового строя Пруссии XVIII века. П.И. Пестель, помимо детального перечня первоочередных мер радикального переустройства России, являлся сторонником теории естественного права в качестве логико-теоретической основы своих программных построений. Одной из задач для специалистов в сфере истории политико-правовых учений является поиск, раскрытие и анализ всех частей концепции. Наличие политического и правового учения предполагает связанность элементов структуры, что выражается в относительной устойчивости доктрин. При анализе политических и правовых учений крайне нежелательно разрывать части системы, выбирать из контекста отдельные фразы и оценивать их вне общего понимания доктрины.

Логико-теоретический компонент учения выражает господствующее мировоззрение эпохи (напр., Древний мир – философия, Средние века – теология, Новое время – рационализм, Новейшее время – социология, психология, политология и др.). В учебной литературе справедливо отмечается, что мировоззренческая основа каждого политико-правового учения не произвольна – она соответствует влиятельному способу мышления эпохи, но многовариантна. Абстрактность методологических основ учений о праве и государстве порождает возможность использовать этот теоретический элемент для обоснования разных, даже противоположных программных требований (напр., теоретическое исследование природы человека лежит в основании авторитарной доктрины Гоббса и демократической концепции Спинозы, на идее суверенитета законов природы выстраивался коммунизм Морелли и реакционно-феодальное учение де Бональда, ссылаясь на природу права и необходимость общественного развития обосновывался проект вечного мира Канта и оправдывались военные действия государств в философии Гегеля).

Программная часть учений связана с государством, правом, политикой. Общественные идеалы, представленные в программных требованиях, выражают интересы и определяют цели социальных групп (страт, классов). Сложно не согласиться с

замечанием основоположников марксистской идеологии, что «в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами» [5, с. 145]. Любой общественный идеал, по сути, является регулятивной идеей, на основе которой происходит оценка политико-правовой реальности. Иными словами, в программной части оцениваются наличные правовые и государственные институты; при необходимости их преобразований авторы концепций предлагают механизмы их смены (с помощью реформ или революций), создают проекты новых обществ на принципиально других основах или близкой к существующей государственно-правовой практике. Программные требования концепции всегда идеологичны, ориентированы на какой-либо социальный идеал. Наличие этой части политико-правовых доктрин отличает науку политических и правовых учений от политической социологии, философии права, теории государства и права.

Триада этих частей формирует политико-правовую доктрину. В методологическом плане важно, чтобы в рамках истории политических и правовых учений происходило *целостное восприятие концепции*. В этой связи можно вспомнить слова известного юриста, автора классической пятитомной «Истории политических учений», заложившей фундамент отечественной науки истории политических и правовых учений, Б.Н. Чичерина: «Истинно то, что вечно, что лежит в самом существе мысли, что проявляется как необходимое требование во всех ее отношениях к внешнему миру, то будущее не даст нам ничего существенного, что бы ни было в прошедшем. Оно может принести большую полноту содержания, но оно не изменит самых начал, поскольку начала, вытекающие из природы вещей, всегда одни и те же» [9, с.28].

Как отмечалось, содержание и формы политико-правовых доктрин разнообразны. Это разнообразие определяется многими факторами, прежде всего, объемом знаний мыслителя, особенностями его мышления, жизненными условиями, уровнем образования и др. Однако в целом философско-методологическая основа, содержание учения и его программная часть взаимосвязаны, что позволяет каждое творение в области политико-правовой идеологии оценивать с точки зрения логики, глубины поставленных вопросов, фактической обоснованности и достоверности выводов, с учетом ценностной составляющей доктрин и др.

История политических учений, по убеждению Б.Н. Чичерина, предоставляет лучшее руководство к познанию, как истории, так и государственных начал. Она занимает середину между философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений. Эта наука находится в непосредственной связи с историей философских систем, которые содержат и политические теории; с другой стороны, она идет параллельно с движением жизни, то руководствуясь ее требованиями, то направляя ее своими идеями. Таким образом, полагал теоретик политической мысли, в истории политических учений изображается не только преемственный ход мысли, но и сам ход жизни. Именно поэтому в истории политических учений всего удобнее исследовать историческое развитие человечества и отыскивать управляющие им законы [9, с. 28].

История политических и правовых учений предполагает исследование наиболее значимых учений о праве и государстве разных эпох у различных народов. Содержание политико-правовых доктрин, тем более, их оценка, вызывают много неясностей, разночтений, комментариев, толкований, возражений. Дело в том, что исследуемый в рамках данного предмета материал – фактологически огромный – изучается и иными науками – историей государства и права, политической социологией, философией, культурологией и др. В связи с этим представляется методологически оправданным отграничение предмета истории политических и правовых учений от соприкасаемых наук. История политических и правовых учений – не энциклопедия права (юриспруденции), где в сжатой форме предлагается обозрение политико-правовых взглядов мыслителей и значимых событий в сфере государства и права [8, с. 33-47].

Данная наука отражает в понятиях теории права и государства меняющиеся исторические условия и идеалы различных социальных групп.

Фундаментальные науки о праве и государстве, к которым относится история политических и правовых учений, формируют юридическое мышление. Уже по одной этой причине к ним не ослабевает интерес. Однако споры о соотношении предметов и методов философии права, истории политических и правовых учений, теории государства и права идут давно и не без оснований, что породило, в частности, изменения названий этих наук и учебных курсов. В разные исторические периоды нашего государства история политических и правовых учений называлась по-разному: «История философии законодательства» К.А. Неволлина; в соответствии с пятитомным курсом Б.Н. Чичерина – «История политических учений»; позднее данный курс получил наименование «История философии права» (Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич); курс лекций А.Н. Фатеева – «История общих учений о праве и государстве»; в советское время были приняты названия «История политических учений», «История учений о праве и государстве», «История политических и правовых учений».

Как отмечалось, история политических и правовых учений, как академическая дисциплина, соприкасается с теорией государства и права, философией права, социологией права, историей государства и права. Предмет истории политических и правовых учений образуют концепции, содержащие решения наиболее общих и значимых проблем теории государства и права (напр., происхождение государства и права, соотношение государства и права, личности и общества и др.) Поэтому историю политических и правовых учений справедливо называют историей теории государства и права. В учебной литературе высказывается мнение о тесной связи истории политических и правовых учений и теории государства и права, при этом отмечается следующее: «...Если теория государства и права систематизирует знания о *современном* (курсив мой-Е.Ф.) государстве и *современном – действующем сейчас* (курсив мой-Е.Ф.) – праве, история политических и правовых учений – это систематизация многовекового опыта индивидуального (не коллективного) осмысления государственно-правовых явлений» [3, с. 12]. Факт связи истории политических и правовых учений с теорией государства и права не подлежит сомнению. Однако представляется, что различие данных наук заключается в другом. Содержание теории государства и права не ограничивается изучением только лишь современной практики государства и права, в рамках этой науки изучаются разные исторические типы, формы общества и государства, источники права разных времен и народов, правовые системы в их историческом развитии и др. Дело в том, что в отличие от истории политических и правовых учений, теория государства и права является объяснительной наукой, ставящей перед собой цель на основе обобщения большого массива исторического материала, правоприменительной практики разных времен и народов создавать понятия, давать их систематизацию, предлагать критерии классификации различных категорий права и государства. Поэтому теорию государства и права можно считать не только и не столько классификационной и описательной наукой, сколько систематической и объяснительной. Этим объясняется значение теории государства и права как методологической основы для отраслевых юридических наук. В отличие от теории государства и права история политических и правовых учений относится к описательным и классификационным наукам; она предоставляет фактологический материал и задает своеобразный масштаб для исследований и оценок в рамках теории государства и права, философии права, социологии права.

С философией права эту науку объединяет общий предмет исследования, однако в отличие от философии права история политических и правовых учений – это историческая наука, изучающая материал в хронологической последовательности. По классификации наук, предложенной методологией неокантианцев (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), история политических и правовых учений есть наука индивидуализирующая,

т.е. рассматривающая политическое и правовое учение конкретно-исторически, во всей его полноте и индивидуальном своеобразии. Историю политических и правовых учений иначе именуют историей философии права (курсы лекций П.И. Новгородцева, Н.М. Коркунова, Е.Н. Трубецкого и др.).

С социологией права историю политических и правовых учений роднит задача поиска закономерностей; однако, если для социологии права научный интерес представляют закономерности общественных связей, то для истории политических и правовых учений принципиально важным оказывается раскрытие закономерностей развития политико-правовой идеологии.

Для истории политических и правовых учений, как классификационной науки, большое значение имеют критерии типологии и оценки учений. Важной характеристикой доктрин следует считать предметно-содержательный аспект учения, научность, ориентир на общечеловеческие/классовые ценности, литературный стиль, популярность, количество последователей, доступность изложения и др.

В учебной литературе отмечается [6, с. 16], что в зависимости от критерия соотношения идеала и действительности политико-правовые учения могут быть реакционными (призывают к восстановлению прежнего режима (Галлер, де Местр)); консервативные (выступают за сохранение и дальнейшее развитие существующих отношений (Берк, Карамзин)); прогрессивные (предлагают положительные реформы социального развития (Сперанский)). Критерий соотношения возможных сроков и способов достижения идеала подразделяет доктрины на радикальные (выдвигают требования всесторонней и быстрой перестройки всех институтов государства и права (Бакунин)); умеренные (призывают к осмысленному и частичному пересмотру политико-правовых институтов (Десницкий, Татищев)); революционные (требуют насильственного ниспровержения всего существующего строя (Маркс, Ткачев)); реформистские (зовут к реформам государства и права (Лассаль, Чичерин)). Для истории политических и правовых учений иногда оправдан критерий классового подхода и признания доктрины официальной или неофициальной идеологией – для большего понимания не только содержания учения, но и для оценки полемики, которую ведут классовые оппоненты (Платон и софисты, Вольтер и Руссо). Однако видеть в классовой сущности доктрины единственно верный критерий для руководства к действию не стоит – многие политико-правовые теории в таком случае не смогут подлежать оценке (полемика классовых единомышленников Маркса и Лассаля), другие – вообще окажутся за рамками классовых ориентиров (Остин, Петражицкий, Кельзен, Паунд, Харт).

Перечень оснований для критериев классификации политических и правовых доктрин открыт и, безусловно, зависит от многих факторов: объективности подхода, исторической среды формирования, собственных умонастроений мыслителя, субъективности восприятия материала и др. При этом, помимо структурирования материала в рамках информации прежнего объема, в науке истории политических и правовых учений происходит и *оценка* политико-правовых учений – кроме их предметной типологии определяется *значимость* данной теории о государстве и праве.

В этой связи закономерно возникает вопрос о возможности оценки современных политико-правовых учений и, соответственно, необходимости включения их в программу преподавания данной учебной дисциплины. В советские годы специалистами предлагалось изучать разделы политических и правовых учений Новейшего времени в рамках курса теории государства и права и/или общей части государственного права буржуазных стран либо – как факультатив – по истории политических и правовых учений [4, с. 88]. Руководствуясь методологией Гегеля, следует признать, что при всей идеологической направленности данного курса в советский период, такой подход был оправдан: «Сова Миневры вылетает лишь с наступлением темноты» - уяснить, всесторонне изучить и адекватно содержанию оценить политико-правовое учение можно

только по прошествии какого-то отрезка времени. Исследовать политико-правовую доктрину современников непросто хотя бы потому, что, прежде всего, надо отбросить все субъективные личные эмоции и постараться увидеть масштабность творения ученого. В настоящее время, например, такая ситуация сложилась с либертарной теорией В.С. Нерсесянца, оценить новизну и оригинальность которой еще только предстоит исследователям в будущем. Думается, что при всем изобилии разнообразных точек зрения современников по вопросам права и государства, необходимо обращать первостепенное внимание на содержательное решение политико-правовых вопросов данной доктриной. Эта часть учения в сочетании с логичностью построения и оригинальностью авторского подхода вполне может сделать современное политико-правовое учение «классическим» и стать предметом для изучения в рамках курса истории политических и правовых учений.

Список литературы

1. Жуков В.Н. Место теории государства и права, философии права и истории политических учений в системе высшего юридического образования (Научно-практическая конференция) // Государство и право, 2000, №12.
2. Жуков В.Н. Юридическая наука: многообразие в единстве // История и методология юридической науки («круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право, 2016. №4.
3. История политических и правовых учений: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М., 2017.
4. История политических учений в системе юридического образования. Проблемы совершенствования юридического образования в СССР // Правоведение. 1972. №4.
5. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.8.
6. Учебник по истории политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1999.
7. Фролова Е.А. История политических и правовых учений. Учебник. М.: Проспект, 2017.
8. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М.: Юрлитинформ, 2015.
9. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т.1. / Подгот. текста, вст. ст. и коммент. И.И. Евлампиева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.

Информация об авторах:

Фролова Елизавета Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Information about authors:

Frolova Elizaveta Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia

Экономическая теория и национальная экономика

УДК 338.242

Э.Э. Ермакова

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ

Брестский государственный технический университет

Аннотация: Рассмотрены основные подходы, определяющие уровень технологичности отраслей экономики. На основе статистических данных, проведён анализ развития высокотехнологичного сектора Беларуси, дана оценка вклада высокотехнологичных отраслей в инновационный потенциал страны.

Ключевые слова: высокие технологии, высокотехнологичные отрасли, инновации, инновационный потенциал, наукоёмкость.

UDC 338.242

E.E. Yermakova

HIGH-TECH SECTOR OF THE BELARUSIAN ECONOMY

Brest State Technical University

Abstract: The article considers basic approach that determines the level of technological effectiveness of the economy sectors. Based on statistical data, author analyzes development of high-tech sector of Belarus and assesses the contribution of high-tech industries to the country's innovative potential.

Keywords: high technologies, high-tech industries, innovations, innovative potential, science-intensive.

Развитие экономики на современном этапе характеризуется изменением структуры промышленного комплекса в сторону увеличения доли высокотехнологичного сектора. Наукоёмкие производства выступают определяющей чертой развития мировой индустрии. Технологическое развитие является одним из основных направлений государственной политики любого государства, определяя одной из приоритетных задач обеспечение устойчивых темпов роста экономики путём эффективного использования научно-технического потенциала.

Высокотехнологичные страны демонстрируют увеличение интеллектуальной составляющей в стоимости продукции и услуг. Показатели качества экономического роста Беларуси также определяются участием высокотехнологичного сектора, в связи с

чем совершенствование условий функционирования высокотехнологичных отраслей приобретает особую значимость, развитие высокотехнологичного сектора экономики становится определяющим фактором экономического роста.

Инновационное развитие экономики определено в качестве одного из основных приоритетов развития Беларуси. Решение задач, определяемых Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы, предусматривает формирование и ускоренное развитие высокотехнологичных секторов национальной экономики, базирующихся на производствах V и VI технологических укладов, закрепление позиций республики на рынках наукоёмкой продукции [1].

Актуальность исследования обуславливается необходимостью четкого представления о фактическом развитии белорусского высокотехнологичного и наукоемкого сектора экономики для реализации государственной промышленной политики.

В публикациях белорусских исследователей представлены отдельные исследования по проблемам становления и развития высокотехнологичного сектора промышленности Беларуси. Методологической основой данного исследования стали работы в области формирования и развития высокотехнологичных отраслей российских учёных А.Е. Варшавского, Н.И. Комкова, И.Э. Фролова, Е.Ю. Хрусталёва и белорусских учёных Н.И. Богдан, И.А. Михайловой-Станюта, Л.Н. Нехорошевой и др.

Целью работы является изучение теоретических положений понятия «высокотехнологичный сектор экономики» и методологии анализа и оценки результативности развития высокотехнологичных отраслей Беларуси.

Задача исследования – оценка вклада высокотехнологичных отраслей в экономическое развитие Беларуси.

Объект исследования – высокотехнологичные отрасли в обрабатывающей промышленности Республики Беларусь.

В рамках настоящей работы исследована результативность деятельности высокотехнологичного сектора экономики. Период анализа: 2010-2016 гг. Источником информации для анализа выступают данные национального статистического комитета.

Высокотехнологичный сектор экономики. Отрасли высоких технологий стали локомотивом экономического развития во второй половине XX в. Их отличительными чертами являются: использование современных научных знаний и технологий, высокий потенциал роста и ожидаемые высокие доходы, высокая инвестиционная привлекательность и высокий инвестиционный риск [2].

Проблема выделения отраслей обрабатывающей промышленности по уровню технологичности остро встала в конце 70-х гг. XX века. Впервые на международном уровне данные вопросы были подняты Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в связи с попытками анализа тенденций в секторе исследований и разработок [3; 11].

Однако, несмотря на наличие множества исследований за это время по данной теме, единая методология отнесения отрасли к той или иной группе, по степени технологичности, на сегодняшний день не разработана.

Одним из вариантов, для установления уровня технологичности отрасли, является интенсивность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), определяемая долей прямых затрат на НИОКР в добавленной стоимости и в валовом выпуске.

Высокотехнологичные отрасли экономики характеризуются высоким уровнем технологического развития и выпуском продукции, при производстве которой доля затрат на исследования и разработки превышает средний уровень по обрабатывающей промышленности, либо превышает уровень, определяемый пороговым. По

классификации ОЭСР, к высокотехнологичным относятся отрасли, показатель наукоёмкости которых превышает 3,5 %.

Высокотехнологичный сектор – это совокупность предприятий и научно-исследовательских организаций, производящих по радикальным технологиям и реализующих сложную, информационно-насыщенную, конкурентоспособную на мировых рынках продукцию с высокой долей добавленной стоимости [4; 8].

Наукоёмкие услуги – это принципиально новые услуги, имеющие революционный характер в составе которых используются высокие технологии [10; 12].

Высокими технологиями принято называть наиболее новые и прогрессивные технологии современности, которые являются важнейшим звеном научно-технической революции на современном этапе [5; 9].

На сегодняшний день статистика Беларуси использует 4-х уровневую классификацию технологичных отраслей в соответствии с рекомендациями Евростата и ОЭСР, выделяя группы по степени технологичности: высокотехнологичные, среднетехнологичные высокого уровня, среднетехнологичные низкого уровня и низкотехнологичные отрасли.

К отраслям высоких технологий в Беларуси отнесены [6]:

- производство фармацевтической продукции;
- производство офисного оборудования и вычислительной техники;
- производство аппаратуры для радио, телевидения и связи;
- производство изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов;
- производство авиационной техники, включая космическую.

К числу среднетехнологичных отраслей высокого уровня относятся:

- химическое производство;
- производство машин и оборудования, электрических машин и электрооборудования;
- производство автомобилей, прицепов и полуприцепов и прочих транспортных средств.

И, наконец, среднетехнологичные отрасли низкого уровня:

- производство кокса и продуктов нефтепереработки, резиновых и пластмассовых изделий;
- металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов.

Очевидно, что перечень высокотехнологичных отраслей не может быть постоянным, он будет изменяться с развитием науки и техники, с появлением новых технологий и разработок.

Сфера услуг, характеризующаяся высокой интенсивностью затрат на исследования и разработки, является наукоёмкой отраслью экономики. К наукоёмким услугам в Беларуси относятся:

- деятельность водного и воздушного транспорта;
- связь;
- финансовое посредничество и вспомогательная деятельность в сфере финансового посредничества;
- страхование и вспомогательная деятельность в сфере страхования;
- операции с недвижимым имуществом;
- аренда машин и оборудования без оператора и прокат бытовых изделий и предметов личного пользования;
- деятельность, связанная с вычислительной техникой;
- научные исследования и разработки;
- образование;

- здравоохранение и предоставление социальных услуг;
- деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта.

Основными показателями, характеризующими уровень развития высоких технологий, согласно статистике ОЭСР, являются:

- наукоёмкость;
- доля занятых в высоко- и среднетехнологичном производстве в общем числе занятых;
- экспорт высокотехнологичной продукции в общем объёме экспорта;
- число патентов в сфере высоких технологий в расчёте на 1 млн. населения;
- доля добавленной стоимости в высокотехнологичном производстве в процентах к добавленной стоимости, созданной в промышленности;
- производительность труда, рассчитанная по валовой добавленной стоимости.

Постановлением Республики Беларусь № 372 от 26 мая 2016 г. определён перечень приоритетных видов секторов экономики для осуществления инвестиций. В качестве приоритетов инновационного развития страны определены высокотехнологичные отрасли, где у Беларуси уже имеются научно-технологические заделы. Государственное регулирование инновационных процессов и разработка стимулирующих мер для участников инновационной деятельности определяет важность наличия необходимой информации управленческого, финансового, патентного и другого характера для возможности проведения анализа и принятия управленческих решений. Источником информации выступает статистика инноваций.

В целом информационное обеспечение мониторинга инновационной деятельности в Беларуси развивается и совершенствуется. Практически ежегодно официальная статистика охватывает новые сферы деятельности и пополняет показатели статистического наблюдения учитываемых инноваций, которые широко используются в практической деятельности, в научных исследованиях и государственной научно-технической и инновационной политике [7].

С 2010 г. белорусская статистика инноваций пополнилась важнейшей детализацией отраслей промышленности – по степени наукоёмкости. Информация в таком разрезе позволяет оценить развитие сектора высоких технологий и является полезной для анализа инновационных процессов в Беларуси.

Высокотехнологичные отрасли Беларуси. Основными критериями, характеризующими инновационное развитие экономики, выступают показатели инновационной активности предприятий; доля инновационной продукции в общем объёме отгруженной продукции, доля экспорта в общем объёме инновационной продукции и удельный вес затрат на исследования и разработки. В таблице 1 представлен уровень инновационной активности высокотехнологичных отраслей.

Показатели инновационной активности предприятий демонстрируют в высокотехнологичных отраслях наивысшие значения, значительно превышая средний показатель по обрабатывающей промышленности, который составляет 23,2 %. Лидирующее положение занимают отрасли высоких технологий по производству фармацевтической продукции (83,3 %) и производству вычислительной, электронной и оптической аппаратуры (69,2 %).

Очевидно, что высокотехнологичные предприятия не всегда выпускают инновационную продукцию, что демонстрируют показатели таблицы. Удельный вес инновационной продукции в высокотехнологичных отраслях распределён неравномерно: от 4,5 % в химическом производстве до 41,8 % в производстве транспортных средств и оборудования, при среднем показателе в обрабатывающей промышленности 19,3 %.

Таблица 1

Уровень инновационной активности высокотехнологического сектора экономики Республики Беларусь в 2016 г., %

Показатель	Доля инновационно активных предприятий	Доля инновационной продукции	Доля экспорта в объёме инновационной продукции	Доля затрат на исследования и разработки
Производство фармацевтической продукции	83,3	13,8	16,8	38,2
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	69,2	36,0	66,9	47,1
Химическое производство	39,0	4,5	88,9	18,7
Производство машин и оборудования	50,0	29,3	81,3	59,0
Производство электрооборудования	49,2	15,6	60,7	27,0
Производство транспортных средств и оборудования	50,0	41,8	84,2	38,0

В настоящее время происходит промышленное освоение VI технологического уклада, ядром которого являются нанотехнологии. С 2011 г. нанотехнологии стали фиксироваться в статистике инноваций отдельной группой. Удельный вес инновационной продукции в Беларуси, связанной с нанотехнологиями, в общем объёме отгруженной инновационной продукции организаций промышленности пока не превышает 0,1 %.

Доля затрат на исследования и разработки в общих затратах на технологические инновации в обрабатывающей промышленности составляли в 2016 г. 11 %. Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о высоком уровне интенсивности затрат на исследования и разработки в высокотехнологичных отраслях, доля которых составляет от 18,7 % (химическое производство) до 59 % (производство машин и оборудования).

Статистическим комитетом Беларуси разработана методика расчёта показателей, определяющих долю продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в валовом внутреннем продукте и долю продукции высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности. Эти показатели внесены в систему показателей для статистической оценки уровня технологического развития отраслей экономики.

Характерной особенностью обрабатывающей промышленности в Беларуси является преобладание низкотехнологичных производств в формировании добавленной стоимости продукции (рис.1)

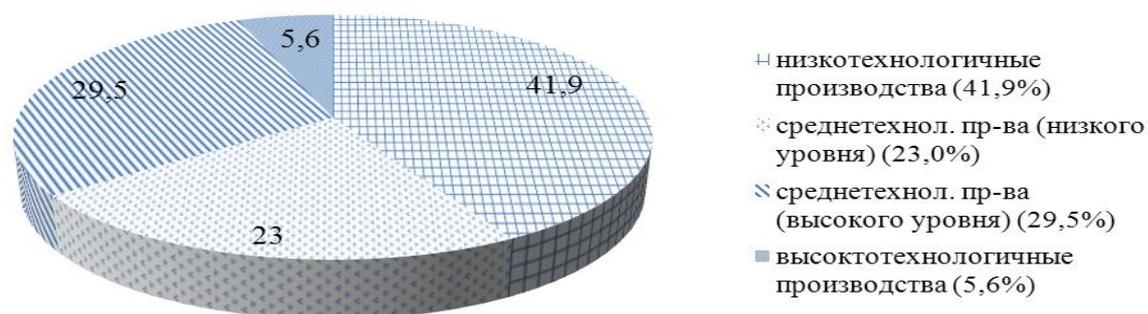

Рисунок 1 - Структура добавленной стоимости обрабатывающей промышленности по уровню технологичности

Таблица 2

Показатели участия высокотехнологичных производств в экономике Беларуси

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доля высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, %	3,5	3,5	3,6	4,0	4,4	4,7	5,6
Доля среднетехнологичных высокого уровня производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, %	40,5	41,3	38,6	33,6	32,3	34,9	29,5
Доля экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров, %	1,9	1,4	1,5	1,9	1,9	2	2,2
Доля экспорта среднетехнологичных высокого уровня товаров в общем объеме экспорта товаров, %	24,9	29,8	28,9	21,8	20,5	22,2	23,0
Индекс производства высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности, % к предыдущему году		100,5	104,3	112,5	106,3	121,3	103,9
Индекс производства среднетехнологичных (высокого уровня) отраслей обрабатывающей промышленности, % к предыдущему году		112,9	103,1	90,4	100,7	85,6	101,9

Продукция, при производстве которой задействованы высокие технологии, составляет меньшую часть в добавленной стоимости совокупного выпуска

высокотехнологичных отраслей. В 2016 году доля этой продукции составила 5,6 %, с 2010 г. наблюдается положительная динамика. Среднетехнологичное производство высокого уровня занимает значительную долю (около 30 %) в добавленной стоимости произведённой продукции, однако показатель этот снижается с 2011 г. (таблица 2)

В период с 2010 по 2016 гг. некоторые показатели высокотехнологичных производств уступают среднетехнологичным отраслям высокого уровня. К таким показателям относятся доля среднетехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности и доля экспорта среднетехнологичных товаров в общем объёме экспорта товаров. Несмотря на небольшой вклад в добавленную стоимость высокотехнологичных производств, наблюдается положительная динамика этого показателя. Темпы роста объёмов промышленного производства высокотехнологичных отраслей демонстрируют положительную динамику в отличие от среднетехнологичных отраслей.

За период 2010-2016 гг. снизилась занятость, как в высокотехнологичном, так и так и в среднетехнологичном секторе промышленного производства (таблица 3).

Таблица 3

Доля работающих в высокотехнологичных отраслях экономики, %

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доля работающих в высокотехнологичных отраслях	1,25	1,14	1,14	1,04	0,93	0,93	0,8
Доля работающих в среднетехнологичных (высокого уровня) отраслях	7,4	7,5	7,6	7,3	6,9	6,4	5,8

Доля работающих в сфере наукоёмких услуг составляет в Беларуси более 30 %. Однако, расчёт данного показателя не соответствует международной методологии, в соответствии с которой в структуру занятости в наукоёмком секторе экономики не включают сферу здравоохранения и образования.

Располагая необходимой патентной статистической информацией, в процессе анализа можно оценить связи между патентной активностью и развитием высокотехнологичного сектора, строить прогнозы путём моделирования изобретательской активности в сфере высоких технологий. Однако, очевидным является ограниченность официальной патентной статистики – отсутствие данных в разрезе степени технологичности изобретений.

Заключение. Развитие высокотехнологичных отраслей весьма значимы для будущего развития страны, для достижения высоких показателей в таких областях как медицина, энергетика, авиация, космос и обеспечения конкурентных преимуществ.

Анализ доступных данных позволил убедиться в том, что высокотехнологичный сектор экономики Беларуси выступает перспективной составляющей в инновационном потенциале обрабатывающей промышленности. Необходимо отметить, что деятельность высокотехнологичных отраслей в Беларуси, действительно, имеет более высокие значения в сфере инноваций по многим важным показателям. Уровень инновационной активности предприятий превышает средний по обрабатывающей промышленности в 2-3 раза. Интенсивность затрат на исследования и разработки характеризуется уровнем, превышающим средние величины в 3-6 раз. Несмотря на это, по некоторым критериям развития отраслей наблюдается снижение экономических показателей, среди них доля занятых в высокотехнологичных отраслях.

Оценка закономерностей и специфики развития высокотехнологичного сектора позволит выработать полноценную стратегию развития экономики в перспективе.

Однако для повышения качества анализа интенсивности инновационных процессов необходимо расширить охват обследования высокотехнологичных отраслей и гармонизировать методологические подходы статистического учёта Беларуси в области инноваций с международными организациями с целью корректного межстранового сопоставления.

Совершенствование методологии статистического наблюдения позволит решать задачи инновационной политики государства более оперативно и целенаправленно.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Беларусь от 31.01.2017г. № 31 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы»

2. Спицын В.В. Особенности инновационного развития высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей в России // Вестник Томского госуниверситета. Серия Экономика и экономические науки. 2011. №342 С.166-172

3. OECD, The Development of Indicators to Measure the Output of R&D: Some Preliminary Results and Plan for Future Work, STP (79), 1979.

4. Михайлова-Станюта, И.А. Высокотехнологичные производства будут повышать производительность труда в Беларуси / И.А. Михайлова-Станюта // Директор. – 2007. - № 12. – С.20-21.

5. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Философия техники. Учебник. – М.: МИИТ, 2010. – 164 с.

6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. - Минск: Национальный статистический комитет, 2016. - С. 141.

7. Ермакова Э.Э., Мишкова М.П. Статистика инноваций в Беларуси // Вестник Брестского университета 2016. № 1 С.125-131

8. Аблаев И.М. К вопросу об экономическом содержании инноваций // Вопросы экономики и права. 2013. № 55. С. 88-91.

9. Максименко А.А., Шмигирилова Л.Н. Российские и зарубежные технико-технологические центры: анализ деятельности, направленности, перспектив, влияния на мировую техносферу // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1573.

10. Сваруп А., Кудряшова И.А., Воронина Л.И. и др. Инновационная экономика в XXI веке. - Кемерово, 2013.

11. Худеева В.В., Юхачев С.П. Развитие инновационной экономики: роль и место в системе экономической безопасности Российской Федерации.. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1 (35). С. 169-173.

12. Яковлева Е.А., Бучаев Я.Г., Гаджиев М.М. Цепочка создания стоимости инновационного продукта для потребления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 12 (48). С. 118.

Информация об авторах:

Ермакова Элеонора Эриховна,
старший преподаватель, Брестский
государственный технический университет,
г. Брест, республика Беларусь

Information about authors:

Ermakova Eleonora Erichovna,
Senior Lecturer, Brest State Technical University,
Brest, Republic of Belarus

УДК 339.72

А.Ш. Умуралиева, А.А. Кулин

**ДИАГНОСТИКА ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ БАНКОВ
РАЗВИТИЯ НА ЭКОНОМИКУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

*Баткенский государственный университет,
Воронежский экономико-правовой институт*

Аннотация: В данной статье раскрыты исследования экономического и технического сотрудничества Кыргызской Республики с международными региональными банками развития в условиях развития современной экономики и выработка практических рекомендаций по расширению взаимодействия Кыргызской Республики с банками развития и повышению эффективности сотрудничества.

Ключевые слова: международный региональный банк развития, международные отношения, международные институты, инвестиционное сотрудничество, частные инвесторы, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития.

UDC 339.72

A.Sh. Umuralieva, A.A. Kulin

**DIAGNOSTICS OF THE INFLUENCE OF THE INTERNATIONAL
DEVELOPMENT BANKS ON THE ECONOMY OF THE KYRGYZ
REPUBLIC**

*Batken State University,
Voronezh Institute of Economics and Law*

Abstract: This article explores the research of economic and technical cooperation of the Kyrgyz Republic with international regional banks of development in the conditions of the modern economy development and performance of practical recommendations on expanding the interaction of the Kyrgyz Republic with development banks and enhancing the effectiveness of cooperation.

Key words: International regional bank of development, international relations, international institutes, investment cooperation, and private investors, European Bank of Reconstruction and Development, Asian Development Bank.

Современное мировое общественное развитие характеризуется усилением связей и взаимодействия между странами [9]. Тенденция к объединению вызвана потребностью решения стоящих перед человечеством глобальных проблем: угроза ядерной

катастрофы, экологическая проблема, недостаточное развитие здравоохранения, борьба с терроризмом [2] и др.

Мирохозяйственные связи берут начало в мировой торговле, которые прошли путь от единичных внешнеторговых сделок до долгосрочного крупномасштабного торгово-экономического сотрудничества [18]. Идет глобализация международных экономических связей [10]. Интеграционные процессы носят региональный характер, приобретают форму объединений, направленных на достижение общих экономических целей [7]. Следует отметить, что во второй половине XX века рыночная экономика перешла в новое более высокое, чем мировое хозяйство качество, стала международной.

Таким образом, новые формы международных экономических отношений отражают эволюцию в способах использования иностранных капиталов на территории тех или иных государств. Цели, преследуемые партнерами, безусловно, различны. Для одних – это достижение мирового лидерства, для других – преодоление отставания.

Однако важно подчеркнуть – глобальные связи между странами не сводятся только к внешнеторговым отношениям, и экономическая взаимозависимость становится всё более разносторонней [3]. Современная совокупность связей включает внешнюю торговлю, кооперацию производства, обмен научно-технической информацией и технологическими разработками, перемещение рабочей силы из одной страны в другую, международный кредит, иностранные инвестиции и валютные взаимоотношения государств [5; 17].

К основным целевым показателям, оценивающим международное развитие, относятся (рис.1).

Рисунок 1 - Целевые показатели международного развития.

Источник: авторская разработка

Следовательно, следуя процессу глобализации, международное сообщество в современных условиях уделяет особое внимание странам с переходной экономикой [12; 20]. Причем международные деловые круги через Международные организации (МО) больше инвестиций выделяют странам, в которых уровень образования выше -это весьма важно, поскольку именно здесь сосредоточена квалифицированная, способная адаптироваться к новым условиям рабочая сила [13; 19].

Позитивным фактором можно считать то, что МО оказывают поддержку открытой системе международной торговли [6]. Более того, они прилагают усилия к равноправным правилам торговли и усилению роли развивающихся стран и стран транзитного периода.

Негативным фактором является то, что направляемая помощь в виде кредитов со стороны МО не всегда использовалась по назначению. Зачастую не отслеживалась

эффективность и необходимость сотрудничества по отдельным направлениям. Следовательно, помощи необходимо придать целесообразный характер, например: снижение уровня бедности, а также создание условий для привлечения инвестиций.

Поскольку Кыргызская Республика является страной, находящейся на начальном этапе перехода (СНЭП), для нее характерны многие из тех же особенностей, которые отличают менее развитые страны данного региона, в том числе распространение бедности, неразвитость отдаленных районов, ограниченная кредитоспособность, слаборазвитая предпринимательская среда.

Не имея выхода к морю и обладая ограниченным внутренним рынком, Кыргызская Республика извлекла бы большую пользу из углубления региональной интеграции ввиду значительного потенциала в сфере энергетического экспорта, а также хорошей позицией в региональной торговле и транзитных перевозках. Страна вовлечена в ряд процессов региональной интеграции, которые открывают возможности в плане экспортных рынков, а значит, потенциально – притока инвестиций в страну.

ЕБРР осуществляет активную поддержку переходного процесса в Кыргызской Республике с 1995 года и за весь период, включая октябрь 2017 года, Банк подписал соглашения по 160 проектам, общий чистый объем сделок по которым нарастающим итогом составил 665 млн. евро. Портфель банка составил 251 млн. евро по 64 действующим проектам. В настоящее время удельный вес портфеля проектов частного сектора (доля во всем портфеле) составляет 59%, что соответствует обязательной доле в 60%.

ЕБРР помогает компаниям работать с квалифицированными местными консультантами по разным проектам, при этом охватывая темы от изучения рынка до стратегического планирования и управления качеством. По состоянию на ноябрь 2017 года ЕБРР осуществил 174 проекта с участием 272 местных консультантов. Более 66% получивших помощь предприятий находятся вне столицы – города Бишкек. Спустя год после завершения консультационных проектов оборот увеличивался почти у 65 % предприятий, участвовавших в программах ЕБРР, а 57 получателей помощи привлекли внешние инвестиции в общей сложности на 31 млн. евро в виде грантов.

АБР до настоящего времени реализовал 96 проектов технической помощи (ТП) на общую сумму 56,3 млн. долл. США. В 2017 году были утверждены два проекта технической помощи: ТП для модернизации Уч-курганской ГЭС на сумму 1,1 млн. долл. США и ТП для повышения устойчивости к климатическим изменениям и снижения риска стихийных бедствий в области управления водными ресурсами на сумму 1,1 млн. долл. США.

По состоянию на конец 2016 года показатели портфеля АБР были удовлетворительными, 82 % проектов выполнялось по своему графику. Суммы заключенных контрактов и освоенных средств в 2016 году достигли, соответственно, 47 млн. долл. США и 61 млн. долл. США (47 % и 170 % годовых).

АБР поддерживает усилия правительства в борьбе с бедностью. Среди причин бедности – недостаточный доступ к здравоохранению, образованию, чистой воде, жилью и услугам санитарии, а также отсутствие экономических возможностей.

Международные региональные банки развития, ЕБРР и АБР, осуществляя свои операции в более чем 30 странах региона, простирающегося от Южного и Восточного Средиземноморья через восточную Европу до Центральной Азии, занимаются пропагандой «перехода», помогая странам обеспечивать экономическое развитие в финансовом климате, который способствует расцвету предпринимательства.

Во всей деятельности Банки руководствуются жесткими и четкими принципами управления, призванными обеспечивать прозрачность и добросовестность, при этом, принимая меры недопущения коррупции [14]. Помощь не ограничивается финансированием и созданная в банках Группа поддержки развития малого бизнеса

помогает малому и среднему бизнесу развиваться, добиваться успеха и продолжать расти, становясь, тем самым, подлинным катализатором роста национальной и региональной экономики (см. табл.1).

Таблица 1

Инвестиционно-проектные займы и инвестиции в капитал, утвержденные в I квартале 2016 года, в разбивке по странам и банкам

Страна	ЕАБР	ЕБРР	Сумма млн долл. США	Доля, %	Кол-во, шт.
Азербайджан		0	0	0	0
Армения	0	40	40	12.3	1
Беларусь	22.64	0	22.64	6.9	1
Казахстан	0	108.9	108.9	33.4	2
Кыргызстан	0	1	1	0.3	1
Россия	103.54	0	103.54	31.7	2
Таджикистан	0	0	0	0	0
Туркменистан		2.1	2.1	0.6	1
Узбекистан		0	0	0	0
Украина		48.3	48.3	14.8	3
ИТОГО	126.18	200.3	326.48	100	11
в %	38.6	61.4			

Примечание: выделение цветом означает, что страна не является участником банка развития.

Источник: составлена автором на основе данных Министерства финансов КР.

Необходимо отметить, что в I квартале 2016 наблюдается сокращение объемов новых проектов МБР и наибольший объем утвержденного инвестиционно-проектного финансирования в странах СНГ приходится на ЕБРР, вклад которого в общий объем превысил 61%, а сумма составила 200,3 млн. долл. США (восемь проектов). ЕАБР утвердил три проекта на сумму 126,18 млн. долл. США (38,6%), что по объему финансирования в три раза больше, чем в I квартале 2015 года.

Из таблицы 1 видно, что в I квартале 2016 года два МБР (ЕАБР, ЕБРР) утвердили к финансированию 11 проектов, включающих инвестиционно-проектные займы и инвестиции в капитал, с общим объемом финансирования 326,48 млн. долл. США, что на 29% меньше, чем в IV квартале 2015 года (см. Рис.2).

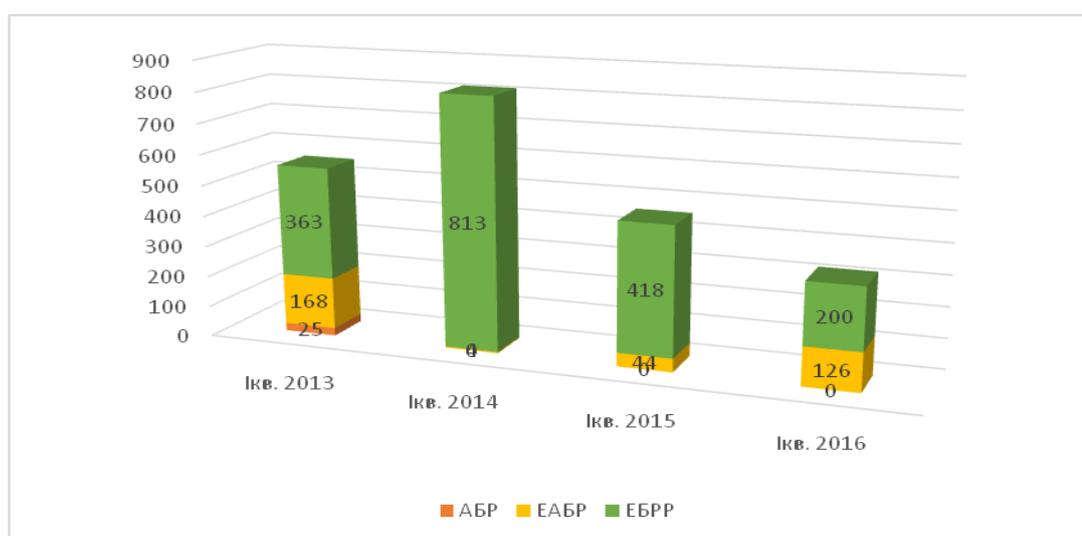

Рисунок 2 - Объем утвержденных проектов и инвестиций в капитал

Источник: составлен автором на основе данных Министерства финансов КР

Наибольшая доля утвержденных объемов финансирования приходится на Казахстан (33%, два проекта) и Россию (32%, два проекта). Единственным инвестором в Казахстане стал ЕБРР, в России – ЕАБР. В Украине было подписано три проекта на сумму 48,3 млн. долл. США (15%). В Армении (12%) ЕБРР профинансировал один проект на сумму 40 млн. долл. США. В Беларуси (7%) ЕБРР профинансировал один проект на 22,64 млн. долл. США. В Туркменистане (1%) – один проект на сумму 2,1 млн. долл. США, в Кыргызстане (0,3%) – один проект на сумму 1 млн. долл. США (рис.3)

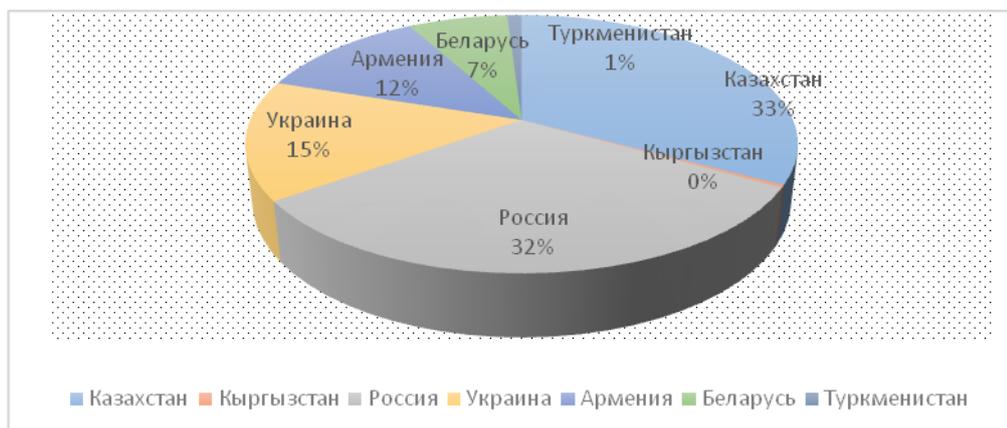

Рисунок 3 - Распределение по странам инвестиционно-проектных займов в капитал
 Источник: составлен автором на основе данных Министерства финансов КР.

Общая сумма кредитов МБР превышает 258 млн. долл. США, в основном средства направлены на поддержку МСБ, торгового финансирования и энергоэффективности через банки-партнеры. Значительная доля (28% от суммы всех подписанных в I квартале проектов) принадлежит Финансовому сектору. По 22% в общих инвестициях принадлежат Нефтегазовому сектору и сектору Производства и услуг. Необычно высокая доля нефтегазового сектора связана с кредитом ЕБРР компании LUKOIL в Азербайджане на сумму 200 млн. долл. США (см. Рис.4)

Рисунок 4 - Отраслевая структура инвестиционно-проектных займов и инвестиций в капитал

Источник: составлен автором на основе данных Министерства финансов КР.

По сравнительной характеристике с другими странами хочется заметить, что экономика Кыргызстана в значительной степени зависит от горнодобывающей промышленности. Первое место среди добываемых в Кыргызстане металлов занимает золото. Данная отрасль монополизирована одним мощным предприятием – Кумторским золотодобывающим рудником, на долю которого приходится примерно 8 % производства страны, 17 % поступлений в бюджет Республики и самое большое число работников в частном секторе - приблизительно 4,9 % от всей ее рабочей силы.

Таблица 2

Деятельность ЕБРР в ГДО с 2012-2017 гг.

Основные статистические данные по ГДО	
Трудовые ресурсы	8745 всего, включая 3524 на Кумторском руднике 40 % от всей рабочей силы
% ВВП	доля «Кумтора» 6,8 %
% экспорта	39,7% доля золота в общем объеме экспорта КР
Индекс восприятия коррупции	136/176 индекс восприятия коррупции (28баллов) Индекс легкости ведения бизнеса (2016) 75 место
Горнодобывающие предприятия	Золото, медь, сурьма, редкоземельные металлы.
Запасы ресурсов	Крупные залежи золота, небольшие меди и серебра, а также сурьмы
Режим лицензирования	Выдача лицензий (по заявкам) и заключение соглашений о разделе продукции (на конкурсах)
Иностранные компании	Centerra, KazMinerals, Charaat Gold

Источник: составлена автором на основе данных Нацстаткомитета КР.

Как показано на рисунке 5, последние 5 лет большинство инвестиций шло на проекты золото- и медедобычи (в основном в Центральной Азии), что отражает дальнейшую активную торговлю этими видами сырья (см. рис.5).

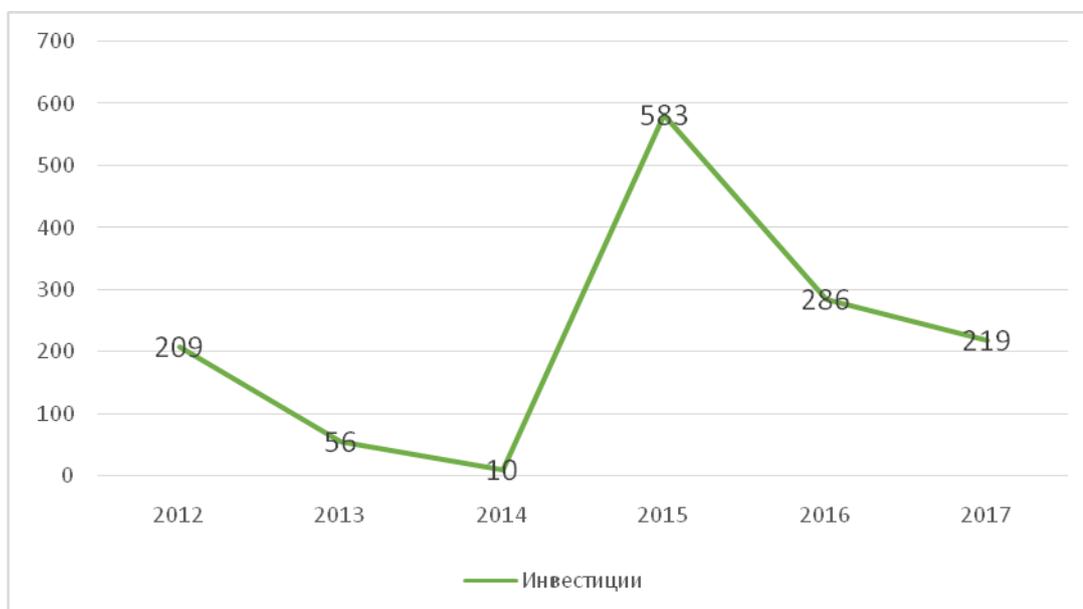

Рисунок 5 - Годовые объемы инвестиций в ГДО, (млн. евро)

Источник: составлен автором по данным Министерства финансов КР

2017 год для Кыргызстана стал годом новых стартов с акцентом на качество и дальнейший прогресс в работе с малым и средним бизнесом (МСБ). В рамках Инициативы по развитию малого бизнеса ЕБРР реализует три основных комплекса мероприятий в Кыргызской Республике для поддержки роста и конкурентоспособности: в сфере инвестиций, консалтинга и продвижения государственно-частного диалога.

В области инвестиций достигнуты результаты в сфере пищевой промышленности, общественного питания и услуг, а также в туристическом секторе.

Общий объем затрат 5,5 млн. долл. США.

В области консалтинга основные достижения включают реализацию 88 местных и международных консультационных проектов, благодаря которым МСБ получили доступ к «ноу-хау» и повысили свою конкурентоспособность. ЕБРР работает с международными советниками, имеющих опыт работы более 15 лет в конкретных отраслях или сферах.

Также Банк помогает компаниям работать с квалифицированными местными консультантами по разным проектам, охватывая темы от изучения рынка до стратегического планирования. В области государственно-частного диалога ЕБРР продолжает оказывать поддержку Инвестиционному совету при Правительстве Кыргызской Республики, также поддерживает Правительство по реализации инициативы «Таза Коом» в области цивилизации государственных услуг. В качестве примера можно привести совместное финансирование компании ОАО «Каинды-Кант» - кредитное соглашение на сумму 2 млн долл. США, которое было подписано в декабре 2017 года.

Рисунок 6 - Источник: составлен автором по данным Министерства финансов КР

Результаты опроса, проведенного в 2017 году по результатам 2016 финансового года, по сравнению с данными, представленными инвесторами в 2015 году, демонстрирует рост только в трех секторах: консультирование, банковское дело и туризм. Экономическая ситуация в стране постепенно улучшалась до ситуации с соседним Казахстаном, что привело к снижению ВВП на 0,3 %. Экономические показатели на 2016 год свидетельствует о резком падении притоков денежных средств, в результате чего появилась разница в размере 759 млн. долл. США по сравнению с 2015 года.

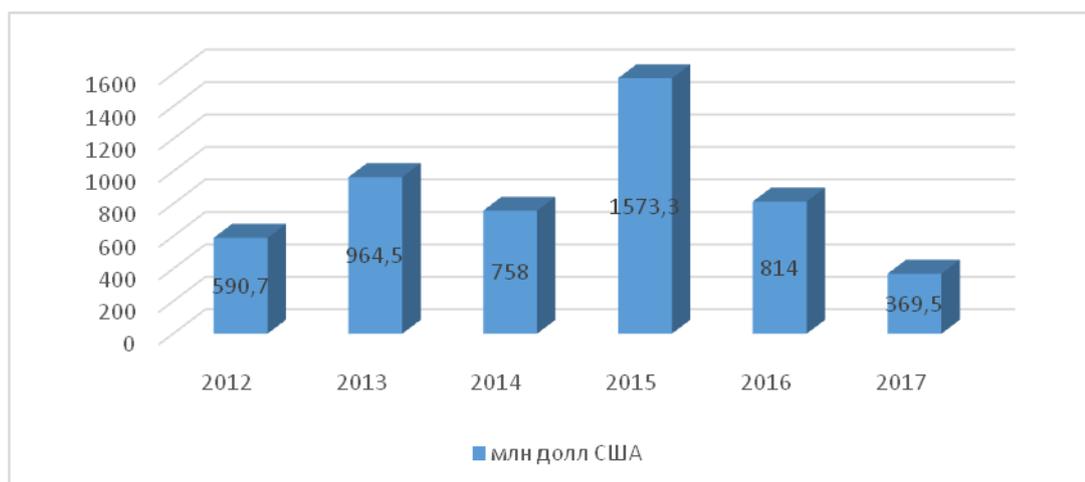

Рисунок 7 - Поток инвестиций за 2012-2017 годы

Источник: составлен автором на основе данных Министерства финансов КР.

Выход из кризисной ситуации напрямую зависит от притока иностранных инвестиций, но в то же время, интересы государства не совпадают с интересами иностранных инвесторов [1; 8]. Важно привлекать капитал, чтобы не лишать их собственников личных мотивов, одновременно направляя действия последних в пользу местных обществ и их развития. Для выхода на определенный рынок любой инвестор учитывает судебную систему и нормативно-правовую базу страны, в которой будет запускаться бизнес [4; 15]. К сожалению, ситуация в Кыргызской Республике как в экономической, так и политической сфере довольно шаткая уже в последние пять лет и до сих пор не внушает доверия инвесторам.

Таким образом, вышеизложенное подтверждает, что эти международные банки развития имеют довольно мощное влияние на развитие сельского хозяйства, государственного управления, образования, частного сектора [11; 16]. И в целом, по вкладам, которые выполняют эти институты в ту или иную сферу можно констатировать то факт, что мы пока не сможем обойтись без их участия в нашей экономической и социальной жизни.

Список литературы

1. Бессарабов В.О. Концепция "Открытого общества" как основа развития предпринимательства // Вестник НГИЭИ. 2017. № 12 (79). С. 87-102.
2. Волошин В.С., Бурко В.А. Глобальное информационное пространство и безопасность экосистем // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 6 (121). С. 64-70.
3. Галкин А.А., Бородкина Т.А. Макроэкономические факторы внешней среды российских организаций, определяющие особенности их стратегического менеджмента // Вестник НГИЭИ. 2017. № 7 (74). С. 65-72.
4. Герасименко О.А., Шевчук Е.С. Перспективы развития финансового потенциала на примере ОАО "Апшеронск-Лагонаки" // Молодежь в науке: Новые аргументы Сборник докладов II-й Международной молодежной научной конференции. 2015. С. 16-19.
5. Глазов М.М., Фирова И.П. Менеджмент предприятия: анализ и диагностика. - Санкт-Петербург, 2005. – 228 с.
6. Камиллов М.К.Б., Эльдаров Э.М. Стратегический анализ деятельности туристической фирмы: принципы системного подхода // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 4. С. 30.

7. Караваева Ю.С. Проблемы функционирования региональных банков в современных экономических условиях // Вестник НГИЭИ. 2017. № 4 (71). С. 116-129.

8. Ключников С.В. Сегментарная отчетность корпоративной группы: методика формирования и анализ особенностей // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 36. С. 27-32.

9. Костюков А.Н. Мировой финансовый кризис и правовые формы антикризисного поведения Субъектов Федерации и муниципальных образований в России (государственно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 1. С. 13-21.

10. Красикова Л.Ю., Красикова Т.В. Интегрированная отчетность – инновационный подход к корпоративной отчетности // Технологии информационного общества X Международная отраслевая научно-техническая конференция: сборник трудов. 2016. С. 346.

11. Кращенко С.А. Российский фондовый рынок: институциональная трансформация и эффективное регулирование // Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. - Волгоград, 2006. – 343 с.

12. Кузяшев А.Н. Экономика. - Уфа, 2011.

13. Марамыгин М.С., Суплаков Д.А. Управление риском ликвидности банка // Управленец. 2012. № 9-10 (38). С. 46-50.

14. Марамыгин М.С., Шатковская Е.Г. Организация деятельности коммерческого банка. - Москва, 2013.

15. Пахомова А.И., Черняева Р.В. Адаптация современного города к вызовам новой экономики. - Пенза, 2014. - 194 с.

16. Пименов Г.Г. Трендовый анализ банковского сектора России // В сборнике: Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней III Международная научно-практическая конференция. 2015. С. 321-329.

17. Сизова Т.В., Сизова Д.А. Методологические подходы диагностики финансового кризиса компании // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 2. С. 254-260.

18. Сулейманова К.А. Экономический эффект выставочной деятельности // Транспортное дело России. 2009. № 12. С. 96-99.

19. Федорова Т.А. Обзор современных подходов к оценке стоимости предприятий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-1. С. 144-159.

20. Цыпкин Ю.А., Иванов Н.И., Кокорев А.С., Фомин А.А. Прикладной менеджмент. –Москва, 2018. - 440 с.

Информация об авторах:

Умуралиева Аида Шайлобековна,
Старший преподаватель, Баткенский
государственный университет, г. Баткен,
Кыргызская Республика

Кулин Александр Александрович,
Кандидат экономических наук, доцент, ,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж, Россия

Information about authors:

Umuralieva Aida Shailobekovna,
Senior Lecturer, Batken State University, Batken,
Kyrgyz Republic

Kulin Alexander Alexandrovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,,
Voronezh Institute of Economics and Law, Voronezh,
Russia

Научная дискуссия

УДК 159.9

А.В. Озерова, А.А. Ларина

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Воронежский экономико-правовой институт

Аннотация: Агрессия является неотъемлемой составляющей человеческой природы. Современное общество проживает в эру всевозможных кризисов, что не может не отразиться на психологическом состоянии общества в целом. Данная проблема актуальна, так как в современном социуме спектр агрессивных реакций достаточно широк. Поэтому в данном обзоре рассматриваются агрессия как психологический феномен, психологические проявления агрессивного поведения, дается характеристика особенностей насильственной преступности.

Ключевые слова: агрессия, поведение, общество, насильственная преступность.

UDC 159.9

A.V. Ozerova, A.A. Larina

TRANSFORMATION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN THE MODERN SOCIETY

Voronezh Institute of Law and Economics

Abstract: Aggression is an integral part of human nature. Modern society lives in an era of all kinds of crises, which can not but affect the psychological state of society as a whole. This problem is actual as in modern society the spectrum of aggressive reactions is rather wide. Therefore in this review aggression as a psychological phenomenon, psychological manifestations of aggressive behavior are considered, the characteristic of features of violent crime is given.

Keywords: aggression, behavior, society, violent crime.

Современное общество проживает в эру всевозможных кризисов, что не может не отразиться на психологическом состоянии не только взрослых, но и детей, которые так же являются полноправными членами общества. Уже в 60-х годах XX века проблема агрессии становится одной из актуальных за рубежом, а уже в 90-х годах отечественные психологи начинают исследовать феномен агрессии. Именно в этот период появляется определение XX века как «века беспокойства о насилии». Ряд психологических школ

занимаются проблемами изучения, формирования и выявления механизмов возникновения агрессии и агрессивного поведения. Однако до сих пор остаётся спорным вопрос определения самого термина агрессии, поскольку она представляет собой многостороннее явление. Выявление причин её возникновения, форм и возможных путей коррекции актуально и сегодня.

Этимология дефиниции *aggredi* (агрессивный) происходит от слова *adgradi*, которое означает *gradus* - шаг, *ad* - на, то есть получается что-то вроде «двигаться на», «наступать». В аутентичном смысле быть агрессивным означало нечто вроде «двигаться в направлении цели без промедления, без страха и сомнения» [1, с.17].

В современном обществе спектр агрессивных реакций чрезвычайно широк, от сплетен и прямых оскорблений, драк, убийств до терактов и военных действий. Получается, что агрессия является неотъемлемой составляющей человеческой природы. Почему же возникает агрессивное поведение? Словом «агрессия» в языке обозначается совокупность самых разных форм поведения. То, что люди называют агрессией, частично определяется социальными нормами общества. Поэтому к настоящему времени психологи сформулировали много разных определений этой дефиниции. Мы будем понимать под агрессией форму поведения, нацеленную на причинение вреда другому живому существу, не желающему идентичного обращения.

Агрессивное поведение разнообразно: оно может быть физическим и вербальным, прямым и косвенным, реактивным и проактивным [2; 19]. Однако вопрос о том, почему люди ведут себя агрессивно, длительное время был предметом научной дискуссии. В ходе этой дискуссии были сформулированы три основные дихотомии, описывающие природу агрессивного поведения: врожденное или приобретенное (источники агрессии), когнитивное или эмоциональное (психологические механизмы агрессии), внутреннее или внешнее (факторы агрессии) [2; 12].

Сторонники психоаналитического и эволюционного подходов полагали, что агрессия является врожденной, генетически запрограммированной формой поведения [3; 10]. В то же время, по мнению необихевиористов, агрессия формируется в ходе прижизненного развития человека и поэтому поддается коррекции. Результаты эмпирических исследований говорят в пользу второй точки зрения. Они показывают, что агрессия порождается как когнитивными, так и эмоциональными механизмами и зависит от индивидуальных и ситуационных факторов.

Идея об эмоциональных механизмах агрессии берет начало в теории фрустрации - агрессии, согласно которой агрессивное поведение возникает, когда человек не может достичь важной для него цели. Эта идея получила свое развитие в теориях посылов к агрессии, ассоциативных связей и переноса возбуждения. В то же время когнитивные механизмы агрессии описаны в пятистадийной модели, согласно которой агрессия является результатом определенной интерпретации происходящего [3; 16].

Альтернативное объяснение агрессии предлагают сторонники когнитивного подхода. Они полагают, что агрессивное поведение - это результат определенного анализа информации о происходящем и выбора стратегии поведения. Эти идеи воплотились в модели К. Доджа и Н. Крик, которые выделили пять стадий возникновения агрессии.

1. Прочитывание посылов к агрессии. В каждый момент человек сталкивается с большим количеством информации. Чтобы сориентироваться в ней, он обращает пристальное внимание на одни аспекты происходящего и практически не замечает другие. Некоторые люди легко замечают стимулы, ассоциативно связанные с агрессией. Это могут быть какие-либо предметы, сцены насилия или провокационное поведение жертвы. Выборочное восприятие - первый шаг на пути к агрессии.

2. Интерпретация посылов к агрессии. В дальнейшем человек, заметивший посылы к агрессии, пытается объяснить, чем они вызваны. Для некоторых людей

характерна «предвзятая атрибуция враждебности»: тенденция приписывать окружающим враждебные намерения, объяснять их действия желанием нанести ущерб. Предвзятая атрибуция - второй шаг на пути к агрессивному поведению.

3. Выбор формы поведения. Затем человек принимает решение о том, как реагировать на действия партнера. Одни люди обладают богатым поведенческим репертуаром, знают как насильственные, так и мирные способы разрешения конфликта. Репертуар других людей ограничивается агрессивными стратегиями взаимодействия. Именно они чаще демонстрируют агрессию. Выбор насильственной стратегии - третий шаг к агрессивному поведению.

4. Оценка социальной желательности. После этого человек оценивает выбранные стратегии поведения по тому, насколько они соответствуют социальным нормам. К агрессии склонны люди, которые правильно или ошибочно полагают, что окружающие одобряют такое взаимодействие. Подобное представление о социальных нормах - четвертый шаг к агрессии.

5. Реализация намерения. Агрессивное поведение демонстрируют как люди, которые сознательно выбрали эту стратегию, так и те, кто выбрал неагрессивный способ поведения, но не смог реализовать его на практике, поскольку не обладал необходимыми для этого поведенческими навыками. Отсутствие навыков доброжелательного поведения - последний шаг, результатом которого становится агрессия [6, с. 101].

Таким образом, агрессию увеличивают любые условия, способствующие выборочному восприятию, атрибуции, оценке способов поведения и социальных норм [15; 18]. Поскольку к числу этих факторов относится эмоциональное состояние человека, все большую популярность в последнее время приобретают комплексные модели агрессии. Они учитывают как эмоциональные, так и когнитивные механизмы агрессивного поведения. Эти модели говорят о том, что агрессивное поведение порождает любые факторы, оказывающие влияние на эмоции и когнитивную активность человека. К психологическим особенностям относятся характеристики эмоциональной и мотивационной сферы, Я-концепция и отношение к другим людям. В то же время среди характеристик контекста - экологические переменные, анонимность, агрессивный прайминг, когнитивная нагрузка и алкогольное опьянение [4; 13]. Чтобы уменьшить вероятность агрессивного поведения, психологи предложили целый ряд процедур, позволяющих оказать влияние на когнитивную оценку происходящего, эмоциональное состояние и поведенческие навыки потенциального агрессора. Эти процедуры дают возможность не только блокировать отдельные акты агрессии, но и приобрести устойчивые навыки миролюбивого поведения.

Самостоятельное рассмотрение получила данная проблема в психологической диагностике. Так, А. Бассе, взявший ряд аспектов своих предшественников, дифференцировал понятия «агрессия» и «враждебность» и рассмотрел последнюю как: "...реакцию, развивающую негативные чувства и негативные оценки людей и событий". Для анализа агрессивного поведения он предложил концептуальную рамку, включающую три шкалы: физическая - вербальная, активная - пассивная, прямая - непрякая. Ученый признает агрессивными лишь те действия, которые причиняют вред живым существам.

Создавая свой опросник, А. Бассе и А. Дарки выделили следующие виды агрессивных реакций: физическая агрессия, косвенная агрессия, вербальная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, чувство вины [2, с. 25].

В последнее время появилось несколько модификаций опросника Басса-Дарки, где на основании факторного анализа эмпирических данных были предложены другие формы проявления агрессивного поведения. Так, Л.Г. Почебут выделила: вербальную агрессию, физическую агрессию, предметную агрессию, эмоциональную агрессию,

самоагрессию [7, с. 87].

Сама категория «агрессия» в целом имеет нейтральное значение. По сути, агрессия может быть как позитивной, служащей жизненным интересам и выживанию, так и негативной, ориентированной на удовлетворение агрессивного влечения самого по себе [17; 20].

Тем не менее, возникает вопрос: какие же люди совершают насильственные преступления? Чем люди, нарушившие закон, отличаются от законопослушных граждан? Этот вопрос волнует жителей самых разных стран. Публика с увлечением читает криминальные хроники и переживает по поводу высокого уровня преступности, а политики предлагают ужесточить законы.

Однако когда речь идет о насильственной преступности (нанесении увечий, убийствах, изнасилованиях), карательный подход часто оказывается неэффективным. Это происходит, поскольку криминальный акт является частным случаем межличностного конфликта, протекание которого зависит не только от способности человека взвесить «выигрыш» и «проигрыш» нарушения закона, но также от представления о себе, своем партнере и от репертуара стратегий поведения. Сотни исследований, авторы которых сравнивали людей, осужденных за совершение преступлений, продемонстрировали, что насильственных преступников отличают следующие особенности.

В первую очередь это эмоциональное состояние. Для насильственных преступников характерны высокая возбудимость и низкий уровень эмоционального самоконтроля - раздражительность, импульсивность, эмоциональная нестабильность, зависание на негативных переживаниях, - а также использование неэффективных стратегий борьбы с трудностями, которые не позволяют им понять причины возникших проблем и найти оптимальный способ решения проблемы [3; 14].

Когнитивные процессы. Кроме того, для насильственных преступников характерны сложности в анализе информации. По некоторым данным, их отличает дефицит внимания и гиперактивность в детском возрасте, а также относительно низкий уровень вербально-логического интеллекта. По-видимому, эти особенности затрудняют анализ информации, мешают человеку распознать «ситуации риска», что при неблагоприятном стечении обстоятельств приводит к насилию [5; 11]. Например, для людей, совершивших неоднократные изнасилования, «опасным стимулом» является одинокая девушка, голосующая на шоссе. Соглашаясь подвезти ее, такой водитель делает первый шаг на пути к совершению преступления.

Помимо этого, насильственных преступников отличает определенное представление о себе и самооценка, то есть Я-концепция. Они обладают низкой самооценкой и плохо сформированной временной перспективой, часто ориентированы на настоящее, не ставят перед собой долговременных целей и не составляют планов на будущее.

Отношение к людям. Однако не менее, а может и более, важную роль в криминальном поведении играют индивидуальные особенности и аттитюды преступника, отражающие его отношение к окружающим. Люди, совершившие насильственные преступления, обладают относительно низким уровнем морального развития и меньше склонны к эмпатии. Кроме того, насильственные преступники обладают такими представлениями об участниках криминального взаимодействия, которые «оправдывают» совершение преступлений [3; 8]. Например, сексуальные насильники полагают, что женщины лгут мужчинам, и поэтому им нельзя доверять. Они специально дразнят мужчин, возбуждают их, провоцируют на совершение полового акта и в результате получают то, что заслуживают. В то же время мужчины обладают неконтролируемыми сексуальными потребностями и имеют право вступать в

сексуальные отношения с теми, кто им нравится. Таким образом, они поддерживают идею мужского доминирования.

Коммуникативная сфера. И наконец, исследования показывают, что насильственные преступники обладают относительно слабо развитыми коммуникативными навыками, испытывают сложности с самораскрытием в общении с другими людьми, с трудом устанавливают близкие отношения с партнером и считают межличностное насилие нормальным способом взаимодействия.

Однако «индивидуальный» подход к анализу насильственной преступности обладает несколькими серьезными ограничениями. Во-первых, исследования не дают возможности выявить характеристики, присущие исключительно людям, нарушающим закон. Как правило, речь идет о большей или меньшей выраженности широко распространенных психологических особенностей. Во-вторых, связь между индивидуальными особенностями и криминальным поведением неоднозначна. Например, хотя большинство исследований говорят о низкой самооценке и уровне самоконтроля насильственных преступников, существуют противоположные данные. Это означает, что одно и то же насильственное преступление могут совершать люди разного психологического типа. И наконец, в-третьих, «индивидуальный» подход не учитывает, что психологические особенности - это только звено в цепи причин и следствий, «фактор риска», влияние которого группируется с воздействием других переменных - семьи, школы, средств массовой коммуникации.

Обобщая вышесказанное, мы пришли к выводу, что агрессия достаточно устойчива во времени, несмотря на ее трансформации, однако индивидуальные ее особенности проявляются уже в раннем детстве. По мере взросления на индивида все больше влияют результаты его индивидуального опыта, но также свой отпечаток накладывают этико-культурные, социально-экономические, половые различия на содержание и протекание кризиса. Как показывают события не только в нашей стране, но и в мире, знание психологических особенностей формирования индивидуального агрессивного поведения может помочь в борьбе с такими явлениями как терроризм и захват заложников.

Список литературы

1. Словарь практического психолога / составитель С.Ю. Головин. - Минск, 1997.
2. Бэрон Р. Агрессия: учеб.пособие для студ. и аспирантов психологич. фак., а также слушателей курсов психологич. дисциплин на гуманитарных фак. вузов РФ. - СПб., 1997.
3. БерковицЛ. Агрессия. Причины, последствия и контроль. - СПб.: Прайм-Евронанк, 2007.
4. БлэкборнР. Психология криминального поведения. - СПб.: Питер, 2004.
5. Майерс Д. Социальная психология. - СПб.: Питер, 2014.
6. Холличер В. Человек и агрессия. - М.: Прогресс, 2002.
7. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межкультурной толерантности: учеб. Пособие. Санкт-Петербургский гос. ун-т, Факультет психологии. 2-е изд. СПб., 2007.
8. Баранов П.П. Правовая сфера духовного мира человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. С. 54-60.
9. Баркетова Т.А.Формирование культуры делового общения и управления // Подготовка управленческих и партийных кадров: традиции и современность (К 90-летию открытия Комвуза в Саратове) 2013. С. 68-71.
10. Боев И.В. Символдрама: коррекция личностных и поведенческих нарушений. - Ставрополь, 2009. – 167 с.

11. Гневашева В.А. Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи. - Москва, 2010. – 303 с.
12. Костенко М.А., Костенко Н.Б. Жестокое обращение в отношении несовершеннолетних: проблемы предотвращения и организации психосоциальной помощи пострадавшим. -Барнаул, 2013. – 124 с.
13. Краснощеченко И.П., Ковдюк Д.П. Социально-психологическая адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8-5 (39). С. 38-41.
14. Палаткина Г.В. Межнациональная и межконфессиональная толерантность как основа мультикультурного образования полиэтнического региона // Этнопанорама. 2001. № 3. С. 94.
15. Савеленко В.М. Статусно-ролевые требования к участникам конфликта в малой группе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 108-110.
16. Сибиряев А.С., Филимонов Д.А. Возможные направления профилактики экстремизма в молодежной среде // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 73-78.
17. Черникова В.Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 3 (144). С. 45-50.
18. Шукшина Л.В. Иллюзорное сознание и его функции // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 149-153.
19. Юсупов И.М. Социопатические предпосылки криминальных деяний. - Казань, 1996. – 28 с.
20. Яблонская Н.В. Психологический анализ инфляции «образа отца» в современном обществе // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки IV Международная научно-практическая конференция: в трех томах. 2015. С. 354-357.

Информация об авторах:

Озерова Анжелика Валерьевна,
Кандидат педагогических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт, г. Воронеж,
Россия

Ларина Аэлита Александровна,
Кандидат психологических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт, г. Воронеж,
Россия

Information about authors:

Ozerova Anzhelika Valerievna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor,
Voronezh Institute of Economics and Law,
Voronezh, Russia

Larina Aelita Aleksandrovna,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Voronezh Institute of Economics and Law,
Voronezh, Russia

УДК 141.8

И.В. Василенко

**БЛАГОСОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО
НАСЕЛЕНИЯ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Волгоградский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изучению уровня благосостояния регионального населения с помощью субъективных оценок. Уровень благосостояния населения современной России является сложным элементом социально-экономического развития как России в целом, так и отдельно взятых регионов, изучение которого в условиях экономических санкций является очень актуальным. Данные эмпирического исследования позволяют выявить компоненты благосостояния, уровень материального достатка, некоторые индикаторы уровня жизни, образа жизни и качества жизни.

Ключевые слова: уровень благосостояния, материальный достаток, качество жизни

UDC 141.8

I.V. Vasilenko

**THE WELFARE OF THE CONTEMPORARY REGIONAL
POPULATION IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS
(ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)**

Volgograd State University

Abstract. The article is devoted to the study of the welfare of the regional population with the help of subjective assessments. The level of well-being of the population of modern Russia is a complex element of socio-economic development of Russia as a whole, and individual regions, the study of which in terms of economic sanctions is very relevant. Data of empirical research allow to reveal components of welfare, level of material prosperity, some indicators of a standard of living, a way of life and quality of life.

Key words: welfare, material wealth, quality of life

Благосостояние является ключевым индикатором социально-экономических условий жизни и удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей населения любой страны.

Необходимость изучения благосостояния обуславливается тем, что многие страны, в том числе и Россия постоянно борется за статус развитой страны. Для достижения данной цели необходимо иметь высокий уровень экономического и

социального развития. Однако вследствие того, что имеющиеся ресурсы распределяются нерационально, уровень благосостояния часто не соответствует целям развития общества. Следовательно, необходимо постоянное изучение уровня благосостояния и его составляющих, в том числе методами социологии.

Рассуждения, касающиеся благосостояния населения, присутствуют в трудах мыслителей древнего мира, и включают его в систему проблем общества и государства, этики и политики [28, с.65].

В работах А. Маршалла, К. Менгера, В. Парето, А. Пигу, А. Смита, рассматривались вопросы естественного распределения доходов в обществе, критериев достижения оптимально развитого общества, формирования благосостояния в условиях рынка [11, с.56; 12, с.65; 15, с.38; 16, с.45; 23, с.69].

В трудах К. Маркса, А. Сен-Симона, Ш. Фурье условием роста благосостояния населения и развития каждого человека рассматривалось построение идеального общества, основанного на таких принципах жизнедеятельности, как: общность имущества, равное участие в распределении общественного продукта, в управлении государством, социальная опека и забота [10, с.268; 22, с.102; 26, с.138].

В отечественной социологической науке (В. Бобков, В. Майер, Н. Римашевская, С. Тарасова) исследовались теоретико-методологические аспекты благосостояния населения и факторы его формирования; анализировалась взаимосвязь данной категории с уровнем жизни, качеством жизни и образом жизни; выявлялись закономерности формирования и развития потребностей населения [4; 7, с. 53; 20, с.10; 24, с.240].

Несмотря на то, что в современной России реализуется целый ряд социологических исследований, ориентированных на измерение уровня благосостояния, при этом многие теоретические, но особенно эмпирические вопросы о сути исследуемого феномена в современных региональных условиях остаются за рамками большинства подобных исследований. В связи с этим, тема исследования актуализируется в условиях недостаточной проработанности этих аспектов социологического анализа, в том числе в условиях экономических санкций.

Целью статьи является исследование уровня благосостояния населения Волгоградской области на основе социально-экономических критериев, разработанных в соответствии со структурой благосостояния, и субъективных оценок их восприятия.

В отечественной литературе выделяют два основных подхода в освещении проблемы благосостояния: ресурсный и потребительский. В ресурсном подходе имеет место идея зависимости благосостояния от величин национального дохода, фонда потребления. Этот подход представлен такими именами, как И.А. Анчишкин, С.С. Шаталин, Э. М. Агабабьян, Н. М. Римашевская [1, с.27; 27, с.203; 17, с.262; 20, с.10].

В потребительском подходе благосостояние рассматривается как личное потребление и конечная фаза расширенного воспроизводства. Оно определяется как достигнутый уровень потребления населением благ и услуг, степень удовлетворения в них общественно признанных потребностей. Среди представителей такого направления В.Ф. Майер, А.С. Ревайкин, Е.Г. Антосенков [18 с.112; 19, с.32; 29, с.105].

Очень узкий круг ученых рассматривает благосостояние не только как функцию экономического роста, но и наоборот, – экономический рост как функцию благосостояния. Эта взаимосвязь определяется возрастанием функциональной роли обратных связей в экономике, связанных с увеличением влияния уровня и структуры народного потребления на рост общественного производства. Народное потребление становится фактором экономического роста [17, с.6].

Теория и методология изучения феномена благосостояния в современной российской общественной науке больше представлена на макроуровне общественной системы, в то время как возрастание роли потребления населения требует изучения

процессов благосостояния на мезо- и микроуровне: на уровне регионов и отдельных индивидов. Поэтому, для исследования и последующего анализа уровня благосостояния населения Волгоградской области и его восприятия с 6.07.17 по 25.09.17 под руководством автора было проведено социологическое исследование на тему: «Современная региональная семья и ее проблемы». Методом сбора первичной социологической информации явилось полуструктурированное интервью. В ходе исследования использовалась районированная, маршрутно-квотная выборка. Параметрами квотирования для респондентов явились пол и возраст. Объем выборки составил N = 600 чел (ошибка выборки составила 4,1%).

Социологический подход связывает понятие «благосостояние» с различиями в степени и способах удовлетворения потребностей, социально-экономического положения разных общественных групп. Другими словами, благосостояние человека напрямую связывается с его положением и ролью в группе.

Первый вопрос был направлен на выявление значения компонентов, которые включает в себя благосостояние. В качестве таковых были предложены: доход, культура, медицина, образование, политика, искусство, духовность.

Очевидно, что доход является первостепенным: он важен для 68,8%. Образование признано почти столь же важным, что и доход (63,5%). К значимым компонентам благосостояния респонденты отнесли культуру и медицину (42,2%; 40,4%). Чуть более четверти респондентов отметили еще и «духовность». К сожалению, такая точка зрения на содержание благосостояния не является преобладающей.

В социологическом словаре Г.В. Осипова благосостояние определяется как обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, измеряемая системой показателей, и характеризующая уровень жизни [14, с.32]. К числу материальных показателей относятся доходы на душу населения, уровень материального достатка индивида или семьи, выраженные в том числе и в субъективных оценках.

Уровень материального достатка респондентов определялся системой индикаторов, расположенных вдоль 5-ти мерного континуума: от высокого до низкого достатка. Остальные деления шкалы обозначены, как доход выше среднего, средний доход и доход ниже среднего.

Согласно полученным данным, около половины опрошенных респондентов имеет средний достаток (49,2%), достаток выше среднего – у 10,3%. В два раза меньше респондентов имеют достаток ниже среднего – (28,6%). Высокий и низкий уровни материального достатка оценены значительно меньшей долей респондентов, соответственно 1,3 и 9,5%. Итак, в Волгоградской области преобладает население со средним и ниже среднего достатком.

Для оценки уровня материального достатка был посчитан средний балл, который составил 2,6.

Часто, в социологии понятие благосостояние отождествляется с понятием «уровень жизни». Это происходит вследствие того, что оба этих понятия совпадают по содержанию, но при этом, различаются в границах. Более узким является понятие «уровень жизни», поскольку включает не все элементы, которые есть в составе благосостояния, например такие, как социальное обеспечение, социальное страхование.

В Большом экономическом словаре уровень жизни определяется как совокупность условий жизни населения страны, соответствующих достигнутому уровню его экономического развития [6, с.436].

К. Маркс отмечает, что уровень жизни, это не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение потребностей, порождаемых теми условиями, в которых люди находятся и воспитываются [9, с. 272]. Таким образом,

в уровне жизни отражается степень развития и уровень удовлетворения потребностей людей во всех современных благах.

Уровень жизни на микроуровне является субъективным показателем, так как дифференцированно воспринимается разными людьми. Поэтому, выясним уровень жизни по косвенному индикатору: удовлетворенностью жизнью.

Так, с большей или меньшей степенью собственная жизнь устраивает 75,6% опрошенных. Неудовлетворенных своей жизнью респондентов – значительно меньше: 20,9% опрошенных. Таким образом, значительная доля жителей Волгоградской области более или менее удовлетворены своей жизнью.

«Уровень жизни» является важнейшим обобщающим социальным показателем, который дает представление о благосостоянии общества в целом, основных социально-демографических групп населения, отдельных граждан и их семей, позволяющий оценить социально-экономическое развитие страны. Уровень жизни характеризует состояние и развитие потребностей граждан в материальных, духовных и социальных благах и степень удовлетворения этих потребностей.

Для этого респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос «Оцените, пожалуйста, Ваш сегодняшний уровень жизни?» (см. табл. 1).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что чуть больше половины респондентов (52,7%) выбрали вариант ответа – «питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости». Результат вполне ожидаемый, так как в ходе исследования было выяснено, что большинство респондентов имеют средний достаток. Крупную бытовую технику, но не новый автомобиль, могут позволить себе 22,9% опрошенных, а вот 19,4% респондентов ответили, что денег им с трудом хватает на питание.

При изучении благосостояния, социологи используют не только понятие «уровень жизни», но и «образ жизни». Это мнение широко использовалось в 70–80-е годы XX века. Образ жизни часто рассматривался как совокупность стандартных видов жизнедеятельности общества, социальной группы, индивида, на определенном этапе развития страны и на фоне существующих условий жизни [2,с.19].

Таблица 1

Уровень жизни респондентов на момент опроса

Вариант ответа	Количество респондентов/чел	Доля, %
Денег с трудом хватает на питание	116	19,4
Питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости	317	52,8
Можем купить крупную бытовую технику, но не новый автомобиль	138	23,0
Можем купить новый автомобиль, но не квартиру	23	3,8
Можем купить квартиру и новый дом	6	1,0
Всего	600	100

В то же время существовала и другая точка зрения на образ жизни, под которым понимался способ существования различных социальных субъектов: индивидов, социальных групп, классов и слоев [18, с.10]. Развернутая трактовка этого понятия звучит следующим образом: под образом жизни понимаются устойчивые, типичные для исторически конкретных социальных условий способы, формы и обстоятельства индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, влияющие на специфику их

интересов, убеждений, коммуникаций, поведения и мышления в различных областях [13].

Все эти определения объединяет один очень важный показатель, необходимый для оценки образа жизни – стабильность. Поэтому, в исследовании респондентам предлагалось оценить свою уверенность в завтрашнем дне, иными словами стабильность на определенное время по шкале: полностью уверен (5), скорее уверен (4), скорее не уверен (3), полностью не уверен (2), затрудняюсь ответить (1).

Более половины респондентов уверены в своем завтрашнем дне. Неуверенных - значительно меньше: 36,2%. Необходимо отметить, что полностью уверенных в своей жизни на перспективу - 19,0%, а неуверенных в своем завтрашнем дне - 8,9%. Эти цифры свидетельствуют о том, что ситуация с оценкой стабильности экономического и социального развития, в целом находится на среднем уровне. По представленной шкале и числу выборов рассчитывался средний балл. Он равен 3,6.

Благосостояние населения может рассматриваться и через понятие «качество жизни», которое появилось в научной литературе относительно недавно: в России данный термин появился в 90-е годы XX века. Так, специалисты различных отраслей знаний, проводящие исследования под эгидой Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ), рассматривают содержание понятия «качество жизни» как систему жизненных ценностей, определяющих виды деятельности, структуру потребностей и социально-экономический фон существования человека, групп населения, общества, удовлетворенность людей своей жизнью, социальными связями и окружающей средой [5].

Качество жизни имеет свою структуру, так как является комплексной характеристикой условий жизнедеятельности населения, выражающейся в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей. Качество жизни рассматривается также как образовательный и квалификационный потенциал людей, состояние здоровья, культурно-нравственные возможности [21, с.15-16]. Некоторые ученые предлагают оценивать качество жизни через степень удовлетворения различных потребностей: духовных, культурных, интеллектуальных, эстетических в данных условиях [25, с.17].

Качество жизни является очень субъективной категорией, так как ее оценка связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе [3]. Все эти определения объединяет два очень важных момента – это удовлетворение потребностей, степень удовлетворения которых связано с характеристикой социально-экономических, политических и прочих условий. Поскольку респонденты при определении компонентов благосостояния выделили экономические составляющие: доход и образование, способствующее получению дохода, то в исследовании делался акцент на оценке экономических условий.

В ходе исследования производилась оценка экономического положения России в целом. Для этого использовалась 5-балльная шкала, где 1- самая низкая оценка, 5 – наивысшая оценка. Современное экономическое положение России в целом население Волгоградской области оценивает как среднее – (41%), для 33,3% экономическое положение ниже среднего. Самую низкую оценку дали 12,7%. Таким образом, можно сделать вывод, что нынешнее экономическое положение России оценивается как довольно низкое. Средний балл, характеризующий экономическое положение России в целом равен 2,6.

На этом фоне интересным представлялся вопрос о динамике жизни респондентов. Для этого был задан вопрос «В какую сторону изменилась ваша жизнь за последние 5 лет?»

Жизнь за последние 5 лет остается без изменений и является стабильной для 41,3% респондентов. У трети опрошенных жизнь изменилась в лучшую сторону, но есть и те, у кого жизнь поменялась в худшую сторону – 23,2%. Хотя в целом прослеживается неплохая положительная динамика, уверенных в завтрашнем дне в целом меньше, чем тех, у кого жизнь улучшилась или осталась без изменений.

Таким образом, проведенное исследование показало, что благосостояние связано, во-первых, с уровнем дохода (68,6% респондентов) и образования населения (63,5%), а также с развитием культуры (42,2%) и медицины(40,4%). Во-вторых, с уровнем материального достатка, как совокупности всех ресурсов человека, семьи. Материальный достаток около половины населения Волгоградской области соответствует среднему уровню. Довольно высок процент тех, у кого доход ниже среднего и низкого уровня. Стоит отметить, что отсутствие высшего и средне-специального образования существенным образом влияет на снижение уровня материального достатка, а вот наличие образования улучшает ситуацию.

В-третьих, с состоянием качества, уровня и образа жизни. Каждая из этих категорий похожа в своих определениях, но имеет разные пределы и специфические различия. Уровень жизни в исследовании определялся с помощью показателей удовлетворенности жизнью и оценки собственно уровня жизни. В целом удовлетворенных своей жизнью больше половины, однако, абсолютно уверенных в этом всего 19,0%. Уровень жизни, по оценкам населения Волгоградской области, вполне соответствует среднему достатку. Более половины опрошенных могут позволить себе предметы первой необходимости (52,7%), есть те, кто покупает новую бытовую технику с легкостью (22,9%), но их конечно, гораздо меньше. Пенсионеры и временно безработные, а также те, у кого есть неоконченное среднее образование, оценивают свой сегодняшний уровень жизни довольно низко, они высказались о том, что им с трудом хватает денег на питание.

Образ жизни выявлялся через критерий «уверенность в завтрашнем дне». В целом у (41,3%) опрошенных более или менее стабильная жизнь, оцениваемая по уверенности в завтрашнем дне. Однако доля тех, кто обладает этой уверенностью, среди населения Волгоградской области недостаточно высока.

Качество жизни населения региона изучалось по двум индикаторам: оценка общей экономической ситуации в России и тенденции изменения жизни респондентов за последние пять лет.

Население Волгоградской области оценивает экономическое положение России как ниже среднего. По 5-бальной шкале данная оценка соответствует «2,6». У четверти населения жизнь за последние пять лет ухудшилась, а у 41,3% осталась без изменений. Это составляет больше половины, поэтому качество жизни, с учетом полученных данных по другим показателям является невысоким.

Таким образом, благосостояние населения Волгоградской области оценивается довольно противоречиво, но в целом воспринимается на среднем или ниже среднего уровне.

Список литературы

1. Анчишкин И.А. Экономические условия роста благосостояния советского народа. - М.: Наука, 1977. – 199с.
2. Баженов, С. А. Качество жизни населения : теория и практик // Уровень жизни населения регионов России. 2002. №10. С. 19-21.
3. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации /Социологические исследования. №1. 2009. С. 33-42
4. Бобков В. Н. Пути повышения уровня и качества жизни населения России и ее регионов// Уровень жизни населения регионов России. 2006. №10/11. С. 96–110.

5. Бобков В. Н. Развитие и совершенствование методологических подходов к исследованию уровня и качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2006. №10/11. С. 111–120.
6. Большой экономический словарь/ Под ред. А. Н. Азрилияна. – М.: Фонд «Правовая культура», 1994. С. 436
7. Майер В. Ф. Доходы населения и рост благосостояния народа. – М.: Мысль, 1968. – 220с.
8. Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. - М.: Мысль, 1977. – 263с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,2-е изд. Т.16. – М.: Изд. Полит. литер., 1960. С. 272.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,2-е изд. Т.16. – М.: Изд. Полит. литер., 1960. С. 262-269.
11. Маршалл, А. Принципы экономической науки. Т.1. - М.: Прогресс, 1993. – 282с.
12. Менгер К. Основания политической экономии//Менгер К. Избранные работы – М.: Издательский дом «Территория будущего, 2005. С.59-289.
13. Образ жизни горожан в объективных и субъективных показателях. – М.: Институт социологии РАН, 2002. - 66с.
14. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь / Благосостояние. – М: Норма, 2008. – С. 32
15. Парето В. Курс политической экономии. Пер. с фр. А. А. Зотова, В. Л. Силаевой. – М.: РИОР, 2017. – 348с.
16. Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния. Т.1-2. - М.: Прогресс, 1985. – 192с.
17. Проблемы распределения и рост народного благосостояния / Отв. ред. Э. М. Агабабян и Е.Н. Яковлева. - М.: Наука, 1979. 261с.
18. Ракитский Б. В. Стратегия благосостояния. – М.: Молодая гвардия, 1983. – С. – 28-30 Майер В. Ф. Планирование социального развития и повышение уровня жизни народа. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 128с.
19. Ревайкин А.С. Уровень жизни населения (Методология и проблемы регионального исследования). - М.: Наука, 1989. – 144с.
20. Римашевская Н.М. Народное благосостояние. Методология и методика исследования. - М.: Наука, 1989. – 150с.
21. Римашевская Н. М. Равенство или справедливость. – М.: Финансы и статистика, 1998. – 159с.
22. Сен-Симон А. Рассуждения литературные, философские и промышленные // Сен-Симон А. Избранные сочинения в 2-х тт. Т.2 – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1948. С. 273-364.
23. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов - М.: Соцэкгиз, 1962. – 198с.
24. Тарасова С. В. Экономическая теория благосостояния. - М.: Юнити-Диана, 2001. – 240с.
25. Тодоров А. С. Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования. - М.: ВНИИТЭ, 2000. – 45с.
26. Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. - М.: Политиздат, 1985. – 590с.
27. Шаталин С.С. Функционирование экономики развитого социализма. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 340с.
28. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: пер. с англ. / Под ред. В.С. Автономова в 3-х тт. Т.1. - СПб.: Экон. шк. [и др.], 2001. 552с.

29. Экономический рост и подъем народного благосостояния / Е. Г. Антосенков, В. Г. Кряжев, Н. П. Кузнецова и др. – М.: Экономика, 1987. – 300с.

Информация об авторе:

Василенко Инна Викторовна
доктор философских наук, профессор,
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия

Information about author:

Vasilenko Inna Viktorovna
Doctor of Philosophy, Professor,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

Охрана природы и здоровья человека: новые решения в медицине, биологии и экологии

УДК 615.038

Р.Г. Мелкадзе

КЛИНИЧЕСКАЯ АПРОБАЦИЯ АДАПТИВНЫХ СВОЙСТВ БИОАКТИВНОЙ ДОБАВКИ "GRAIL"

Грузинский технический университет

Аннотация: Проведенные клинические исследования биоактивной добавки "Grail" (далее "Grail") выявили, что препарат предупреждает или полностью устраняет патологические проявления, обусловленные стрессовым воздействием.

В условиях психической дезадаптации "Grail" повышает умственную работоспособность и адаптивные возможности организма, оказывает благоприятное действие на высшую деятельность человека: увеличивает умственную работоспособность, улучшает память, повышает реакцию и активность организма.

Таким образом, "Grail" в дозах 0,5-1 мл/кг, рассчитанных на человека, умеренно действующее нейротонизирующее средство, способное поддерживать активную умственную и физическую работоспособность и не обладающее возбуждающими и истощающими эффектами на нервную систему.

Ключевые слова: биоактивная добавка, адаптация, резистентность; иммуномодуляция, ноотропные свойства.

UDC 615.038

R.G. Melkadze

CLINICAL APPROBATION OF THE ADAPTIVE PROPERTIES OF THE BIOACTIVE ADDITIVE "GRAIL"

Georgian Technical University

Abstract: Conducted clinical researches of the bioactive additive "Grail" (Further "Grail") revealed that the drug prevents or completely eliminates pathological manifestations, caused by stress.

In conditions of mental dis-adaptation, the “Grail” raises the mental capacity for work and adaptive capabilities of the body, has a beneficial effect on the higher activity of man: increases mental efficiency, improves memory, increases the reaction and activity of the organism.

Thus, “Grail” in doses of 0,5-1 ml / kg, calculated per person, is a moderately effective neuro-tonic agent capable of maintaining active mental and physical performance and not having exciting and debilitating effects on the nervous system.

Key words: bioactive additive, adaptation, resistance, immunomodulation, nootropic properties.

Введение. Научные исследования, результаты которых изложены в настоящих материалах, посвящены биологической апробации новой биоактивной добавки “Grail” - многокомпонентного экстракта целебных и ароматических трав [1-6].

Разработка “Grail” была продиктована идеей создать композицию из ценнейших лекарственных трав народной медицины для широкого применения в качестве натурального целебного лечебно-профилактического средства с общеукрепляющими и адаптогенными свойствами.

Термин “адаптоген” впервые был введен российским фармакологом Н.В. Лазаревым [7-8]. Он определил “адаптогены” как агенты, помогающие организму противодействовать любым неблагоприятным воздействиям физического, химического или биологического стрессора, вызывая неспецифическую резистентность.

Следует отметить, что изыскание биологически активных соединений природного происхождения, способствующих поддержанию устойчивости организма в неблагоприятных условиях внешней среды, является одним из постоянных приоритетов медицины. Необходимость в таких препаратах особенно возросла в связи с нежелательной экологической обстановки, т.к. население, вовлеченное в круговорот жизненных трудностей, нуждаются в эффективной поддержке.

Проблема создания активных адаптогенов, тем не менее, далеко не проста. Хотя накопленный опыт в этой области показывает, что свойством повышать неспецифическую резистентность организма и жизненный тонус обладают многие вещества и продукты многокомпонентного состава, средства выбора для массового потребления до сих пор не созданы и, более того, эффективность таких препаратов, рекламируемых в качестве адаптогенов, является сомнительной.

И.И. Брехман [9-10] впервые сформулировал требования к адаптогенам, которые в настоящее время могут быть значительно расширены даже только в результате констатации различных аспектов их эффективности:

- отсутствие токсичности, влияния на нормальные параметры жизнедеятельности и метаболизма;
- повышение резистентности к широкому спектру инфекционных заболеваний, высокий иммунокорректирующий эффект, антионкогенные свойства;
- стресс-лимитирующие свойства, препятствие стресс-индуцированному иммунодефициту;
- мощные детоксикационные свойства, проявляющиеся как вызывающих наркоз, так и конвульсантов, цитостатиков, гепатотоксических ядов и медикаментов, канцерогенов, мутагенов и др.;
- коррекция метаболизма и его нейроэндокринной регуляции, в частности углеводного, липидного, белкового обменов, синтеза РНК и ДНК и т.д.

Как в народной, так и научной медицине хорошо известно о выраженной биологической активности экстрактов растений семейства аралиевых (женьшень, золотой корень, аралия маньчжурская и др.), являющиеся основой многих фитопрепаратов и лекарственных средств – адаптогенов, нейростимуляторов, иммуномодуляторов, оказывающих разностороннее целебные действия. В мире происходит широкое патентование разработок подобных препаратов и известны многие коммерческие средства на основе этих разработок [11].

Поскольку такие препараты предназначаются в основном для постоянного и массового применения, они должны быть близки по своей сути к пищевым добавкам с целебными свойствами.

Такие натуральные экстракты могут широко использоваться как самостоятельно, так и в качестве пищевой добавки для приготовления безалкогольных напитков, кондитерских изделий, хлебопродуктов и т.д.

“Grail”, исследованная в данной работе, натуральный продукт с целебными свойствами, которая может применяться как по специальным медицинским показаниям, так и без них в качестве общеукрепляющего средства.

Материалы и методы. Исследования проведены на добровольцах (мужчинах и женщинах). Под наблюдением находилось 40 человек в возрасте от 20 до 25 лет. Испытуемые были разделены на две группы по 20 человек. Первая группа принимала “Grail” ежедневно в течение 3 месяцев. Вторая группа (контроль) принимала такое же количество плацебо, которое по внешнему виду и вкусу имитировал “Grail”.

Для исследования были подобраны психологические методики, используемые для изучения влияния фитопрепаратов на высшую нервную деятельность человека.

Исследование умственной работоспособности и устойчивости внимания. Для оценки влияния бальзама на умственную деятельность человека был использован корректурный тест (таблица Иванова-Смоленского), который дает возможность получить результаты, характеризующие качество и количество проделанной работы.

При исследовании использованы специальные типографские бланки таблиц Иванова-Смоленского, включающие многократные повторения комбинации из 3,4 и 5 букв, различающиеся одна от другой порядком последних. Испытуемые выбирали в таблице определенные буквосочетания. Для оценки динамики устойчивости внимания конец каждой минуты работы отмечался на бланке знаком в том месте, где испытуемый в этот момент просматривал таблицу. В конце отмечалось время, затраченное на выполнение всей работы. Подсчет результатов проводился с помощью специального ключа.

При рассмотрении результатов выполнения корректурной пробы учитывалось два показателя-скорость и точность. О качестве проделанной работы судили по количеству прокорректированных знаков и количеству ошибок (пропущенные и неправильно зачеркнутые знаки). Точность выполнения высчитывалась по формуле успешности:

$$B = \frac{A(C - D)}{C + O},$$

Где B -успешность выполнения задания;

C - общее количество всех отмеченных элементов;

D -количество неправильно отмеченных элементов;

O -количество пропущенных элементов;

A -количество всех элементов в задании.

Исследование психического темпа. Методика „Отыскание чисел“ применяется для выявления скорости ориентировочно-поисковых движений взора (психологического темпа) и для исследования объема внимания с помощью таблиц Шульте. При оценке результатов учитывалось по секундомеру время, которое испытуемый тратил на

отыскание чисел. Каждое испытание проводилось по трем таблицам, результат учитывался как среднее время трех определений.

Исследование влияния на память. Для оценки состояния памяти, утомляемости и активности внимания использовалась методика „Заучивание десяти слов“. Для исследования были подобраны 5 наборов из 10 коротких (односложных и двусложных) слов, не имеющих между собой никакой связи. Бланки с наборами слов были размножены типографским способом. Испытуемые называли запомнившиеся слова после первого, второго, третьего, четвертого и пятого повторений экспериментатором 10 слов, а также спустя 50-60 минут. При этом фиксировались правильно названные слова и допущенные ошибки (повторение слов, лишние слова).

Влияние на состояние сердечно-сосудистой системы. У испытуемых измеряли систолическое и диастолическое давление аппаратом Рива-Ричи по способу Короткова в правой плечевой артерии и частоту пульса. Показатели ЭКГ – с помощью электрокардиографа.

Изменение физиологических показателей при выполнении физической нагрузки. Для оценки влияния “Grail” на функциональные показатели сердечно-сосудистой системы использовали тест с 20 приседаниями (проба Мартинэ). Тест позволяет выявить адаптационный эффект биологически активных веществ к физическим нагрузкам. Эффект адаптации оценивался по характеру восстановительных процессов после физической нагрузки.

Суть методики заключается в том, что у испытуемого измеряют частоту пульса и артериальное давление (АД). Затем дают физическую нагрузку (20 приседаний) и измеряют частоту пульса и величину АД в течение 3 минут.

Влияние на умственную работоспособность и функциональные показатели сердечно-сосудистой системы в условиях психологического стресса. Исследование выполнено на 40 добровольцах в возрасте 20-25 лет.

Экспериментально-психологическое исследование включало определение умственной работоспособности по тесту „Корректирующая проба“, уровня тревожности, а также функциональных показателей сердечно-сосудистой системы. „Корректирующий“ тест проводили с помощью специальных бланков Иванова-Смоленского по двум показателям: успешности выполнения задания и скорости его выполнения. Уровень ситуационной тревожности определяли с помощью специальных опросников. Оценка уровня тревожности проводилась по баллам: меньше 30 баллов – низкий уровень, 30-45 баллов – средний уровень тревожности, свыше 45 баллов – высокий уровень. Параллельно у испытуемых определяли артериальное давление и частоту пульса.

Эксперименты проведены во время сдачи исследуемыми курсового экзамена на профессиональную пригодность к избранной специальности.

Неуверенность в успехе создавала ситуацию прагматической неопределенности, увеличивала тревогу. Учитывались индивидуально-личностные качества испытуемых и характер реагирования на конфликтную ситуацию.

При попадании человека в конфликтную ситуацию возможно несколько путей развития эмоционального напряжения. При имеющихся генетических и приобретенных механизмах устойчивости, конфликтная ситуация не приводит к существенному снижению работоспособности и даже, наоборот, через механизмы мотивации может приводить к повышению качества целенаправленной деятельности. Если же эмоциональное напряжение превышает возможности психической адаптации индивидуума, то работоспособность снижается.

Анализ основных показателей мочи и крови у испытуемых. У студентов-добровольцев, принимавших “Grail” в течение трех месяцев проводили общий клинический анализ мочи и крови. Анализ включал изучение количественного и качественного состава форменных элементов крови: определение числа эритроцитов и

содержание в них гемоглобина, определение числа лейкоцитов и соотношение отдельных форм среди них.

Лабораторные исследования мочи включали изучение физических и химических свойств мочи, а также микроскопическое исследование мочевого осадка. Исследование проводили с использованием общепринятых в клинике методик.

Результаты и их обсуждение. Исследование умственной работоспособности и устойчивости внимания. После приема “Grail” количество прокорректированных знаков увеличивается на 24,4% (увеличение статистически достоверно в сравнении с контролем) (табл.1). Время выполнения задания в контрольной и опытной группах отличалось незначительно.

Таким образом, “Grail” улучшает умственную работоспособность и преимущественно влияет на качество умственной работы.

Таблица 1

Влияние “Grail” на умственную работоспособность при выполнении корректурного теста

№	Контрольные показатели		“Grail”	
	Успешность выполнения задания, в %	Скорость выполнения задания, в с	Успешность выполнения задания, в %	Скорость выполнения задания, в с
M±m	77.5± 4,0	291,4±11,1	91,9 ± 1,3 ^x	310,4 ±8,7

^x –отмечены достоверные различия в сравнении с контролем.

Психический темп. Тест выявил достоверное уменьшение времени на отыскание чисел после приема “Grail”(табл.2). Следовательно, “Grail” увеличивает скорость ориентировочно-поисковых движений взора (ускоряет психический темп).

Таблица 2

Влияние “Grail” на скорость ориентировочно-поисковых движения взора (время в сек.)

№	Группы испытуемых	Количество наблюдений	Номера таблиц			Средние данные
			1	2	3	
1	Контрольная	20	47.2±1.9	53.5±1.9	47.0±2.2	49.2±1.6
2	Опытная	20	28.8±2.0*	35.1±2.3*	33.9±1.8	32.9±1.3*

* - отмечены достоверные различия в сравнении с контролем.

Влияние на память. Анализ полученных результатов показал, что “Grail” улучшает кратковременную память (достоверные различия в сравнении с контролем), но не оказывает существенного влияния на долговременную память. После приема “Grail” не было допущено ошибок при заучивании слов (в контрольных опытах было сделано 62 ошибки) (табл.3).

Влияние на состояние сердечно-сосудистой системы. Результаты исследования не выявили изменений частоты пульса, артериального давления, показателей ЭКГ у испытуемых, принимавших “Grail” в сравнении с аналогичными показателями у испытуемых контрольной группы (табл.4).

Влияние на физическую нагрузку. Анализ полученных результатов (табл.5 и 6) свидетельствует о том, что у испытуемых, принимавших “Grail”отмечено по сравнению с контролем улучшение функциональных показателей (пульс, артериальное давление) в восстановительный период после физической нагрузки.

Таблица 3

Влияние “Grail” на состояние, утомляемость и активность внимания (среднее из 20 наблюдений по количеству заученных слов в %)

Число повторений	Показатели в контроле		Показатели после приема “Grail”	
	Количество Заученных слов	Количество ошибок	Количество заученных слов	Количество ошибок
1	44.0±1.8	10	66.0±3.0	-
2	34.0±2.4	4	85.0±2.4*	-
3	54.0±1.8	12	93.01±1.2*	-
4	52.0±1.8	14	92.01±1.8*	-
5	64.0±1.2	14	96.0±0.6	-
Спустя час	85.0±1.9	8	87.0±4.2	-

* - отмечены достоверные различия в сравнении с контролем.

Таблица 4

Влияние “Grail” на состояние сердечно-сосудистой системы (средние данные по результатам 20 наблюдений)

№	Исследуемые показатели	Контрольная группа	Опытная
1	Частота пульса (в мин.)	67.8±1.4	67.8±1.1
2	Артериальное давление (мм.рт.ст.)		
	а) систолическое	108.5±1.8	105.5±1.5
	б) диастолическое	69.5±0.3	70.5±0.9
3	Показатели ЭКГ (продолжительность зубцов, с)		
	а)Р	0.08	0.08
	б)PQ	0.148±0.004	0.151±0.004
	в) OPST	0.380±0.014	0.375±0.007
	г)R-R	0.81 ±0.02	0.80±0.03

Таблица 5

Изменение физиологических показателей, частоты сердечных сокращений и АД при физической нагрузке (средние данные 20 испытаний)

Показатели	Исходные показатели	Показатели частоты пульса и АД в восстановительный период после физической нагрузки		
		1 мин.	2 мин.	3 мин.
Контрольная группа:				
Частота пульса (мин.)	67.8±1.4	106.4±2.5	88.2±2.5*	73.81±1.4*
АД систолическое (мм.рт.ст.)	108.5±1.8	129.0±2.4*	120.5±1.5*	111.5±1.8
АД диастолическое мм.рт.ст.)	69.5±0.3	75.11±1.8*	67.0±1.5	66.0±1.2
Группа принимавшая “Grail”				
Частота пульса (мин.)	67.8±1.1	101.4±1.4*	81.0±3.2*	71.2±1.4
АД систолическое (мм.рт.ст.)	105.5±1.5	118.0±1.8**	112.5±1.2**	107.5±1.5
АД диастолическое (мм.рт.ст.)	70.5±0.9	69.0±1.2**	67.0±1.2	68.5±1.2

*- отмечены достоверные различия в сравнении с исходными показателями.

** - отмечены достоверные различия с контрольной группой;

Таблица 6

Изменение физиологических показателей (в %) в восстановительный период после физической нагрузки

Показатели	Исход-ные показате-ли в%	Изменение показателей в %					
		1 мин.		2 мин.		3 мин.	
		Конт-роль	опыт	Конт-роль	опыт	Конт-роль	опыт
Частота пульса	100	+56.9	+49.5	+30.0	+19.5	+8.8	+5.0
АД систолическое	100	+18.9	+11.8	+11.1	+6.6	+2.8	+1.9
АД диастолическое	100	+8.1	-2.1	-3.6	-4.9	-5.0	-2.8

Судя по частоте пульса и артериальному давлению в первую минуту, прием “Grail” способствовал улучшению ответного кровообращения на физическую нагрузку.

Влияние на умственную работоспособность и функциональные показатели сердечно-сосудистой системы в условиях психологического стресса. Полученные в результате проведенного эксперимента показатели подразделяются на „субъективные“, характеризующие самооценку состояния и уровень реактивной тревожности, и „объективные“ – критерии работоспособности, состояние аппарата внимания, а также функциональные данные уровня АД и частоты сердечных сокращений. Самооценка состояния и уровня реактивной (ситуационной) тревожности показала высокий уровень от 47 и более баллов. Но в среднем уровень ситуационной тревожности был статистически значительно ниже в группе испытуемых (табл.7).

Таблица 7

Показатели умственной работоспособности, ситуационной тревожности, артериального давления и частоты пульса в контроле и с применением “Grail”

№ пп	Корректурный тест		Уровень тревожно-сти (балл.)	АД		Частота пульса
	Успешность выпол-нения задания, в %	Скорость выполнения задания, в с		Систоли-ческое	Диасто-лическое	
Контр.	82,3±2.,0	237,7±14.4	59,4±1,6	126,5±1,8	81,3±1,8	108,6±3,2
“Grail”	95,6±1,1*	250,8±6,3	53,2 ± 0,9*	111.5±1.8*	74.5±1,5	98.6±2,5*

* - обозначены достоверные различия в сравнении с контролем.

Основные критерий умственной работоспособности (успешность выполнения задания) значительно выше после приема “Grail”, чем в контроле. Следовательно, “Grail” стимулирует мотивационные механизмы, что приводит к повышению объективных критерьев работоспособности. Функциональные показатели артериального давления и частоты сердечных сокращений достоверно ниже аналогичных показателей у испытуемых, принимавших плацебо. Биологически активные вещества, содержащиеся в “Grail”, стимулируют развитие основных адаптационных процессов.

Изменение метаболических процессов способствует более оптимальному функционированию эндогенной антистрессовой системы.

Таким образом, “Grail” обладает стрессопротекторной активностью, что ха-

рактируется повышением качества умственной деятельности и нормализацией вегетативных реакций. Особое значение последнее может иметь у людей, не устойчивых к стресс-воздействию, с риском возникновения сердечно-сосудистых заболеваний.

Показатели мочи и крови у испытуемых. Анализ полученных результатов клинического исследования не выявил изменений клеточного состава крови и физико-химических свойств мочи. Небольшие колебания некоторых показателей находятся в пределах физиологической нормы (табл.8).

Таблица 8

Основные показатели мочи и крови у студентов-добровольцев, принимавших “Grail” (средние данные 20 наблюдений)

№ пп	Исследуемые показатели	Исходные показатели	Исследуемые показатели после приема
1.	Анализ крови:		
1.1	СОЭ, мм/час	5,4 ±0,7	6,9 ± 0,3
1.3	Гемоглобин, г%	125,9 ±1,7	127,6 ±1,8
1.3	Эритроциты, млн/мкл	8,2	9,3
1.4	Лейкоциты, тыс./мкл.	7,4 ±0,3	7,3 ± 0,4
2.	Состав лейкоцитарной формулы крови, в %		
2.1	Эозинофилы	2,7 ±0,4	2,8±0,2
2.2	Нейтрофилы	2,0 ±0,1	2,5 ± 0,4
а)	палочкоядерные	54,1 ±1,9	53.5 ±1,9
б)	сегментоядерные	35,9 ± 2,5	38,2 ±1,4
2.3	Лимфоциты	5,9 ±0,5	4,3 ± 0,4
3.	Анализ мочи:		
3.1	Удельный вес	1017,2 ±1,3	1016,5±1,2
3.2	Белок	нет	нет
3.3	Сахар	нет	нет
3.4	Эпителий мочеполовых путей	единичное или незначительное	незначительное количество

Выводы. Проведенные клинические исследования “Grail” выявили, что:

■ “Grail”предупреждает или полностью устраняет патологические проявления, обусловленные стрессовым воздействием.

■ В условиях психической дезадаптации “Grail” повышает умственную работоспособность и адаптивные возможности организма.

■“Grail” оказывает благоприятное действие на высшую деятельность человека: увеличивает умственную работоспособность, улучшает память, повышает реакцию и активность организма.

Таким образом, “Grail” в дозах 0.5-1 мл/кг, рассчитанных на человека, - умеренно действующее нейротонизирующее средство, способное поддерживать активную умственную и физическую работоспособность и не обладающее возбуждающими и истощающими эффектами на нервную систему.

Список литературы

1. Патент Грузии Р 6516 В. Композиция ингредиентов для биоактивной добавки “Grail”/Мелкадзе Р.Г.2016. Бюл.14, С.9
2. Melkadze R.G. Antioxidant Potencial and Polyphenolic Complex of “Georgian Elixir”. Novation, Kutaisi, Georgia, 2008, #3, p.p.10-13.
3. Melkadze R.G. Balm “Grail”- a potential antinarcotic and anti-alcoholic remedy. Health, (USA), Vol.2, # 10, 2010, p.p. 1226-1231.

4.Melkadze R.G., Kintsurashvili K.M.Radioprotective properties of bioactive additive "Grail". "East-West. Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Austria, Vienna, 2014, p.p.228-236.

5.Melkadze R.G. Adaptive properties of bioactive additive "Grail". International Journal of Advanced Multidisciplinary Research, 2(3):2015. p.p. 53-59.

6.Melkadze R.G. Bioactive additive "Grail"- effective adaptogen. "The Modern Scientific Herald" Volume 3, Number 2, 2016. p.p. 42-57.

7. Лазарев Н.В. Актуальные вопросы по изучению действия адаптогенов, в том числе элеутерококка колючего. В кн: Симпозиум по элеутерококку и женьшеню. Владивосток, 1962, С.7-10.

8. Лазарев Н.В., Любляна Е.И., Розин М.А. Состояние неспецифически повышенной сопротивляемости. "Патологическая физиология и экспериментальная терапия".1959, №4, С.16-21.

9.Брехман И.И. Основные пути и задачи в изучении лекарственных растений Дальнего Востока. В кн: "Материалы к изучению женьшеня и других лекарственных растений ДВ", вып.5, Владивосток, 1963, С.5-11.

10.Брехман И.И. О развитии и задачах теоретической фармакологии. В кн: "Адаптация и адаптогены", Владивосток, 1977, С.135-141.

11.<https://medaboutme.ru>

Информация об авторе:

Мелкадзе Реваз Георгиевич,
Доктор технических наук, профессор,
Грузинский технический университет, г. Тбилиси,
Грузия

Information about author:

Melkadze Revaz Georgievich,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia

УДК 616.833

И.Т. Ыдырысов, К.Б. Ырысов

РЕЗУЛЬТАТЫ НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ПРИ СОЧЕТАННОЙ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЙ ТРАВМЕ

*Кыргызская государственная медицинская академия
им. И.К. Ахунбаева*

Аннотация: Проведен ретроспективный анализ данных хирургического лечения у 251 пострадавшего с тяжелой СЧМТ. Внутричерепные гематомы обнаружены у 67 (26,7%) пострадавших. Эпидуральные гематомы у 18 (26,9%) пациентов были удалены путем выполнения фрезеотомии в 11 случаях, а в 7 случаях была выполнена РТЧ. Субдуральные гематомы у 46 (68,7%) пострадавших были удалены посредством РТЧ в 44 случаях, а фрезеотомия и КРТЧ были использованы в 1 случае соответственно. Внутримозговые гематомы у 3 (4,5%) пациентов были удалены путем выполнения РТЧ в 2 случаях и фрезеотомии – в одном случае. При 8 (11,9%) двухсторонних гематомах РТЧ применена в 6 случаях, а в 2 случаях – фрезеотомия ($p < 0,05$).

Ключевые слова: тяжелая сочетанная черепно-мозговая травма, внутричерепная гематома, трепанация черепа, результаты хирургического лечения.

UDC 616.833

I.T. Ydyrysov, K.B. Yrysov

RESULTS OF NEUROSURGICAL MANAGEMENT IN COMBINED SKULL BRAIN INJURY

Kyrgyz State Medical Academy named after I.K. Akhunbaev

Abstract: Retrospective analysis of surgical management in 251 patients with severe combined skull brain injuries performed. Intracranial hematomas revealed in 67 (26.7%) victims. Epidural hematomas in 18 (26.9%) patients removed using burr holesurgery in 11cases, and resection craniotomy in7cases. Subdural hematomas in 46 (68.7%) patients removed by resection craniotomy in 44 cases, burr hole surgery and osteoplastic craniotomy performed in 1case respectively. Intracerebral hematomas in 3 (4.5%) removed using resection craniotomyin 2cases, and burr hole surgery - in 1 case. In8 (11.9%) cases of bilateral hematomas resection craniotomy used in 6cases, and in 2 cases – burr hole surgery ($p < 0.05$).

Key words: severe combined skull brain injury, intracranial hematoma,

craniotomy, results of surgery.

Актуальность. Сочетанная черепно-мозговая травма (СЧМТ) является наиболее частой разновидностью среди всех сочетанных травм. Подобные травмы составляют от 43 до 68% случаев, причем преобладающими при сочетанной травме являются черепно-мозговые повреждения. Сочетанные повреждения не являются простой комбинацией травматических повреждений различных органов. Это - особая категория повреждений, при которой патологический процесс имеет свои особенности и законы [1-5].

К сочетанной травме относят повреждения механической силой двух или нескольких органов различных полостей или одновременное повреждение внутреннего органа (или органов) и опорно-двигательного аппарата (изолированное или множественное) [6-10]. Особенностью сочетанной травмы является наличие у больного двух или более повреждений, при которых требуется помощь разных специалистов (нейрохирург, травматолог, абдоминальный хирург, окулист, челюстно-лицевой хирург и т.д.). Пристального внимания заслуживает СЧМТ, встречающаяся у 43% больных со всеми видами травм. Летальность среди таких пострадавших составляет от 28,6 до 30,7% [11-15].

Во всем мире продолжают исследования, направленные на совершенствование диагностики и лечения сочетанной ЧМТ, целью которых является поиск более совершенных форм организации медицинской помощи, повышения ее качества и эффективного использования имеющихся ресурсов [16-20].

Общая характеристика больных и методы исследования. Работа основана на детальном анализе комплексного обследования и результатов лечения 251 больного с тяжелой травмой черепа и головного мозга, сочетанной с внечерепными повреждениями различной локализации в остром периоде. Больные находились на стационарном лечении в Ошской межобластной клинической больнице, Ошской городской клинической больнице, Ноокатской территориальной больнице, Жалал-Абадской областной объединенной больнице и Кызыл-Кийской территориальной больнице в 2013-2016 гг. Наиболее часто СЧМТ отмечалась у лиц 21-40 летнего возраста (83 – 33,1%) и чаще у мужчин (62 из 83 наблюдений). Значительно реже, СЧМТ отмечены в возрасте до 20 лет (38 больных) и старше 61 года (59 наблюдения). В нашем исследовании было 201 (80,1%) мужчин и 50 (19,9%) женщин ($p < 0,05$). Средний возраст больных колебался от 13 до 86 лет и составил $45,2 \pm 7,6$ лет.

Согласно классификации черепно-мозговой травмы у пострадавших с СЧМТ имелись следующие формы черепно-мозговых повреждений и по тяжести травмы больные распределились следующим образом: Сотрясение головного мозга – 13 (5,2%); Ушибы головного мозга различной степени тяжести - 241 (96,0%); Сдавление головного мозга внутричерепными гематомами - 67 (26,7%); Импрессионные переломы черепа – 25 (10,0%). Внутричерепные травматические гематомы выявлены у 67 (26,7%) из 251 больного. Эпидуральные гематомы имелись у 18 больных, субдуральные гематомы - у 46 и внутримозговые гематомы - у 3 пострадавших. Переломы костей черепа, свидетельствующие о тяжести черепно-мозговой травмы, наблюдались у 65 (25,9%) пострадавших. Наиболее часто встречались переломы свода и основания черепа 36 (55,4%) и свода черепа 29 (44,6%).

У больных с СЧМТ чаще отмечались открытые повреждения черепа и головного мозга (у 132 - 52,6%), реже - закрытые травмы черепа и головного мозга (у 119 - 47,4%). Черепно-мозговая травма у всех больных была представлена травмой головного мозга различной степени тяжести без сдавления мозга и со сдавлением его. Больные с травмами позвоночника, переломами конечностей и открытыми проникающими ранениями головного мозга в разработку нами намеренно не включались.

При СЧМТ с множественными внечерепными повреждениями имелись 202 травматических поражения различных анатомических областей тела со следующей структурой и в зависимости от локализации внечерепных повреждений пострадавшие распределялись следующим образом: с повреждением лицевого скелета - 25 (10,0%); с повреждением грудной клетки и ее органов - 43 (17,1%); с повреждением органов брюшной полости и забрюшинного пространства - 34 (1,6%); с множественными внечерепными повреждениями - 137 (54,6%).

Общее состояние всех пострадавших при поступлении расценивалось как тяжелое или крайне тяжелое и поэтому пострадавшие поступали в реанимационный зал. При поступлении больной осматривался сразу же консилиумом врачей-специалистов: реаниматологом, хирургом и травматологом. По мере необходимости привлекались нейрохирург, челюстно-лицевой хирург, отоларинголог, офтальмолог и др.

Обследование больных было комплексным и включало, возможно, более полный сбор анамнестических сведений, которые, как правило, можно было получить у работников скорой помощи или у лиц, доставивших пострадавшего. Следует отметить, что обследование пострадавших часто проводилось параллельно с неотложными реанимационными мероприятиями (инфузионная противошоковая терапия, интубация трахеи, туалет трахеобронхиального дерева, борьба с внутренним и наружным кровотечением и т.д.).

Для определения нейрохирургической тактики и выявления травматических поражений головного мозга при СЧМТ магнитно-резонансная томография (МРТ) являлась незаменимым методом диагностики, который обеспечивал идентификацию макроструктурного, функционального, метаболического состояния мозга, топографию самого очага, отечности вокруг него и, самое главное, они позволяют определить взаимоотношения патологического очага к мозговым структурам, к сосудистой и желудочковой системам, отношения очага к субарахноидальным пространствам и к срединным образованиям головного мозга, что является исключительно важным для решения техники нейрохирургических операций.

Результаты. Для удаления внутричерепных гематом травматического происхождения при СЧМТ, нами применялись уже известные в практике три нейрохирургических доступа: костно-пластическая трепанация черепа (КПТЧ), резекционная трепанация черепа (РТЧ) и удаление гематом через расширенные фрезевые отверстия. Вместе с тем, в нашу задачу входило выяснение влияния клинического статуса, локализации травмы, морфологии переломов черепа, объема гематом на частоту применения того или иного доступа, вскрытие особенностей и закономерностей течения процесса после нейрохирургического вмешательства и его эффективности, в зависимости от примененной стратегии лечения.

Эпидуральные гематомы у 18 (26,9%) пациентов были удалены путем выполнения фрезеотомии в 11 случаях, а в 7 случаях была выполнена РТЧ. Субдуральные гематомы у 46 (68,7%) пострадавших были удалены посредством РТЧ в 44 случаях, а фрезеотомия и КПТЧ были использованы в 1 случае соответственно. Внутримозговые гематомы у 3 (4,5%) пациентов были удалены путем выполнения РТЧ в 2 случаях и фрезеотомии – в одном случае. При 8 (11,9%) двухсторонних гематомах РТЧ применена в 6 случаях, а в 2 случаях – фрезеотомия ($p < 0,05$).

У 67 больных нами выполнено 72 операции. В наших наблюдениях преобладал метод РТЧ (53 операций – 93,1%), что связано с поступлением больных в стационар в остром периоде СЧМТ в тяжелом и крайне тяжелом состояниях. Рассмотрение вопроса в возрастном плане позволяет вскрыть определенные закономерности. Наиболее часто РТЧ была произведена у людей молодого и среднего возраста (в среднем у 3 из каждых 4 случаев). У лиц старше 60 лет РТЧ производилась реже, у каждого второго больного.

В 53 случаях (93,1%) была произведена РТЧ. Этот метод использовался при тяжелом состоянии больных, наличии грубо выраженной общемозговой и стволовой неврологической симптоматики, при наличии оскольчато-вдавленных переломов костей черепа, при картине нарастающего отека-набухания и дислокации головного мозга, т.е. у больных, которым необходимо было обеспечить декомпрессию мозга. В 6 (11,3%) случаях с явлениями начинающегося вклинения проводилась двухсторонняя подвисочная декомпрессия. Широкая декомпрессионная трепанация черепа у больных с тяжелыми ушибами головного мозга, часто сопровождающих травматические внутричерепные гематомы, в ряде случаев, позволила сохранить не только жизнь, но и психическую полноценность пострадавших. Метод РТЧ был применен у 43 больных молодого и среднего возраста. Мы еще раз убедились в том, что метод резекционной трепанации черепа является технически относительно простым, позволяет провести достаточно-широкую ревизию эпи- и субдуральных пространств, хотя в этом плане и уступает методу КПТЧ.

Что касается других методов операции, то КПТЧ у лиц молодого возраста производилась чаще, чем у пожилых, а метод расширенных фрезевых отверстий, наоборот, у пожилых - чаще, чем у молодых пациентов. Как правило, КПТЧ производили у больных, не имеющих грубых нарушений функций ствола мозга, а также в большинстве тех случаев, где локализация внутричерепных гематом была установлена с помощью МРТ исследования.

Следует отметить, что применение КПТЧ весьма эффективно для травматических внутричерепных гематом при СЧМТ, так как гематомы, уже в первые часы после травмы содержат плотные сгустки крови, при удалении которых часто возобновляется кровотечение. Как и следовало ожидать, при КПТЧ полное удаление гематом и восстановление анатомических взаимоотношений тканей способствовало более быстрому и более полному восстановлению нарушенных функций мозга. В нашей работе мы применяли КПТЧ и как первый и как окончательный этап оперативного вмешательства, а также как последующий этап, которому предшествовало частичное удаление гематом через расширенное фрезевое отверстие.

Таким образом, наши наблюдения еще раз подтвердили известное положение о том, что применение метода КПТЧ с широким обнажением полушарий большого мозга создает наиболее благоприятные условия для полного удаления травматических гематом, позволяет произвести тщательный гемостаз даже при множественных источниках кровотечения, удалять мозговой детрит из очагов ушиба головного мозга. Вместе с тем мы пришли к заключению о том, что проведение КПТЧ осуществлялись тем чаще, чем моложе пострадавшие с травматическими внутричерепными гематомами. Применение КПТЧ с послойным зашиванием раны, создает анатомо-физиологические предпосылки для раннего и полного восстановления нарушенных функций, избавляет больных от синдрома «трепанованного черепа». В связи с этим, у больных, находящихся в состоянии средней тяжести или в удовлетворительном состоянии, а также в подостром периоде, этот метод является абсолютно показанным.

Удаление травматических внутричерепных гематом при СЧМТ через расширенное фрезевое отверстие было применено в 18 случаях (25,0%) из 72 операций, при чем у 5 (27,8%) больных это было самостоятельно как метод, а у остальных как первый этап лечения, в последующем им произведена РТЧ или КПТЧ. После наложения фрезевых отверстий, расширенных до 5 см в диаметре, внутричерепные гематомы удалялись путем отсасывания субдурального пространства после рассечения ТМО. При этом с помощью шпателя и отсоса производилось вымывание физиологическим раствором сгустков крови и аспирация жидкой части гематомы. Удаление травматических внутричерепных гематом через расширенные фрезевые отверстия применялось в основном у больных, находящихся в крайне тяжелом состоянии, у

которых имелись нарушения витальных функций, когда не было возможности провести операцию в более значительном объеме. При этом накладывали 2 фрезевых отверстия.

В большинстве случаев этот метод был первым этапом проведения более радикальной операции. Метод расширенной фрезеотомии нами применялся в основном для удаления эпи- и субдуральных гематом. Мы убедились в том, что он имеет ряд существенных недостатков: невозможность удаления больших по объему и протяженности травматических внутричерепных гематом базальной локализации, трудность удаления очагов ушиба-размозжения мозга, трудность в обнаружении источника кровотечения, недостаточность обеспечения декомпрессии при нарастающем в ходе операции и после нее отека-набухания головного мозга. Положительной стороной этого метода является его большая диагностическая ценность, быстрота технического исполнения и то, что он является наиболее щадящим для больного.

Анализ наших собственных данных позволяет констатировать, что применение метода расширенных фрезевых отверстий тем более оправдано, чем старше пострадавший с травматическими внутричерепными гематомами, поскольку нейрохирургическое вмешательство в этих случаях должно быть проведено менее травматично.

Представляется целесообразным более детально остановиться на особенностях тактики оперативных вмешательств у больных с травматическими внутричерепными гематомами при СЧМТ. Показанием к вскрытию ТМО являлось напряжение и вздутие оболочки, синюшность ее, отсутствие пульсации. Оболочка вскрывалась дугообразно или крестообразно в бессосудистом участке. У лиц пожилого и старческого возраста наиболее рациональным представлялось поэтапное вскрытие ТМО, т.к. в связи с атрофией мозга, травматические внутричерепные гематомы достигали больших размеров и на первый план выступали дислокационные симптомы. Поэтапное вскрытие ТМО и удаление содержимого гематомы предупреждало дислокацию мозга. Такой метод вскрытия ТМО обоснован у лиц молодого возраста, имеющих склонность к отеку-набуханию мозга. Мы установили, что у взрослых жидкая гематома встречается реже, в отличие от молодых. Спустя несколько часов после травмы субдуральная травматическая гематома еще не инкапсулируется. Она состоит из сгустков крови, которые не всегда удается вымыть или отсосать. В этом случае шпателем осторожно производили удаление сгустков. После удаления гематом у лиц пожилого и старческого возраста чаще, чем у больных других возрастных групп, отмечается релапс мозга с резким ослаблением пульсации мозговых сосудов. Расправлению мозга способствует внутривенное введение физиологического раствора, плазмы в сочетании с сосудорасширяющими препаратами. Почти у всех больных молодого и среднего возраста были обнаружены очаги ушиба и размозжения мозга. В этой возрастной группе производились обширные радикальные оперативные вмешательства, в ходе которых производилось по возможности максимально удаление нежизнеспособных тканей. У больных старших возрастных групп были обнаружены множественные ушибы головного мозга, однако, учитывая состояние пострадавших, проводилась малотравматичная щадящая операция в виде декомпрессионной трепанации и удаления гематомы. После удаления гематом и очагов ушиба-размозжения мозга в послеоперационном периоде применяли приточно-отточные системы, которые способствовали удалению продуктов распада мозговой ткани и крови из области повреждения мозга, а также созданию местной гипотермии. Для предупреждения образования ликвореи и рубцово-спаечного процесса в 7 (9,7%) случаях производилась пластика ТМО гомотрансплантатом.

Если в дооперационном периоде СЧМТ было установлено наличие двухсторонних травматических внутричерепных гематом или высказаны предположения об их наличии, то во время операции производилось одновременное

рассечение ТМО и вскрытие субарахноидального пространства с двух сторон. Если же после удаления субдуральной травматической гематомы с одной стороны и вскрытия ТМО не была обнаружена подбололочечная гематома, однако, имелись признаки внутричерепного давления в виде пролабирования мозгового вещества в операционную рану, признаки гиперемии мозга, отсутствия пульсации или наличия флюктуации, то обязательно производилась пункция мозга в трех направлениях, после чего накладывались фрезевые отверстия на противоположной стороне. Таким образом, были выявлены субдуральные травматические гематомы у 9 (19,6%) больных. В имеющихся у нас шести наблюдениях двухсторонних травматических гематом, клинические симптомы двух гематом как бы нивелировали неврологическую симптоматику меньшей по объему гематомы на противоположной стороне.

Следует указать, что если все двухсторонние травматические гематомы были удалены во время операции, то в 5 наблюдениях двухсторонних субдуральных травматических гематом, одна из гематом не была диагностирована и не удалена, что явилось в дальнейшем причиной для вторичного оперативного вмешательства. Оперативное вмешательство на одной стороне при нераспознанной второй гематоме на противоположной стороне, представляет собой реальную опасность из-за острых дислокаций и вклинений. Необходимо отметить, что у лиц пожилого и старческого возраста ЧМТ нередко сопровождается нарушениями мозгового кровообращения, ведет к обострению уже имеющихся соматических заболеваний. Например, у лиц, страдающих гипертонической болезнью, ЧМТ провоцировала возникновение гипертонического криза. Эти особенности требуют и соответствующей стратегии ведения и лечения данной группы больных.

Таким образом, особенности нейрохирургической тактики удаления травматических внутричерепных гематомах при СЧМТ определяются характером возрастных реакций мозга на черепно-мозговую и операционную травму. Чем моложе пострадавшие, тем чаще отмечаются явления посттравматической церебральной сосудистой патологии. В связи с этим у лиц молодого возраста необходимо радикальное нейрохирургическое вмешательство, направленное на удаление отека-набухания мозга. Это обеспечивается проведением широкой одноэтапной лоскутной трепанации с максимально полным удалением субдуральных гематом и удалением из очагов ушиба-размозжения мозга всех нежизнеспособных тканей. При двухсторонних травматических внутричерепных гематомах их удаление должно производиться одновременно с двух сторон. При пролабирании мозга все силы должны быть направлены на борьбу с отеком-набуханием головного мозга. У лиц старших возрастных групп при удалении гематом следует стремиться к минимальности вмешательства, но которое обеспечивает достаточную его радикальность. В связи с этим, чаще производилась РТЧ, иногда в два этапа (вначале удаление через расширенные фрезевые отверстия жидкой части гематомы и частично сгустков, а затем, во время второго вмешательства полное удаление сгустков). Иногда операция ограничивалась только первым этапом.

При пролабирании мозга через трепанационное окно необходимо производить пункцию мозга в поисках внутримозговой гематомы. Учитывая высокую частоту возникновения внутримозговых гематом с увеличением возраста, имеет смысл, даже при отсутствии выпячиваний мозга у лиц пожилого и старческого возраста пунктировать мозг. Надо иметь в виду, что нередко после удаления травматических внутричерепных гематом у лиц старших возрастных групп отмечается релапс мозга с резким ослаблением пульсаций мозговых сосудов.

Список литературы

1. Апарцин К.А., Новожилов А.В., Григорьев Е.Г. Проблема сочетанной механической травмы в промышленном центре восточной Сибири // В книге: Европа -

Россия - Азиатско-Тихоокеанский регион: пути интеграции и сотрудничества
Материалы 4-го Байкальского международно-экономического форума. 2006. С. 8-13.

2. Ахмадеева Л.Р., Ахмадеева Э.Н., Вейцман Б.А., Раянова Г.Ш., Липатова Е.Е., Мунасыпова Р.Р., Валеева Д.С. Боль как междисциплинарная проблема от периода новорожденности до пожилого возраста // Практическая медицина. 2013. № 1 (66). С. 70-74.

3. Аллахвердиев А.С., Солдатов Ю.П. Монолатеральное спице-стержневое устройство для остеосинтеза переломов проксимального отдела бедренной кости и их последствий // Гений ортопедии. 2013. № 3. С. 77-79.

4. Виссарионов С.В., Павлов И.В., Гусев М.Г., Леин Г.А. Комплексное лечение пациента с множественными переломами позвонков в грудном отделе позвоночника // Травматология и ортопедия России. 2012. № 2 (64). С. 91-95.

5. Голубев В.Г., Юлов В.В., Лапынин П.В., Секирин А.Б., Шишкин В.Б., Крупаткин А.И. Реабилитация пациентов с оскольчатыми внутрисуставными переломами длинных трубчатых костей // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2010. № 3. С. 41-44.

6. Денисов И.Н., Куницына Н.М., Прощаев К.И., Фесенко В.В., Варавина Л.Ю., Фесенко Э.В., Люцко В.В. Особенности медико-социальной эффективности медицинской помощи пожилым людям в государственных и частных учреждениях здравоохранения // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 79.

7. Костырева М.В., Шабалина А.А., Лютова Л.В., Горностаева Г.В., Максимова М.Ю., Варакин Ю.Я., Ионова В.Г. Сравнительное изучение состояния систем гемостаза, фибринолиза и липидного спектра у больных острыми нарушениями мозгового кровообращения и дисциркуляторной энцефалопатией // Тромбоз, гемостаз и реология. 2010. № 2. С. 61-68.

8. Кочиш А.Ю., Майоров Б.А., Беленький И.Г. Оригинальный способ малоинвазивного накостного остеосинтеза спирально изогнутыми пластинами при переломах диафиза плечевой кости // Травматология и ортопедия России. 2016. № 3 (81). С. 99-109.

9. Кочурова Е.В., Козлов С.В., Николенко В.Н., Гуйтер О.С. Влияние вида конструкции стоматологического протеза на уровень биомаркеров ротовой жидкости у пациентов с приобретенными дефектами челюстно-лицевой области // Российский стоматологический журнал. 2013. № 5. С. 32-34.

10. Кузнецов В.А., Шаталов Г.В., Трапикова А.Г., Провоторова С.И., Кущев П.О., Хвостовой В.В., Фролова О.Г., Звягин И.Н. Исследование скорости высвобождения 5-фторурацила из его комплекса с противоспаечным "Линтекс-Мезогелем" // Конденсированные среды и межфазные границы. 2015. Т. 17. № 4. С. 437-443.

11. Кхир-Бек М., Гончаров Н.Г., Голубев В.Г., Юлов В.В., Секирин А.Б. Электронейромиография в диагностике повреждений лучевого нерва // Хирургия. Журнал им. Н.И. Пирогова. 2011. № 10. С. 66-73.

12. Московский С.Н., Коршунов А.С., Шестель И.Л., Конев В.П., Хамов М.А., Марковский С.О. Использование атомно-силовой микроскопии в изучении плотных тканей орофациальной области // Казанский медицинский журнал. 2012. Т. 93. № 6. С. 887-891.

13. Николенко А.В., Касатов А.В. Коррекция нутритивного статуса у больных после больших резекций грудной стенки с оментопластикой // Пермский медицинский журнал. 2007. Т. 24. № 1-2. С. 35-39.

14. Плеханов Л.А., Балдина Н.С., Дулькин Л.А., Василенко Ф.И. Способ ультразвуковой диагностики позвоночно-спинальных натальных шейных травм // патент на изобретение RUS 2135086

15. Солдатов Ю.П., Макушин В.Д., Чепелева М.В. Профилактика послеоперационной оссификации тканей локтевого сустава // Гений ортопедии. 2005. № 3. С. 11-14.

16. Тихилов Р.М., Воронцова Т.Н., Беленький И.Г. Вопросы стандартизации специализированной медицинской помощи пострадавшим с переломами костей голени в условиях городского многопрофильного стационара // Травматология и ортопедия России. 2013. № 2 (68). С. 5-12.

17. Утюж А.С., Юмашев А.В., Лушков Р.М. Клинический пример ортопедического лечения пациента после резекции нижней челюсти по поводу саркомы с использованием дентальных имплантатов // Клиническая стоматология. 2016. № 4 (80). С. 56-58.

18. Фролова О.Г., Гладченко М.П., Артющкова Е.Б., Хвостовой В.В., Колесникова А.М., Артющкова Е.В., Чернятина М.А. Проблема кардиотоксичности цисплатина и возможности преодоления с использованием иммобилизованной формы цисплатина и цитопротектора // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 118.

19. Bojko A.V., Chernichenko A.V., Chissov V.I., Kvasov V.A., Kiseleva E.S., Dar'yalova S.L., Demidova L.V., Rakhmanin Yu.A., Osipova N.A., Donskova Yu.S., Rusakov I.G., Novikova E.G., Mamontov A.S., Vashakhmadze L.A., Reshetov I.V. Intraoperative radiation therapy: technique support, potentialities, prospects // Вестник рентгенологии и радиологии. 1996. № 2.

20. Yumashev A.V., Utyuzh A.S., Volchkova I.R., Mikhailova M.V., Kristal E.A. The influence of mesodiencephalic modulation on the course of postoperative period and osseointegration quality in case of intraosseus dental implantation // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 42. С. 104307.

Информация об авторах:

Ыдырысов Исмагилла Токтосунович,
Кандидат медицинских наук, доцент,
Ошский государственный университет, г. Ош,
Кыргызская Республика

Ырысов Кенешбек Бакирбаевич,
Доктор медицинских наук, профессор,
Кыргызская государственная медицинская
академия им. И.К. Ахунбаева, г. Бишкек,
Кыргызская Республика

Information about authors:

Ydyrisov Ismatilla Toktosunovich,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Osh State University, Osh, Kyrgyz Republic

Yrysov Keneshbek Bakirbaevich,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Kyrgyz State Medical Academy, Bishkek,
Kyrgyz Republic

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 343.37

Л.В. Голоскоков

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МИНИМИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. Показывается, что современное право пока не создаёт достаточных условий для обеспечения эффективного и быстрого развития цифровой экономики. Автор предлагает новые подходы и некоторые принципы, которые могут ускорить развитие цифровой экономики и минимизировать количество экономических преступлений.

Ключевые слова: государство, право, цифровая экономика и право, сетевые технологии, налоги, экономические преступления.

UDC 343.37

L.V. Goloskokov

PREREQUISITES OF CONSTRUCTION OF THE DIGITAL ECONOMY AND MINIMIZATION OF ECONOMIC CRIMES

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. It is shown that modern law does not yet create sufficient conditions for the effective and rapid development of the digital economy. The author suggests new approaches and some principles that can accelerate the development of the digital economy and minimize the number of economic crimes.

Key words: state, law, digital economy and law, network technologies, taxes, economic crimes.

Развитие российского права всё время происходило в рамках устоявшейся парадигмы, которая имеет много характеристик и граней, из которых мы выделим для анализа несколько важнейших: большая длительность принятия законов, рост объёма правовых предписаний при снижении их качества и эффективности; накопление ошибок и противоречий; замедленная реакция на происходящие изменения в общественных процессах; неспособность к упреждению развития негативных событий.

В целом можно отметить также репрессивную направленность уголовного закона и процесса и отсутствие должного внимания законодателя к процедурам упреждения таких ситуаций в экономике, которые приводят к нарушению норм уголовного права. Эти явления также сочетаются с зачастую чрезмерно жёстким стилем работы законодателя в других отраслях права, что приводит к увеличению числа нарушений норм уголовного закона.

Например, закон РСФСР от 6 декабря 1991 № 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость» [2] установил ставку вновь введённого налога НДС сразу же на слишком высоком уровне – 28%. Это был внезапный удар по бизнесу. Всего лишь днём позже Закон РСФСР от 7 декабря 1991 № 1998-1 «О подоходном налоге с физических лиц» [3] установил для совокупного годового дохода физического лица от 420 001 руб. и выше налог в размере 144 540 руб. + 60% с суммы, превышающей 420 000 руб. Реакция бизнеса и граждан была очевидной – массовый уход в теневой сектор и неуплата налогов [4], что автоматически привело к росту числа преступлений в сфере экономики, когда законодатель начал решать проблему уклонения от уплаты налогов введением соответствующих новых статей в Уголовный кодекс РФ (статьи 198 и 199 УК РФ). Тем самым законодатель ухудшил ситуацию. Вместо решения сложнейшей проблемы регулирования ввёл новые наказания. Для законодателя это весьма характерно – искать простые решения, особенно, путём введения санкций, наказаний.

В совершенно другой правовой системе и практически в то же самое время, в 1987 году, в штате Флорида, США, «было принято радикальное законодательство, которое распространило государственный налог с продаж на широкий спектр услуг, только чтобы отменить законодательство спустя всего шесть месяцев в ответ на вихрь критики» [5]. Это показывает, что стиль мышления и действия законодателей разных стран весьма схож, и его можно образно представить в желании законодателя состричь шерсть с одного барана трижды – для возмещения всех прошлых убытков, за сегодняшнее безденежье и сразу же для обеспечения безбедного будущего. Если вспомнить отечественную историю с налогом с продаж, то она тоже была сложной, и в решении проблем этого налога принимал участие даже Конституционный Суд Российской Федерации. Только лишь фискальный подход законодателя привёл к правовой коллизии этого налога с НДС и последующей отмене налога с продаж.

В настоящее время наличие компьютеров, сетей и соответствующих программ позволяет собирать столько налогов, сколько нужно, если использовать современные информационные технологии, которые все вместе взятые теперь будут использоваться для реализации распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. Данное распоряжение явилось одним из правовых оснований новой, так называемой «цифровой экономики».

На самом деле цифровая экономика благополучно существовала и развивалась и до этого распоряжения без всяких указаний сверху, потому что логика развития технического прогресса заставляла законодателей всех стран оперативно создавать нормы права на уровне министерств финансов, центробанков, иных ведомств, но быстрее всего росло локальное правотворчество бирж, банков, частных фирм, и именно оно было источником быстрого правового прогресса и настоящим основанием цифровой экономики, которую до появления этого официального названия экономисты называли сетевой экономикой. Смена названий ничего не меняет, потому что сетевая экономика была цифровой по определению, она имеет научное оформление, так как уже более десяти лет в университетах начали читаться курсы сетевой экономики, но потеря ключевого слова «сети» может отвлечь нас от сетевых аспектов развития права и экономики, и если самой экономике это уже не страшно, так как это стало её неотъемлемым свойством, которое никуда не уйдёт от того, что экономику назовут как-

то иначе, то право без развития сетевых аспектов продолжит развиваться в русле только старой парадигмы, которую мы обрисовали выше, и это совершенно не соответствует требованиям дня – наличия сетевой и цифровой экономики.

Нужны принципиально новые решения, формирование новых принципов и методов права, которое будет эффективно регулировать цифровые процессы и формировать новое законодательство, которое должно быть основой для цифровой экономики, и его можно условно назвать сетевым или цифровым правом.

Продолжение создания всё новых и новых законов в расчёте, что их количество кардинально изменит положение в экономике, невозможно, и это показывает опыт предыдущих 28 лет: число законов со времён СССР увеличилось с 252 до почти 8 тыс. федеральных законов и более 150 тыс. региональных законов, которых в СССР вообще не было. Однако ВВП страны за это время не вырос, состояние дел в промышленности, образовании, медицине, демографии, пенсионном деле и экономике ухудшилось, поэтому полагать, что в следующие 28-30 лет при прежнем подходе произойдёт что-то принципиально иное, чем уже достигнутое, будет неправильно. Количество здесь перешло в новое качество, но качество негативного свойства, и от этой новации нужно срочно избавляться.

Нужно также понимать, что сами по себе новые технологии совсем не гарантируют автоматического подъёма экономики или минимизации числа уголовных преступлений. Так, например, при создании Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [7] и его более ранних версий исходили из того, что помимо автоматизации процессов будет уменьшена коррупция. Практика показала, что коррупция изменила формы, подстроилась под новые условия, и её выявление усложнилось, но сама она не исчезла. Указанный закон получился чрезвычайно сложным, его объём в 225 страниц (731 тыс. знаков) ни в одного юриста не вселяет уверенность в том, что он сможет учесть все его тонкости на практике, не говоря уже о сопутствующих нормативных правовых актах и судебной практике. Это означает, что даже значительной автоматизации процессов не всегда достаточно для эффективного решения проблемы. Поэтому при внедрении цифровых технологий нужно стремиться к тому, чтобы достичь максимальной простоты и ясности в технологиях работы, что должна обеспечить максимальная автоматизация процессов, в идеале не допускающая принятия человеком неправильных решений в принципе. Однако практика всех стран показывает постоянное усложнение законодательства, что обусловлено усложнением жизненных процессов вообще и правоотношений в частности, поэтому законодательство и далее будет в целом только усложняться, а одно из направлений развития цифровой экономики будет состоять в том, чтобы постепенно всё больший объём нормативных правовых актов перемещать в сферу, где будет происходить их автоматическое исполнение или полуавтоматическое исполнение с минимальным участием человека, как это происходит во всех остальных сферах деятельности человека в связи с внедрением цифровых технологий.

Одно из направлений развития цифровой экономики будет заключаться в экономии времени субъектов за счёт автоматизации различных процессов и процедур. Такие процессы давно идут. В частности, они заключаются в создании различных реестров и кадастров, баз данных. Так, в целом по стране тратится довольно много ресурсов (времени, денег и усилий) на проверку документов лиц, поступающих на работу: делаются запросы о подлинности дипломов, предыдущих мест работы, сбор и проверка различных справок, при том, что предварительно кандидаты собирают эти справки длительное время и тратят на них много усилий и средств.

Помещение всех существующих документов в единую базу данных (или обеспечение связи разных баз данных) позволит работодателю после обращения к такой

базе быстро получить полную и достоверную информацию о кандидате и исключить случаи подачи фальшивых документов, которые при современном уровне развития типографского оборудования отличить от настоящих документов становится невозможно. Таким образом, цифровые технологии позволят минимизировать преступность в данном конкретном направлении.

Большой для государства объём финансовых потерь лежит в налоговой сфере, где, как нам представляется, вполне возможна автоматизация исчисления и уплаты налогов в максимальной степени, по сравнению со многими другими сферами деятельности. Это возможно потому, что Налоговый кодекс РФ является алгоритмом, который вполне ложится в цифровую форму, следовательно, его можно преобразовать в электронный вид программ, которые можно разместить в микрочипах или в виде программ и устанавливать их на терминалах предприятий, ведущих коммерческую деятельность, а также на компьютерах, объединённых в фирменную сеть с целью автоматического исчисления с помощью этих программ налогов, которое в таком случае станет возможным делать как непосредственно на предприятии, так и на сервере налоговой службы, а также организовать автоматическую уплату налогов без участия человека вообще.

Конечно, для успешного функционирования такой системы её надо опробовать, а для этого в стране вполне найдётся 1-2 региона, изолированных от всей территории (Калининградская область, Сахалинская область и др.), чтобы испытать систему в действии. Это сложно, но вполне осуществимо. Более сложным представляется обеспечение такого эксперимента новым налоговым правом, ориентированным на цифровой и автоматический формат функционирования без участия человека. Цифровое право нужно создавать заново, с нуля, помня о том, что оно должно быть ещё и сетевым и обращаться в сетях, иметь много исполнительных механизмов, действующих автоматически, без участия человека или с его минимальным участием.

На концептуальном уровне в налоговой сфере решение видится в том, чтобы заменить полностью или в достаточной степени многие налоги налогом с продаж (по сути дела, налогом с оборота). Для этой цели подходит акциз и НДС, возможно, и налог на прибыль. В нынешней системе налогового права само по себе это ничего не даст, поскольку под налогом с продаж традиционно понимается налог, имеющий определённую налоговую ставку.

Новое мышление требует иного подхода для решения задач цифровой экономики. Ставка налога с продаж должна быть разной на разные товарные группы или даже на разные товары внутри такой группы и ставок должно быть очень много для осуществления гибкой управленческой политики, которая будет гармонично совмещать чисто фискальную цель сбора максимальных сумм налога с управленческой, регулирующей функцией налога, которая используется сегодня совершенно недостаточно.

Сегодня ставка налога с продаж мыслится традиционно одна или несколько для немногих разных товаров и принята надолго. А в новой системе налоговых ставок могут быть тысячи на разные товары (услуги), они могут меняться много раз в день (если это будет нужно), что позволит сделать сетевое управление налоговым процессом гибким и эффективным, когда управляющий орган (его нужно создать, но эти детали мы опускаем) будет плавно менять в сторону увеличения или уменьшения налоговые ставки тех товаров, которые позволят собирать максимум налогов и в то же время оптимизировать процессы увеличения или уменьшения производства товаров. Более того, можно будет делать это превентивно, и упреждать те или иные экономические процессы, которые сегодня возникают для нас внезапно и влекут негативные последствия.

Разумеется, много раз в день изменять ставку налога – это не значит повторять ошибки законодателя 1991 года. Ровно наоборот – ставка налога при необходимости может меняться ежедневно на малые доли процента и иметь длительную тенденцию роста или уменьшения для поиска оптимальных пропорций фискальной и регулятивной функций налога. В таком случае право может стать инструментом, реально использующим прогностическую функцию науки и упреждающе воздействовать на реальность, что сегодня почти не происходит, потому что мы не привыкли это делать, потому что нет соответствующего инструмента. Сегодня право реагирует на события с большим опозданием или даже не реагирует вообще никак.

Так, например, в современной динамичной ситуации в тяжёлый период сокращения бюджетных доходов и ввода внешних санкций повёл себя ЦБ РФ в течение 2014-2018 годов, когда в тот же период в США и Канаде государство облагало налогом операции с криптовалютами, а ЦБ РФ за это время вместо создания механизма сбора налогов выпустил два документа, в которых «обращает внимание граждан и всех участников финансового рынка на повышенные риски при использовании и инвестировании в криптовалюты» [8]. За четыре года родить такую гениальную мысль – это нужно уметь!

Разумеется, эту работу дружно пропустили мимо себя и Минфин с налоговой службой, и Правительство РФ. Если они не видят проблемы, которая развивается в мире и стране достаточно быстро, нужно поручать такую работу вузовской или академической науке, которая за относительно небольшие деньги могла бы предложить решения, а государство собрало бы налоги, существенно превышающие затраты на науку. Наука могла бы работать, как и сейчас, по системе разовых грантов, так и в постоянном режиме, но как организовать последний вариант – Правительству РФ пока не ясно. Между тем совершенно очевидно, что нужно отслеживать и исправлять ситуацию постоянно, в режиме реального времени и упреждать негативные события (это и есть часть задач цифровой экономики), но пока в официальном отчёте ЦБ РФ мы впервые видим такие колоссальные убытки – в размере 435 млрд рублей [9], а сколько недополучено прибыли в целом по экономике страны из-за проводимой Центральным банком РФ политики – эти цифры называют только эксперты. Данный факт подтверждает нежелание заниматься серьёзной научной и организационной работой, в результате чего старая парадигма права, о которой мы писали в самом начале, проявляет себя во всей красе и показывает, что назначение современного права – бить по хвостам давно ушедших вперёд событий.

Это результат неприспособленности современной правовой и управленческой системы к вызовам времени и демонстрация того, что возможности управления в режиме реального времени с помощью средств сетевых, цифровых технологий и экспертного сообщества совершенно не используются, несмотря на наличие достаточного парка компьютеров, сетей, вычислительных мощностей и прочих технических средств. Отсутствует концептуальная база и доктринальный уровень проработки вопросов, нет понимания, что нужно дальше делать или желания всё это понимать. Есть и принципиальное препятствие, которое вроде бы известно властям, но механизмы его преодоления не проработаны, в законодательстве не определены, и это – проблема доверия. Бизнес не доверяет государству после многих нарушений своих обещаний государством, но доверие лежит в основе любого бизнеса, а экономика складывается из этих самых бизнесов. Доверие – лишь в малой степени правовая категория, которая косвенным образом едва прослеживается в п. 2 ст. 6 ГК РФ и более конкретно в Постановлении Правительства РФ от 05.03.2018 N 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» [10], но в последнем случае это очень узкая сфера, связанная с вопросами увольнения отдельных категорий лиц, а в бизнесе и экономике доверие складывается долгими годами во всех отраслях права, экономики,

управления и прочих сферах деятельности, а рушится в течение одного дня, в котором принимаются нормативные акты, показанные нами выше.

Сегодня нужно создавать не только сетевое или цифровое право, но и новые организационно-правовые механизмы, которые позволят обкатать, протестировать такое право. В чисто правовой сфере возможности моделирования в небольшой степени используются через механизм создания и функционирования модельных законов, но нужно идти дальше и делать такие конструкции не только в области права, но и государства и создавать модели государства, в которых можно будет опробовать все новации без риска перехода негативных последствий и ошибок на само государство. Такие механизмы давно применяют инженеры, когда испытывают модели технических устройств и делают с ними такие эксперименты, которые абсолютно нежелательны в действительности, и право должно осваивать достижения технических наук.

В итоге можно сказать, что быстрая реакция науки и государства на внешние вызовы и использование цифровых технологий позволит не только собирать больше налогов, успешно строить цифровую экономику, но и минимизировать количество совершаемых в экономической сфере преступлений. Одновременно юристам и экономистам нужно не забывать, что всякое действие порождает противодействие, что всеобщие законы философии никто не отменял в сфере экономики и юриспруденции, и закон единства и борьбы противоположностей в этих сферах действует так же, как и везде. Одно из проявлений цифровизации мы видим ежедневно: миллионы людей на ходу смотрят в гаджеты, замедляют движение другим, они полностью там, в другой реальности и почти готовы перейти от цифровой зависимости к цифровому рабству, а некоторые уже перешли. Данная проблема формируется долго, решить её быстро не получится, и это лишь одна из оборотных сторон прогресса. Наука должна предвидеть все аспекты развития цифровой экономики права и цифровой реальности.

Список литературы

1. Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.
2. Закон РСФСР от 6 декабря 1991 г. № 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 52. Ст. 1871.
3. Закон РСФСР от 7 декабря 1991 г. № 1998-1 «О подоходном налоге с физических лиц» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 12. Ст. 591.
4. По оценкам некоторых авторов теневая экономика в России составляет около 41% ВВП: Никитин С.М., Степанова М.П., Глазова Е.С. Теневая экономика и налогообложение // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 2. С. 24-30.
5. Michele E. Hendrix & George R. Zodrow, Sales Taxation of Services: An Economic Perspective, 30 Fla. St. U. L. Rev. (2003). <http://ir.law.fsu.edu/lr/vol30/iss3/1>
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2017, N 32, ст. 5138.
7. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, N 14, ст. 1652.
8. Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных "виртуальных валют" (криптовалют)» // КонсультантПлюс.
9. Годовой отчёт Банка России за 2017 год, http://www.cbr.ru/publ/God/ar_2017.pdf

10. Постановление Правительства РФ от 05.03.2018 N 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» (вместе с "Положением о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия") // Собрание законодательства РФ, 19.03.2018, N 12, ст. 1678.

Информация об авторах:

Голоскоков Леонид Викторович,
Доктор юридических наук, доцент,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации, г. Москва, Россия

Information about authors:

Goloskokov Leonid Viktorovich,
Doctor of Law, Associate Professor
Moscow Academy of the Investigative Committee of the
Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 343.74

В.В. Хилюта

**ЗАБЫТОЕ ИМУЩЕСТВО И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА В КОНТЕКСТЕ
УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ КРАЖИ И ПРИСВОЕНИЯ
НАЙДЕННОГО**

Гродненский государственный университет

Аннотация. В работе раскрывается актуальная проблема разграничения кражи и присвоения найденного имущества, имеющая особое значение для действующей правоприменительной практики. Подробно рассмотрены признаки кражи и находки в доктрине уголовного права. Значительное внимание уделено анализу присвоения найденного имущества, его характерных признаков и элементов. На основе обширного изучения материалов судебно-следственной практики России и Беларуси рассмотрены основные положения науки уголовного права применительно к объективным признакам кражи и присвоения найденного чужого имущества. Предлагаются теоретические и практические рекомендации по применению норм уголовного законодательства при разрешении спорных вопросов квалификации преступлений против собственности.

Ключевые слова: кража, присвоение, находка, чужое имущество, собственность, имущественные преступления.

UDC 343.74

V.V. Hilyuta

**FORGOTTEN PROPERTY AND ITS CHARACTERISTICS IN THE
CONTEXT OF THE INSTALLATION OF THE SIGNS OF THE CRIME
AND THE ASSIGNMENT OF THE FOUNDATION**

Grodno State University

Abstract. In work the current problem of differentiation of theft and assignment of the found property which is of particular importance for the operating law-enforcement practice reveals. Signs of theft and a find in the doctrine of criminal law are in detail considered. Considerable attention is paid to the analysis of assignment of the found property, his characteristic signs and elements. On the basis of extensive studying of materials of judicial and investigative practice of Russia and Belarus basic provisions of science of criminal law in relation to objective signs of theft and assignment of the found someone else's property are considered. Theoretical and practical recommendations about use of standards of

the criminal legislation at permission of controversial issues of qualification of crimes against property are offered.

Keywords: theft, assignment, find, someone else's property, property, property crimes.

Уголовно-правовая охрана собственности продолжает относиться к числу актуальных и, пожалуй, наиболее глубоко разработанных в доктрине уголовного права фундаментальных проблем. Исследованию данного «феномена» посвящено несколько докторских, сотни кандидатских диссертаций, множество монографий и учебных пособий. Количество статей по данной проблематике даже трудно пересчитать. При всем при этом в недрах теории и практики уголовной ответственности за посяательства на собственность (имущественные преступления) таится немало спорных и остро дискуссионных вопросов. Одни из них касаются эмпирического уровня проблемы и относятся к комментированию требований уголовного закона, тогда как другие поднимаются на более высокую, а потому и значительно более сложную ступень иерархии аспектов данной проблематики. Бесспорно поэтому, что фундаментальные положения развития уголовного законодательства и разрабатывая на этой основе концептуальные начала предопределяют и практику реализации уголовно-правовых идей.

Тем не менее, в среде практических аспектов квалификации имущественных преступлений зиждется множество нерешенных задач и проблем, требующих разумного разрешения, как с точки зрения действующего уголовного закона, так и с доктринальных позиций. Одной из таких проблем, неадекватно воспринимаемых на практике и будоражащих умы ученых мужей (а практиков все же в большей степени), является дилемма поиска надлежащих критериев разграничения кражи и присвоения найденного имущества. Главным образом, базовый вопрос здесь возникает при определении того, является ли имущество чужим в случае, когда собственник не отказался от своего титула, но при этом сам утратил господство над вещью и никому не вверил ее.

Различные обзоры, обобщения и материалы судебно-следственной практики наводят на мысль о нетождественном правопонимании сущностных признаков кражи и присвоения найденного, способе действия при присвоении находки и его содержательных аспектах, пределах толкования признаков забытого и потерянного имущества, а также содержания границ владения собственника при утере им имущества. Причем высказывая различные доводы в развитие отстаиваемых позиций можно обращаться к многочисленным судебным решениям и искать правовое обоснование и надлежащие критерии разграничения кражи и находки. Заметим, что таковых немало, и они имеют свои содержательные аспекты. Однако важно в данном вопросе понять логику уголовно-правовой квалификации, научное обоснование применения уголовно-правовой нормы и очертить разумные точки соприкосновения обозначенных критериев.

В настоящее время, в правовой литературе подчеркивается, что потерянные вещи следует отличать от забытых. Подобные вещи находятся в месте, известном собственнику (владельцу), и он имеет возможность за ними вернуться или иным способом их возвратить. На этом основании забытые вещи могут признаваться предметом хищения, если виновный осознавал, что собственник вернется за этой вещью (об этом могут свидетельствовать такие обстоятельства как место, где вещь забыта, состояние вещи, истечение времени с момента оставление вещи и др.) [4, с. 215; 17, с. 66]. Таким образом, завладение вещью, забытой собственником в известном ему месте (в гостинице, каюте парохода, купе вагона, в здании учреждения и т.д.) служит основанием для квалификации содеянного как хищение лишь по тому основанию, что виновный осознавал возможность возвращения собственника за своей вещью.

Судебно-следственной практике известен случай, когда после дискотеки в ночном клубе собственник оставил свой сотовый телефон на столике и вышел. Вспомнив об этом и вернувшись, он обнаружил, что телефон пропал. При этом никто из окружающих не видел, кто взял его телефон. На звонки по абонентскому номеру никто не отвечал. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий было установлено лицо, взявшее этот телефон, которое впоследствии пояснило, что нашло телефон на столике, и, решив, что собственник ушел, забыв его, забрало телефон, ссылаясь на то, что эта вещь является бесхозной. Однако уголовное дело было возбуждено по статье о краже (ст. 205 УК РБ) чужого имущества [15, с. 164].

Прокурорско-следственная практика в данном случае исходит из того, что здесь имеет место хищение имущества. Однако следует признать, что зачастую бывает крайне трудно определить, является ли вещь забытой или потерянной, потому как не всегда с достоверностью можно четко установить, знал ли владелец вещи, где он ее забыл. Ведь тот же владелец может с определенной степенью достоверности предполагать, что кошелек он уронил, проходя через мост (а не в магазине, гостинице и т.п. месте), когда доставал из кармана пачку сигарет. В этих случаях лица, присвоившие чужое имущество, нередко ссылаются на то, что нашли определенную вещь в «бесхозном состоянии» и не знали, вернется ли за ней собственник или нет. Это, безусловно, вызывает трудности в доказывании субъективной стороны состава преступления, направленности умысла виновного именно на хищение чужого имущества [7, с. 32-34]. Тем не менее, судебно-следственная практика признает именно хищением случаи присвоения машинистом электропоезда дамской сумочки и находящихся в ней вещей, забытых потерпевшей в вагоне; завладения владельцем торговой точки имуществом, забытым покупателем в его магазине; присвоения домработницей кошелька, поднятого в квартире хозяина, где она работает и т.д. [8, с. 47].

Вместе с тем, если ситуацию с телефоном видоизменить, и местом потери окажется парк, где, например, проходили праздничные гуляния, то куда идти собственнику утерянной вещи (даже если он конкретно знает, что утерятил ее в парке) и где искать телефон? Выходит, что место утраты вещи (телефона) главный признак. Однако действительно ли этот признак является определяющим? С другой стороны, какой бы ни была надежда на то, что собственник утерянного имущества найдется, наряду с нею всегда присутствует и неуверенность в том, что это произойдет, в связи с чем психологическая окраска поведения лица, присвоившего бесхозное имущество, все же иная, нежели у лица, присвоившего имущество, хозяин которого известен [6, с. 246] (даже если собственник имущества его потерял).

В то же время, если сравнивать вышеприведенные примеры и описанные ситуации, то вполне можно сказать, что предложенные выше критерии отграничения хищений от присвоения потерянных вещей можно отнести и к забытым вещам. Отсутствует как таковой признак завладения имуществом, виновный не участвует в выходе вещи из владения собственника, умысел на присвоение вещи возникает после ее выхода из обладания законного владельца. В чем же основное отличие? Знал ли собственник вещи, где он ее забыл (потерял) и в каком месте? Однако об этих обстоятельствах, лицо, присваивающее чужое имущество вполне может и не знать. Не факт, что если лицо утратило имущество на вокзале, то его следует признавать забытым. Скорее всего, речь должна идти об осознании лицом, присваивавшим имущество, принадлежности вещи конкретному лицу и возможности его возврата собственнику (виновное лицо будет повинно в хищении, если оно достоверно знает, кому принадлежит это имущество, и что собственник вещи может вернуться за ней).

Полагаем уместным в этом отношении более детально остановиться на данном вопросе и рассмотреть судебно-следственную практику в контексте анализа объективных и субъективных признаков деяния лица, присваивающего чужое имущество вследствие его

обнаружения. Здесь можно еще привести ряд примеров, иллюстрирующих позицию суда и иных правоохранительных органов относительно факта разграничения находки и кражи.

Органом предварительного расследования М. было предъявлено обвинение в тайном хищении (краже) у С. сотового телефона. М., 30 декабря 2008 г., находясь в своей квартире, распивал спиртные напитки вместе с С. и С-м. Перед уходом, находясь в прихожей, С-м попросил М. подать мобильный телефон С., лежавший на тумбочке в кухне. Он подал С-м мобильный телефон С., а сам остался в кухне мыть посуду и после ухода гостей лег спать. Наутро перед уходом на работу М. увидел в прихожей лежавший между обувной тумбой и стеной мобильный телефон С., который присвоил и впоследствии перепродал. Суд районной инстанции указал, что в данном случае отсутствуют признаки кражи, поскольку мобильный телефон С. был оставлен в его квартире самой потерпевшей, т.е. мобильный телефон выбыл из обладания С в связи с тем, что был забыт в квартире обвиняемого, а не в результате умышленных противоправных действий со стороны М. С таким приговором согласился и суд кассационной инстанции. В протесте заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь ставился вопрос об отмене оправдательного приговора, поскольку М. знал, кому принадлежит имущество, оставленное в квартире, но продал сотовый телефон после его обнаружения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь отменила вынесенные решения и указала, что сама потерпевшая знала, где оставила телефон, предъявляла к М. требования о его возврате, а затем обратилась за помощью в милицию, т.е. контролировала ситуацию о месте нахождения забытой ею вещи и не передавала ее в пользование М. Утверждение же районного суда о том, что оставленная ею в квартире М. вещь вышла из-под ее контроля, из сферы обладания, не основано на достоверных доказательствах [1].

Как видно, суд надзорной инстанции вполне обоснованно пришел к верному выводу, что в данном случае вещь не утеряна, а была забыта ее собственником. Для такого же состава как присвоения найденного имущества, необходимо чтобы вещь вышла из владения собственника или иного владельца имущества. В то же время нельзя говорить о присвоении найденного имущества (ст. 215 УК РБ) в ситуации, когда вещь была утеряна ее владельцем в своей квартире или в пределах своей территории либо оставлена по ошибке в известном собственнику месте. Более того, как явствует из вышеприведенного примера, если владелец вещи сам не считал ее потерянной и обращался к предполагаемому лицу, нашедшего его вещь, с требованием возврата имущества, то такая вещь не может считаться утраченной или потерянной, а действия по ее присвоению необходимо расценивать как кражу.

Г. была признана виновной в совершении преступления в виде тайного хищения чужого имущества с причинением значительного ущерба потерпевшему при следующих обстоятельствах. В 15 часов 24 минуты Ф. подойдя к банкомату, воспользовавшись своей банковской картой «Виза», набрав пин-код карты, произвел операцию по снятию денежных средств, в сумме 20000 рублей. Однако Ф. в виду отсутствия опыта по получению денежных средств посредством банкомата, не дождавшись завершения операции, решив, что банкомат ему денежные средства не выдал, вошел в здание дополнительного офиса банка, чтобы сообщить его сотрудникам о вышеописанном факте. Вслед за Ф., в 15 часов 25 минут подойдя к данному банкомату, Г. попыталась осуществить операцию по проверке и снятию денежных средств со своей личной банковской карты. В то время, когда она пыталась ввести свою банковскую карту банкомат выдал денежные купюры достоинством по 1000 рублей каждая, на общую сумму 20000 рублей, по требованию, ранее введенной в программу банкомата Ф. Данные денежные средства с указанного времени являлись собственностью Ф., и в случае не изъятия их из ячейки для выдачи денежных средств банкомата в течении 30 секунд, они должны были быть перемещены в реджект-кассету банкомата. Однако у Г., увидевшей в

лотке для выдачи денежных средств купюры на сумму 20000 рублей возник умысел на тайное хищение указанной суммы денег. При этом она осознавала, что с её стороны какие-либо операции с банкоматом для получения денежных средств не осуществлялись, то есть понимала, что данные деньги выданы банкоматом не по её требованию и не принадлежат ей. Доводы подсудимой о том, что кражу денег она не совершала, что в данном случае имело место находка, суд нашел несостоятельными. Из содержания ст. 227 ГК РФ следует, что находка это движимая вещь, выбывшая из обладания собственника или иного управомоченного лица помимо их воли вследствие потери и кем-либо обнаруженная. Судом установлено, что денежные средства не были собственником утеряны, находились в лотке банкомата и принадлежали потерпевшему, при несвоевременном получении автоматически должны были перемещены в реджсект-кассету банкомата. Совершив присвоение чужих денег, подсудимая получила реальную возможность распоряжения похищенным имуществом. При этом похищенные деньги у последней изъяты через час после обращения потерпевшего и установления её места жительства. Доказательств, что она уведомила кого-либо о произошедшем не установлено. Ссылку Г. на то, что она испугалась и хотела отнести деньги в милицию, при этом ждала мужа, чтобы посоветоваться, как поступить с деньгами, суд счел не убедительной. Суд указал, что в этой ситуации Г. могла деньги занести в банк, в котором непосредственно расположен банкомат, отнести в прокуратуру, которая расположена по соседству с банком или сообщить в милицию, расположенную в 50 метрах от банкомата [14, с. 93-97].

Анализируя данный пример, можно также сослаться на дореволюционную практику квалификации присвоения найденного имущества. Считалось, что для того, чтобы признать вещь найденной, необходимо чтобы между потерей вещи и ее находкой прошло боле или менее продолжительное время, в течение которого законный владелец посчитал бы ее утерянной, и сверх того, нашедший такую вещь не должен являться очевидцем потери этого имущества. Иначе говоря, обретение чужого имущества возможно лишь тогда, когда законный владелец посчитает имущество окончательно потерянным, и не будет иметь возможности немедленно восстановить право на него [5, с. 268]. Таким образом, если местонахождение вещи не известно собственнику, но факт утраты имущества наблюдало лицо, его подобравшее, то в действиях этого лица будут скорее усматриваться признаки хищения, нежели их отсутствие.

Помимо этого, полагаем, что если происходит присвоение имущества в административных зданиях, пунктах осуществления расчетно-кассовых мероприятий и других публичных местах ограниченного пространства, то чаще всего в этих случаях мы должны констатировать презумпцию «забытости» вещи ее собственником (хотя отнюдь и не всегда), т.к. в подобных случаях лицо, присваивающее эту вещь, имеет разумное основание полагать, что внешние условия, обстановка, положение вещи свидетельствуют о том, что она не потеряна ее владельцем, а оставлена или забыта им.

Конечно, ряд исследователей в этом контексте могут возразить, и указать, что положения гражданского законодательства о находке не содержат различий между «потерянной» и «забытой» вещью, предусматривая, в сущности, одинаковые правовые последствия для лица, нашедшего вещь. Однако, как отмечает Р.Д. Шарапов, можно ли с достоверностью утверждать, что эти различия не имеют уголовно-правового значения, учитывая то, что при утере вещи ее местонахождение является случайным и не определяется волевыми действиями собственника (как отмечают суды, утерянная вещь находится в месте, которое собственнику или владельцу неизвестно), тогда как при оставлении вещи по забывчивости она продолжает находиться в том месте, которое изначально определил собственник по своей воле. А ведь под владением теория и практика гражданского права понимают юридически обеспеченную возможность именно волевого господства лица над вещью [16, с. 19]. С этих позиций никак действия злоумышленника,

присвоившего чужую и очевидно для него оставленную по забывчивости владельцем вещь, нельзя оправдывать этой самой забывчивостью потерпевшего. В отличие от утерянного имущества забытое или оставленное без присмотра собственником имущество не покидает владения последнего помимо его воли.

С.В. Скляров, анализирувавший судебную практику относительно критериев «забытости» имущества, указывает, что осуждая виновного за кражу забытого имущества, суды чаще всего мотивируют свои решения о том, что вещь не потеряна, а забыта собственником и продолжает находиться в его обладании, исходя из следующего:

- имущество, забытое собственником, находилось в известном для него месте, собственник знал, где оставил имущество;
- у собственника имелась возможность вернуться за оставленным имуществом;
- собственник предпринял конкретные действия по возвращению имущества: вернулся на место, где его оставил, либо сообщил по телефону владельцу помещения, транспорта, в диспетчерскую службу об оставленном имуществе;
- виновный не мог не осознавать, что владелец имущества вернется за ним, учитывая обстоятельства его обнаружения (в помещении поликлиники, образовательного учреждения, налоговой инспекции, банка, железнодорожного вокзала, в магазине и т.п.);
- отсутствовали обстоятельства, бесспорно указывающие на бесхозность имущества;
- у виновного имелась возможность сообщить представителю владельца помещения об обнаруженном имуществе, однако он этого не сделал;
- виновный не подождал возвращения потерпевшего;
- виновный имел реальную возможность возвратить имущество потерпевшему;
- виновный мер для установления владельца имущества не предпринял;
- имущество имело идентификационные признаки, которые позволяли установить его владельца (телефон, ноутбук и т.п.);
- после завладения имуществом виновный забрал его в личное пользование (отключил мобильный телефон, вставил сим-карту, подарил третьему лицу и т.п.) [12, с. 69].

Следует согласиться с С.В. Скляровым в том, что, безусловно, не все из приведенных обстоятельств безоговорочно указывают на факт забытости имущества и необходимости оценки таких случаев именно как хищения. Поэтому, невыполнение лицом обязанностей, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, в соответствии с которой нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу, не может автоматически определять виновность лица в хищении чужого имущества. В этом случае речь идет о гражданских обязанностях лица, за невыполнение которых ответственность уголовным законодательством не предусмотрена [12, с. 70]. Лицо, утаившее находку либо не заявившее о ней, не несет юридической ответственности. В таком случае лицо только утрачивает право на вознаграждение в случае, когда владелец вещи обнаружится и потребует ее возвращения.

Следовательно, установление факта, что у виновного имелась возможность сообщить об обнаруженном имуществе, что виновный не подождал возвращения собственника, что имел реальную возможность возвратить имущество потерпевшему, не предпринял мер для установления владельца имущества, *не может* повлиять на уголовно-правовую оценку его действий (с этим мы согласны с С.В. Скляровым), однако при том условии, что нашедший чужое имущество не знал собственника.

Б. обвинялся в том, что примерно в 11.11 часов, находясь вблизи аптеки, умышленно, из корыстных побуждений, тайно похитил принадлежащую Т. косметичку, в которой находились денежные средства. Б., допрошенный в судебном заседании по указанному обвинению, вину признал частично и суду показал, что 29.10.2017 около 11:00

часов он направился в аптеку для приобретения лекарства соседу. Когда поднимался по ступенькам к входной двери аптеки, увидел розовую женскую косметичку, которая лежала на земле недалеко от входа в аптеку. Указал, что не видел, у кого она упала, но решил ее поднять. У проходящих людей он не уточнял, кому принадлежит эта косметичка, и сразу осмотрел ее содержимое, где увидел деньги, однако, сколько точно было денег, не знает, так как сразу не пересчитывал. Далее, он положил косметичку в карман куртки и, видимо, ее не застегнул на замок, так как по дороге от аптеки домой у него из кармана высыпались упаковки с семенами. Пояснил, что на наличие паспорта в косметичке он не обратил внимание, допускает, что паспорт так же мог выпасть из косметички, как и семена. Когда пришел домой, осмотрел содержимое косметички и обнаружил, что в ней находилось достаточно много денег купюрами по 50, 20 и 10 рублей. В тот же день к нему домой приехали сотрудники милиции и попросили проехать с ними. Указал, что считает, что он нашел кошелек, а деньги, которые передал сестре и потратил на спиртное – это вознаграждение. Потерпевшая Т. суду показала, что 29.10.2017 утром она ходила в церковь на службу, а в дальнейшем договорились встретиться с сыном Т-ть, после чего направились на рынок, а затем решили зайти в аптеку, чтобы купить лекарства. Указала, что кроме кошелька, у нее была косметичка розового цвета, в которой она хранит крупные деньги и документы. Она передала косметичку сыну, а зайдя в аптеку, попросила ее назад, так как в косметичке лежала бумажка с названием лекарств. После приобретения лекарств они с сыном направились на остановку общественного транспорта и на автобусе поехали в сторону дома. Помнит, что выйдя из аптеки, держала косметичку под мышкой, но когда в автобусе сын спросил, где ее косметичка, она поняла, что, наверное, потеряла ее. Далее, она вернулась в аптеку и спросила у работников, не находили ли они ее косметичку, на что ей ответили, что косметичку никто не находил и никто к ним не обращался с указанным заявлением. Далее, по приезду домой, она сообщила о случившемся сотрудникам милиции, а через некоторое время на стационарный телефон позвонил мужчина и сообщил, что нашел ее паспорт. Свидетель Ш. суду показал, что когда возвращался с автовокзала домой, во дворах домов на пр. Космонавтов обнаружил полимерный пакет, в котором находился паспорт на имя женщины. Придя домой, через справочную службу узнал номер телефона, по которому позвонил с целью возврата паспорта хозяйке. Через некоторое время к нему домой пришли сотрудники милиции, которым он и выдал найденный паспорт. Из протокола осмотра видеозаписи камер видеонаблюдения аптеки и фототаблицы к нему следует, что в ходе осмотра видеозаписи с камер видеонаблюдения указанной аптеки за 29.10.2017 г видно, как в 11:11:14 часов возле аптеки у потерпевшей Т. падает косметичка и она этого не замечает; в 11:11:22 часов потерпевшая начинает движение в сторону пр. Космонавтов, косметичка лежит на месте; в 11:11:23 часов в обзоре камеры видеонаблюдения появляется Б., который подходит к косметичке и сразу же ее поднимает, после чего осматривает содержимое и кладет в имеющийся при нем пакет; в 11:11:51 часов Б. заходит в помещение аптеки, где покупает настойку, во время нахождения в аптеке косметичку из пакета он не извлекает. На фото № 7, 8, 9, 10 четко видно как в то время, когда у потерпевшей Т. выпала косметичка и как Б. подошел и поднял косметичку, поблизости находились люди, в том числе и сама потерпевшая, однако, Б. не принял мер к возврату косметички, несмотря на то, что потерпевшие на тот момент даже не спустились с крыльца аптеки. Вынося обвинительный приговор, суд также обратил внимание, что сам Б. указал на то, что о найденной рядом с аптекой косметичке в аптеку он не сообщал и в то же время, в тот же день стал тратить найденные денежные средства на свои нужды, а так же передал для сестры 50 рублей. Кроме того, никаких мер по установлению владельца кошелька Б. не принимал, что сам и подтвердил в судебном заседании [2].

Данный пример наглядно указывает на то, что даже при невозможности определить тот факт, утрачено или забыто было имущество, виновное лицо прекрасно понимало, что найденное им имущество кому-то принадлежит из близстоящих людей, однако скрыло факт «находки».

Ситуация, когда предмет забыт собственником или владельцем в известном ему месте, предполагает отсутствие осознания выбытия вещи из владения и реальную возможность восстановить правомочия по владению пользованию или распоряжению. Поэтому, как отмечает Д.А. Безбородов, можно сделать вывод о том, что не будет признаваться находкой такой случай, когда вещь остаётся в обладании собственника или законного владельца, но последний в данный момент не может указать место её нахождения. Однако и как хищение такого рода ситуации могут рассматриваться только при наличии объективных обстоятельств, свидетельствующих об осознании лицом, завладевающим имуществом, того, что данная вещь не является бесхозной и собственник от неё не отказался [3, с. 28]. В данных условиях при постановке вопроса об уголовной ответственности нельзя руководствоваться исключительно субъективными взглядами собственника или иного законного владельца в отношении утраченного имущества, а нужно учитывать субъективную сторону находчика. Тем не менее, определение признаков находки или кражи в действиях лица, нашедшего чужое имущество по элементам субъективной стороны находчика должно быть весьма осторожным и приниматься во внимание должны и объективные признаки, которые будут подтверждать либо опровергать умысел лица на присвоение находки или же кражи чужого имущества.

Органами предварительного следствия Н., обвинялся в том, что находясь возле центрального входа магазина, тайно похитил принадлежащий Р. полимерный пакет, в котором находились денежные средства в размере 5 744 доллара США. Обвиняемый Н. вину признал частично и суду показал, что 19.04.2016 около 17.30 часов он вышел из магазина. На ступеньках магазина он заметил целлофановый пакет. Он поднял пакет и посмотрел, что там находится. В пакете находилась крупная сумма денежных средств и документы. Пакет с деньгами он забрал себе, паспорт выбросил, предварительно посмотрев фамилию и адрес регистрации владельца. Находящиеся в пакете денежные средства он спрятал дома, для того, чтобы позже вернуть владельцу. Оставлять себе деньги он не хотел. Суд, осуждая Н. за кражу, сослался на следующие доказательства. Так, из оглашенных показаний потерпевшей Р. следует, что 19.04.2016 она сняла со своего банковского вклада денежные средства в сумме 5 744 доллара США и 50 500 рублей ЦБ РФ, после чего направилась в магазин. Находясь на ступеньках магазина, она поставила пакет, т.к. тот был тяжелым. На тот момент она думала, что в пакете находится бутылка воды. Выйдя из магазина, она обнаружила, что пакета на оставленном ей месте не было. Данному обстоятельству она не предала особого значения, поскольку забыла, что в пакете находились деньги, и думала, что там была бутылка воды. Уже дома она обнаружила отсутствие денежных средств. Как в ходе предварительного расследования, так и судебного заседания обвиняемый Н. не отрицал факта завладения денежными средствами Р., однако утверждал, что умысла на хищение денег у него не было, и он собирался их вернуть собственнику. Вышеуказанные показания Н. судом оцениваются критически, как выбранный последним способ защиты, направленный на избежание ответственности за содеянное, поскольку они полностью опровергаются собранными по делу доказательствами, а также установленными обстоятельствами. Так, Н. не отрицал, что в пакете потерпевшей, помимо денежных средств, находился и паспорт Р. То есть на момент завладения денежными средствами Н. был осведомлен об их собственнике и месте ее проживания. Он понимал, что денежные средства будут разыскиваться собственником. Несмотря на это, никаких действий Н., направленных на возврат денежных средств законному владельцу не предпринимал. Действия Н., осуществляемые последним после завладения денежными средствами, свидетельствуют

о наличие у него корыстных побуждений и умысла на хищение. Так, после обнаружения денежных средств, Н. не обратился ни к администрации магазина, ни сообщил о находке в органы внутренних дел. О произошедшем обвиняемый не сообщил и своим родственникам, совместно с ним проживавшим. Более этого, выбросил паспорт потерпевшей. Н. по месту жительства спрятал данные денежные средства в труднодоступном месте, и извлек их оттуда, лишь в ходе осмотра, проводимого сотрудниками органов внутренних дел [14, с. 95].

В данном примере наглядно видно, что виновный понимал, что имущество кем-то забыто (на ступеньках магазина) и собственник может за ним вернуться и более того, имелись документы, идентифицирующие его владельца.

Представляется, что в этом случае небезыntenесным будет также обратиться к зарубежному опыту регулирования данной проблемы. Так, в уголовном праве США особо выделяются случаи взятия имущества утерянного или забытого. Считается, что такое имущество находится в «конструктивном владении» его собственника до тех пор, пока действительное владение им остается вакантным. Следовательно, лицо, которое находит утерянное или забытое имущество и берет его себе, то оно может быть признано нарушающим право владения его собственника. Такое лицо будет признано виновным в краже при наличии двух условий: 1) если оно имеет намерение взять себе указанное имущество в то время, когда оно его находит (если же такое намерение возникает позже, лицо может и не быть признано виновным в краже); 2) если лицо в то время, когда оно находит имущество, знает его собственника или имеет разумное основание полагать, где он находится (причем, необходимо чтобы были предприняты разумные усилия для установления личности собственника) [10, с. 380].

Например, по делу Брукса, в котором рассматривался вопрос об ответственности обвиняемого за присвоение найденного им на улице имущества, суд постановил: «Право на найденное имущество и конструктивное владение им сохраняется за его собственником; если лицо, нашедшее его, завладевает им для его собственного пользования, а не в интересах собственника, оно виновно в нарушении права владения». И далее суд указал: деяние является кражей, если лицо, нашедшее имущество и взявшее его себе в то время, когда оно его нашло, имело разумное основание полагать, исходя из характера имущества и обстоятельств, при которых оно было найдено, что его собственник объявится или будет установлен, при условии, что имущество не спрятано и такое лицо обращается с ним (ведет себя) честно. В другом, более новом прецеденте сформулировано следующее правило: если лицо, нашедшее имущество не знает собственника или как его установить (найти), оно не обязано искать его путем публикации объявлений или наведения справок [13, с. 139].

В уголовном праве Великобритании вопрос о присвоении найденных вещей тесно связан с признаком нечестности. Так, кража будет отсутствовать (поскольку нет признака нечестности), если лицо, присваивая собственность, предполагает, что хозяин товаров или денег, найденных им, не может быть найден разумным путем. В этой ситуации важно правильно оценивать очень ограниченную природу защиты честного лица, нашедшего вещь. Во-первых, доктрина английского права исходит из того, несмотря на то, что лицо, нашедшее товары или закопанные в чьей-то земле вещи, может вполне разумно предполагать то, что их владелец не может быть найден разумными путями, эти товары будут признаны принадлежащими владельцу земли, на которой они были найдены, поскольку у владельца земли будет право владения этими товарами. Поэтому присвоение, производящееся лицом, сознающим право владельца, будет считаться кражей. Во-вторых, если, владея товарами, лицо, нашедшее их, *узнает* о существовании владельца этих вещей, оно может быть признано виновным в краже, если впоследствии присваивает их или продает их с намерением навсегда лишить владеющее лицо данных товаров [11].

Таким образом, система общего права во главу угла ставит признак четкого осознания виновным принадлежности присваиваемого имущества. Поэтому кража

(хищение) будет отсутствовать, когда лицо присваивает имущество, предполагая, что лицо, которому это имущество принадлежит, не может быть найдено разумным образом.

В правоприменительной практике *Франции* не могут быть похищены вещи, которые не принадлежат никому (*res nullius*). К этой категории относятся брошенные вещи, т.е. те, в отношении которых собственник отказался от своего права, бросил их. Потерянные вещи к этой категории не относятся и остаются чужими, поэтому присвоение находки квалифицируется как похищение. Тем не менее, в практике возникает проблема в связи со сложностью разграничения брошенных и потерянных вещей, так как злостный умысел предполагает осознание виновным того обстоятельства, что вещь потеряна, а не брошена [9, с. 73-74]. При имеющейся коллизии, проблема разрешается следующим образом. Например, в отношении ценных вещей предполагается, что они потеряны, а не брошены.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов:

а) предметом хищения не может являться найденное, брошенное, случайно оказавшееся у лица имущество;

б) присвоение оставленных вещей должно образовывать хищение чужого имущества. Хищение потерянных, забытых вещей будет иметь место (помимо, конечно же, всех признаков самого хищения) в случае, если виновное лицо при присвоении вещи достоверно знает, кому принадлежит присваиваемое имущество или имеет разумное основание полагать, где находится владелец вещи, и что он может за ней вернуться. Внешние условия, обстановка, положение и свойства вещи могут свидетельствовать о том, что она не потеряна ее владельцем, а оставлена или забыта им.

При определении критериев разграничения кражи и присвоения найденного за основу должен приниматься также субъективный признак, т.е. необходимо определить направленность умысла лица, подбирающего и присваивающего чужое имущество. Тем не менее, определение признаков находки или кражи в действиях лица, нашедшего чужое имущество по элементам субъективной стороны находчика должно быть весьма осторожным и приниматься во внимание должны и объективные признаки, которые будут подтверждать либо опровергать умысел лица на присвоение находки или же кражи чужого имущества. То есть намерение лица необходимо устанавливать по дополнительным обстоятельствам: место утраты и нахождения имущества; конкретное местонахождение имущества относительно иных предметов и определенного круга лиц (потенциальных владельцев); наличие идентифицирующих признаков утраченного имущества и др.

Список литературы

1. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2009 г. Уголовное дело № 02н-826.
2. Архив суда Октябрьского района г. Гродно. Приговор от 11 января 2018 г.
3. Безбородов Д.А. Квалификация присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. статей по материалам III Всерос. науч.-практ. конф.; Рос. гос. ун-т правосудия. СПб., 2015. С. 26-30.
4. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. 359 с.
5. Белогриц-Котляревский Л. Воровство-кража по русскому праву: историко-догматическое исследование. Киев, 1880. С. 268.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. 775 с.
7. Васильев Д., Васильев С. Находка или кража? // Законность. 2007. № 9. С. 32-34.
8. Карпов К.Н., Галян С.В. Квалификация неправомерного присвоения найденного имущества // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 46-49.
9. Клепицкий И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) // Законодательство. 2000. № 2. С. 70-79.
10. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. 478 с.

11. Преступления против собственности в Англии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lia.net.ru/info/jurisprudence/index.php?n=79&c=1-60>. Дата доступа: 10.12.2010.
12. Скляр С. Кража забытого имущества // Уголовное право. 2017. № 3. С. 68-73.
13. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пос.; под ред. И.Д. Козочкина. М., 2004. 560 с.
14. Хилюта В., Бильдейко А. Находка или кража? // Уголовное право. 2014. № 3. С. 93-97.
15. Хилюта В.В. Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации. Гродно, 2011. 335 с.
16. Шарапов Р.Д. Старые и новые проблемы квалификации хищений // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против собственности). Третьи Волженкинские чтения. СПб., 2018. С. 15-21
17. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. М., 2007. 376 с.

Информация о авторе:

Хилюта Вадим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет им.
Я. Купалы, Гродно, Республика Беларусь

Information about author:

Hilyuta Vadim Vladimirovich,
candidate of jurisprudence, associate professor,
Grodno State University named after. Y. Kupaly,
Grodno, Republic of Belarus

Наука молодых – мост в будущее

УДК 658.7

А.С. Семенов

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЭФФЕКТИВНОГО ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

*Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова*

Аннотация: Данная статья посвящена формированию и внедрению эффективных механизмов реализации логистического менеджмента на предприятии. Авторами проведен сравнительный анализ, выделены ключевые проблемы, отмечены существующие драйверы развития, предложены пути повышения эффективности транспортно-логистического менеджмента.

Ключевые слова: транспорт, менеджмент, логистика, перевозки, экономика, рациональность, транспортно-логистический менеджмент.

UDC 658.7

A.S. Semenov

SOME APPROACHES TO THE FORMATION OF EFFECTIVE TRANSPORT AND LOGISTIC MANAGEMENT

State University of the Marine and River Fleet named after Admiral S.O. Makarov

Abstract: This article is devoted to the formation and implementation of effective mechanisms for the implementation of logistics management in the enterprise. The authors carried out a comparative analysis, identified key problems, identified the existing drivers of development, proposed ways to improve the efficiency of transport and logistics management.

Keywords: transport, management, logistics, transportation, economy, rationality, transport and logistics management.

Транспорт предприятий и организаций, с одной стороны, является частью транспортной системы государства [15], а с другой, - неотъемлемой, интегрирующей все процессы (от поставок ресурсов до реализации продукции) составляющей производственно-коммерческой деятельности народного хозяйства [9].

Последние несколько десятилетий прошлого века в развитых странах прошли под знаком логистизации снабженческо-производственно-сбытовой деятельности предприятий.

Роль транспорта в логистике по мнению современных исследователей [5; 13 и др.] является ключевым, ведь движение материальных потоков без транспортировки невозможен.

В процессе производства на промышленных предприятиях регулярно перемещаются огромные массы сырья, материалов, топлива, полуфабрикатов, инструментов и т.д. Доставка этих грузов на заводы и фабрики, их последующее перемещение внутри предприятий, а также вывоз готовой продукции и отходов производства составляют задачу промышленного транспорта.

Осуществляя на предприятиях производственную связь между складами, цехами, участками и рабочими местами, промышленный транспорт составляет органическую часть материально-технической базы процесса производства [6; 10].

В рыночных условиях современные предприятия, как субъекты хозяйствования не только производят продукцию, но и осуществляют функции материально-технического снабжения ресурсов и сбыта продукции [3].

Поэтому движение материальных ресурсов от первичного источника до конечного потребителя целесообразно рассматривать как единый материальный поток (грузопоток), который обеспечивается транспортными средствами. Указанное является основой, на которой основывается транспортная логистика.

Место транспортной логистики можно представить следующим образом (рис. 1).

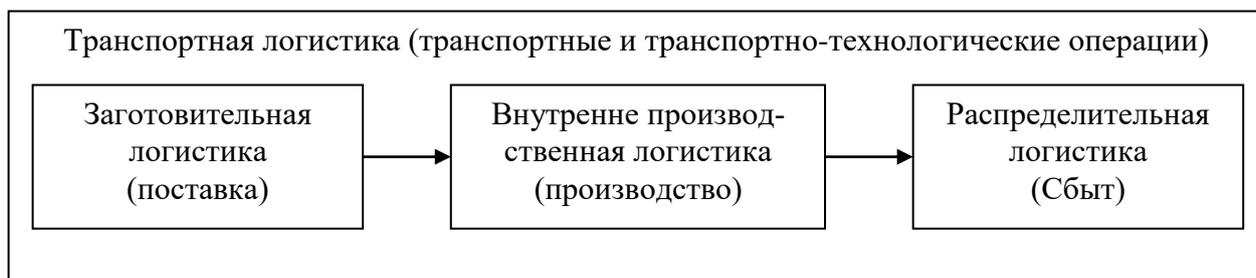

Рисунок 1 - Схема взаимосвязи заготовительной, внутрипроизводственной, распределительной и транспортной логистики

Указанная схема свидетельствует о интегрирующей роли транспортной логистики, предметом которой являются транспортные и транспортно-технологические операции, обеспечивающие поставки (заготовительную логистику) [8], производство (внутрипроизводственную логистику) [1] и сбыт продукции (распределительную логистику) [11].

С техническим прогрессом, автоматизацией и интенсификацией процессов производства непрерывно повышаются требования к фабрично-заводскому транспорту. Одним из условий бесперебойной работы предприятий является строгая согласованность производственных процессов и транспортных операций.

Промышленно-заводской транспорт оказывает большое влияние на экономику промышленного предприятия [18]. На многих предприятиях удельный вес складских и транспортных рабочих достигает 15-20% от общего числа рабочих [16].

При этом специфика подходов транспортной логистики предполагает наличие ключевых элементов:

- транспортного обеспечения снабжения, производства и сбыта, как интегрирующего звена в структуре транспортно-логистической системы;
- грузопотока как разновидности материального потока, функционирующего в рамках транспортно-логистической системы;
- транспортно-логистического менеджмента как инструмента управления транспортно-логистической системой.

На наш взгляд, транспортные ресурсы - это часть человеческих, материальных, финансовых и информационных ресурсов, которая используется транспортными предприятиями и транспортными подразделениями в транспортном процессе и процессах, его обеспечивающих.

Поскольку производственно-коммерческая деятельность предприятия состоит из отдельных процессов, которые с точки зрения логистики представлены разными потоками (материальными, энергетическими, информационными, финансовыми, кадровыми), то каждый операционный процесс должен управляться и соответственно может быть представлен определенным видом управления (табл. 1).

Транспортно-логистический менеджмент как разновидность логистического и операционного менеджмента - это совокупность функций и методов управления, направленных на рациональное использование транспортных ресурсов в процессе транспортно-логистического обеспечения производственно-коммерческой деятельности субъектов хозяйствования и получения прибыли.

Транспортно-логистическая система предприятия, как синтез снабженческих, производственных, распределительных и транспортных процессов, включая поставки материально-технических ресурсов (с транспортным обеспечением), производство продукции (с транспортно-технологическим обеспечением), хранение и сбыт продукции (с транспортным обеспечением).

Таблица 1

Процессы, потоки и виды управления на предприятиях

Операционный процесс	Вид потока	Вид управления (менеджмента)
Поставка (ресурсное обеспечение)	Материальный поток	Управление поставками (управление ресурсообеспечением)
Производство продукции	Материальный поток	Управление производством (производственный менеджмент)
Сбыт продукции	Материальный поток	Управление сбытом (маркетинговый менеджмент)
Перемещение (транспортировка)	Материальный поток	Транспортно-логистический менеджмент
Обеспечение энергоресурсами	Энергетический поток	Управление энергообеспечением (энергетический менеджмент)
Информационное обеспечение	Информационный поток	Управление информационным обеспечением (информационный менеджмент)
Финансовое обеспечение	Финансовый поток	Управление финансами (финансовый менеджмент)
Кадровое обеспечение	Кадровый поток	Управление персоналом (кадровый менеджмент)

Одним из средств выявления резервов в работе транспортного хозяйства служит анализ использования транспортных средств [4]. Он дает возможность определить, насколько правильно используются транспортные средства, каково их влияние на работу основных и вспомогательных участков производства, каковы характер и причины отклонений от разработанных графиков и установленных нормативов и т.д. Анализ необходим для проверки действующих нормативов и подготовки материалов для планирования транспорта.

Анализ фактического грузооборота за отчетный период и его отклонений от планового как по объему, так и по структуре может выявить значительные резервы в использовании транспортных средств [19].

Подвижной состав внутризаводского транспорта обычно состоит из рабочего парка и транспортных средств, находящихся в резерве. В числе факторов, влияющих на степень использования подвижного состава, основное значение имеют техническое состояние транспортных средств и внутризаводских дорог, организация их эксплуатации, качество и сроки ремонта, правильное определение потребности и устранение обезлички в работе транспорта. На них, в первую очередь, и должно быть обращено внимание при анализе.

Объем погрузочно-разгрузочных работ является третьим количественным показателем работы внутрипроизводственного транспорта. При анализе выполнения плана по этому показателю рассматривается соотношение между механизированными и ручными работами, использование средств механизации на погрузочно-разгрузочных работах, внедрение мероприятий по механизации этих работ.

Вторую группу вопросов анализа составляют качественные показатели работы транспорта. Основными из них являются скорость движения, использование грузоподъемности, пробега и рабочего времени машин, а также трудоемкость и себестоимость транспортных услуг. Под технической скоростью понимается отношение длины пути к затраченному времени непосредственно на движение от одного пункта до другого.

Транспортная машина за рейс обычно совершает две неодинаковые по значению работы: доставку на место назначения груза и возвращение обратно порожняком. Если обратный путь полностью проделывается порожняком, то пробег машины рационально используется только на 50%. При полной или частичной загрузке машины на обратном пути использование пробега может быть повышено.

Повышение коэффициента использования пробега дает возможность сократить потребность в подвижном составе, повысить производительность транспортных рабочих, снизить себестоимость перевозки тонны или тонна-километра груза.

На предприятиях повышение коэффициента пробега в наибольшей мере достигается при кольцевой системе перевозок [17].

Резервы рабочего времени транспортных машин выявляются путем анализа нескольких показателей. Первым таким показателем является отношение фактических машино-часов к плановому количеству машино-часов за тот же период.

Однако время, зафиксированное документально, нельзя рассматривать как полностью используемое для работы. В действительности оно складывается из времени движения, времени на погрузку-выгрузку и времени простоев по разным причинам.

При стабильных маршрутах важным показателем использования рабочего времени является отношение фактического числа поездок к нормированному [7].

Объем перевозок и качественные показатели работы транспорта влияют на относительное сокращение или увеличение расходов и себестоимость транспортных работ. Анализ себестоимости должен показать причины отклонений себестоимости от плановых показателей, установить величину потерь по той или другой причине, наметить мероприятия для устранения этих потерь и определить резервы дальнейшего снижения себестоимости транспортных работ.

При наличии стабильных грузопотоков движение грузов принимает характер маршрутов [20]. Для маршрутов применительно к особенностям грузов подбираются наиболее приемлемые виды транспорта и тары, определяются способы транспортирования и т.д.

Вместе с тем, рассматривая транспортно-логистическую систему, как объект оценки ее эффективности, целесообразно выделять следующие виды эффективности:

экономическую, социальную, функциональную (транспортную), энергетическую. Каждый из этих видов эффективности характеризуется определенным критериям (табл. 2).

Таблица 2

Критерии эффективности транспортно-логистических систем

Вид эффективности	Критерии эффективности
Экономическая эффективность	Стоимостный критерий (себестоимость), трудоу критерий (трудоемкость)
Социальная эффективность	Социальные критерии (удовлетворение потребностей общества, минимизация ущерба окружающей среде)
Функциональная (транспортная) эффективность	Функциональный критерий (транспортноемкость продукции)
Энергетическая эффективность	Энергетический критерий (энергоёмкость транспортного процесса)

Отсюда следует, что качество транспортного обеспечения может быть охарактеризовано по следующим критериям:

- своевременность перевозки (транспортировка грузов должна быть начата без опоздания и выполнена в установленный срок);
- полнота перевозок (к перевозке должен быть принят весь объем груза);
- сохранность груза (в процессе транспортировки не должно быть допущено потерь и ухудшения качества груза);
- экономичность перевозки (обеспечение минимизации расходов заказчика на транспортировку грузов).

Основными путями улучшения логистической работы транспорта являются:

1. *Комплексная система автоматизации транспортно-логистических операций.*

Существующий уровень механизации и автоматизации транспортных и особенно погрузочно-разгрузочных работ значительно отстает от уровня механизации основного производства. На промышленном транспорте применяется в основном малопроизводительная техника, подвижной состав (железнодорожные вагоны, грузовые автомобили и др.) слабо приспособлен для механизированной погрузки-выгрузки, широко используется ручной труд. Для ликвидации отставания в этой области планируется проведение большого числа мероприятий по механизации и автоматизации транспортных и погрузочно-разгрузочных работ.

2. *Централизация и децентрализация системы логистики.* Для эффективного использования транспортных средств промышленных предприятий большое значение имеет централизация транспортных работ [12]. Она осуществляется по линии: а) ликвидации мелких автокомпаний и перевода предприятий на централизованные автомобильные перевозки, б) объединения железнодорожных цехов, обслуживающих несколько предприятий, и в) передачи железнодорожным станциям погрузочно-разгрузочных работ и соответствующей техники.

3. *Формирование собственной системы сервиса и ремонта,* обеспечивающей исправность транспортных средств. Проведение своевременного и качественного ремонта парка локомотивов, вагонов, автомобилей, электрокар и других средств транспорта улучшает использование транспортных средств, увеличивает удельный вес рабочего парка, повышает качество транспортных работ и снижает их себестоимость [2]. В условиях новой формы управления промышленностью имеется возможность сосредоточить ремонт транспортных средств на специальных ремонтных предприятиях, что повысит качество и удешевит ремонтные работы.

4. *Оптимизация использования техники.* Регулярное перемещение грузов из одних пунктов в другие дает возможность наладить равномерную работу транспорта, рационально организовать погрузочно-разгрузочные операции, достигнуть оптимальной скорости перевозок и наиболее эффективного использования транспортных средств и т.д. При повторяющихся транспортных операциях в практике промышленных предприятия применяются две системы перевозок: маятниковая и кольцевая.

При кольцевой системе перевозок коэффициент использования пробега машин и производительность труда транспортных работников значительно выше, чем при маятниковой. Однако организация кольцевой системы сопряжена с рядом трудностей. Она требует строго согласованной работы не только транспортных средств, но и своевременной подготовки грузов на обслуживаемых точках кольцевых маршрутов, централизованного оперативного руководства работой транспорта и т.д.

5. *Закрепление обслуживающего персонала.* Для повышения производительности труда и улучшения качественных показателей работы транспорта большое значение имеет четкое закрепление транспортных рабочих за обслуживаемыми цехами и даже участками или за отдельными транспортными агрегатами.

Таким образом, при решении вопросов организации и планирования логистической работы транспорта на предприятии исходным является объем и стабильность грузовых потоков.

Список литературы

1. Апатцев В.И., Басыров И.М. Обоснование новых форм транспортно-экспедиционного обслуживания грузовладельцев // Наука и техника транспорта. 2017. № 2. С. 44-51.
2. Балабин В.Н. Перспективы развития тепловозных дизелей нового поколения // Двигатель. 2007. № 4. С. 44-47.
3. Блинков Р.И., Карпунина Е.К., Колесниченко Е.А., Юхачев С.П. Современное состояние российской экономики как отражение реализуемых моделей экономической политики: от прошлого к настоящему // В книге: Методология формирования "державной" экономической политики в современной России. Тамбов, 2016. С. 16-27.
4. Будалин С.В., Ляхов С.В. Анализ качественных показателей эксплуатации лесовозных автопоездов // Естественные и технические науки. 2011. № 2 (52). С. 481-485.
5. Будалин С.В., Ляхов С.В. Оценка состояния грузового автотранспорта Свердловской области // Транспорт Урала. 2010. № 1. С. 32-34.
6. Быстров А.И., Гильмутдинов Р.З. О методах определения критического пути в транспортных задачах // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 1-2 (30). С. 126-131.
7. Веретенников Н.П. Логистические сети в экономическом развитии арктических коммуникаций // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения - 2016 2016. С. 26-29.
8. Гершвальд А.С., Биленко Г.М., Еловинов А.В., Басыров И.М. Введение в теорию управления процессами на железнодорожном транспорте. - Москва-Берлин, 2018.
9. Ефимова О.В., Морозов А.Б. Разработка методологии и технологии конструирования модели бизнеса транспортной компании // Современные гуманитарные исследования. 2011. № 1. С. 33-36.
10. Ефимова О.В., Морозов А.Б. Формализация компонент бизнеса транспортной компании // Проблемы экономики. 2011. № 1. С. 34-35.
11. Казарин С.Н. Коммерческие инновации в оптовой и розничной торговле // ...И помнит мир спасенный... Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Ответственный редактор Н.С. Яшин. 2015. С. 128-129.

12. Капелюк З.А. Формы хозяйствования в сфере обращения потребительских товаров: автореф. дис. ... докт.экон. наук. - Новосибирск, 1996.

13. Мизякина О.Б. Логистические модели формирования и управления сетевыми торговыми компаниями на региональном потребительском рынке // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. 2010. № 11. С. 89-91.

14. Отто И.П. Экономика СССР в 1920-1950-е гг. и в период подготовки к войне // Великая Отечественная война в российской истории Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Красной армии. Российский государственный гидрометеорологический университет. 2018. С. 138-142.

15. Селюнина Н.В. Водный транспорт юга России в период великой отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах ростовской области и Краснодарского края) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Майкоп, 2002. – 191 с.

16. Селюнина Н.В. Профсоюзы водного транспорта России в период великой отечественной войны. - Ростов-на-Дону, 2007.

17. Рюмкин В.И. Процедура функционального шкалирования пространственно распределенных объектов // Обозрение прикладной и промышленной математики. 2004. Т. 11. № 4. С. 916-917.

18. Тюрин И.Ю., Комаров Ю.В., Соколов В.Н., Старцев А.С., Лявин Ю.Ф., Неверов Д.А., Старцев С.В. Техническое обеспечение диагностирования машин. - Саратов, 2012.

19. Черткова Г.Д. Организационный механизм управления интрапренерскими подразделениями на промышленном предприятии // Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук.- Воронеж, 2004. – 187 с.

20. Эртель А.Г. Проблемы и совершенствование источников правового регулирования международных перевозок // Современная научная мысль. 2015. № 2. С. 177-184.

Информация о авторе:

Семенов Артем Сергеевич,
Государственный университет морского и
речного флота им. адмирала С.О. Макарова,
Санкт-Петербург, Россия

Information about author:

Semenov Artem Sergeevich,
State University of Marine and River Fleet
them Admiral S.O. Makarov,
St. Petersburg, Russia

Правила для авторов

1.1. Электронный научно-практический журнал «Синергия» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры и рецензии (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

1.2. Для публикации статьи авторам необходимо предоставить в редакцию:

- 1) текст статьи;
- 2) аннотацию и название статьи, ключевые слова, инициалы и фамилию автора на русском и английском языках;
- 3) файлы всех предоставляемых материалов на электронном носителе;
- 4) сведения об авторах: их должности, ученые степени и научные звания, служебные адреса и телефоны, телефаксы и адреса электронной почты с указанием автора, ответственного за переписку с редакцией.

1.3. В течение недели со дня поступления рукописи в редакцию авторам направляется уведомление о ее получении с указанием даты поступления и регистрационного номера статьи. Оплата за публикацию статьи не взимается.

1.4. Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и (в случае положительной рецензии) научному и контрольному редактированию.

2.1. Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем

следуют инициалы и фамилии авторов, заглавие статьи, развернутые названия научных учреждений, страна. Далее приводятся краткие аннотации и ключевые слова на русском и английском языках.

2.2. Редколлегия рекомендует авторам структурировать предоставляемый материал, используя подзаголовки: Введение, методика эксперимента, обсуждение результатов, заключение, библиографический список.

3.1. Текст статьи должен быть набран через полтора интервала формата А4, с полями ~ 2,0 см со всех сторон, размер шрифта 14 (Times New Roman Cyr).

3.2. Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на источники нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

3.3. Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования. Подстрочные сноски не допускаются.

3.4. Статьи публикуются в авторской редакции. Перед отправкой текста статьи в издательство, Автор принимает на себя обязательства в том, что текст статьи является окончательным вариантом, содержит достоверные сведения, касающиеся результатов исследования и не требует доработок.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

«СИНЕРГИЯ»

2018. № 2 (16)

Главный редактор - Иголкин С.Л.

Заместитель главного редактора - Смольянинова И.В.

Ответственный секретарь - Шаталов М.А.

Дизайн обложки – Мартынов С.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Издатель: АНОО ВО «Воронежский
экономико-правовой институт»
Адрес издательства: Российская
Федерация, 394042, г. Воронеж,
Ленинский пр-кт, 119а.
Телефон: +7 (473) 202-18-58;
+79518627959
Synergia2015@yandex.ru
mshatalov@vilec.ru
<http://www.vepi.ru/science/sinergiya/>

Publisher: ANEO HE "Voronezh Institute of
Economics and Law"
Address publisher: Russian Federation, 394042,
Voronezh,
Leninsky Av., 119a.
Phone: +7 (473) 202-18-58;
+79518627959
Synergia2015@yandex.ru
mshatalov@vilec.ru
<http://www.vepi.ru/science/sinergiya/>